

1928

著者(英)	A.D. Simukov
journal or publication title	Senri Ethnological Reports
volume	74
page range	80-177
year	2008-03-14
URL	http://doi.org/10.15021/00008764

А.Симуков

Дневник Хангайской экспедиции 1928 года

14/VII

Уже давно приехали мы в начальный пункт моего путешествия – Цэцэрлиг. Из Уланбатора мы тронулись около полудня 30-го июня. Этой дорогой я ехал уже четвертый раз - дважды проскакал я этот путь на уртонских, оба раза зимой, и один раз на машине, осенью. Но только теперь я ясно представляю себе весь этот путь. По жаре и духоте пыхла наша машина через лога Шара хуб, легко катилась по широким долинам к Толе. На берегу Толы, около моста, мы и заночевали. На следующий день, пообедав на Харухе, мы уже в темноте достигли Орхона около перевоза. Утро 2-го июля было занято переправой через Орхон. Кроме того мы сидели в грязи и поэтому до Цзаина не доехали, остановившись в сумерках в уреме Урду Тамира. Место было выбрано очень удачно. Урема в этом месте напоминала парк со старыми тополями на ярко зеленом газоне. Утром 3-го без труда переехав Тамир, мы очень скоро доехали до Цзаина. Там узнали, что наши стоят на Тамире, много ниже Цзаина, в уреме. Повернули обратно и, проехав верст 9, добрались до наших майханов. Доехали они в общем благополучно. Только на ургоне Аргал, ночью во время сильного ливня у них украли большие богсоны с моими сапогами и ичигами. Кроме того у <...> обнаружился сифилис, и я был вынужден отправить его обратно. В Цзаине замены подыскать не мог. Из Цзаина отправив караван С.А., мы съездили на машине в Эрдэни цзу и сделали несколько мелких экскурсий в окрестностях Цзаина. Вчера около 10-ти часов мы выбрались из Цзаина. Перевалив небольшой перевальчик, ведущий из города к мойкам, мы свернули на <...> и стали подниматься на Халцзан даба. Подъем сносный, но очень длинный. Падь эта (Убур халцзангиин ама), знакомая мне по предыдущим экскурсиям, имеет почти прямое направление. Правая сторона немного облесена. Лес мелкий, частью молодой. Лиственница, береза, ива. Левая сторона крута и обнажена. По тальвегу верхней половины пади – заросли ивы, местами густые. Тальвег ступенчат. В верху пади прекрасная трава. Очень многие

растения еще в полном цвету. По зарослям близ перевала много старых кабаньих роек. Самый Халцзан даба – плоская седловина. Соседние вершины поднимаются над дабаном не намного. Дорога через Халцзан мало разъезжена. Здесь же проходит телеграфная линия. С седла перевала открывается широкий вид. На юге – долина Урду Тамира с резко выделяющейся полосой тополевой уремы. За ней густо облесенные горы, среди которых высится выдвинутый к северу от магистрали голец Субурга хайрхан. Сама магистраль Хангая чуть видна. На севере же совершенно прямая падь идет к долине Хойту Тамира, где также виднеется полоска древесной уремы. На горах, поднимающихся к северу от последней реки, лес заметен лишь кое-где.

Спуск с Халцзана оказался крутым и весьма каменистым. Спускаться пришлось очень осторожно и все-таки один воз перевернулся. Заваленная камнями и размытая дорога зигзагами вела по хорошему лиственничному лесу. Подлесок – береза и ива. Спустившись, мы сейчас же выехали из леса и поехали по довольно широкой (1 км) долине Ара халцзангиин ама, направляясь к Хойту-Тамиру. В верху долины жителей нет, но видны один-два убульчона. Очевидно, зимой прикочевывают с Хойту Тамира. Трава хорошая, местами, особенно под лесом, вполне пригодна для косябы. Примерно на середине между Халцзаном и Хойту-Тамиром в Халцзангиин-ама впадают справа и слева большие пади. Левая – Шибиртэ отворот с Гурбан даба, правая Арцатаин ама идет от Цаган даба. Последняя в вершине дает 2 ключа (помимо основного), берущих начало от Цзаинских скал. Из них, нижний значительно больше верхнего. Оба склона круты, с густыми сиверами. Левая падь также лесиста. Вообще, к западу от Халцзана полоса леса на водораздельном хребте обоих Тамиров быстро ширится. В правой пади, несколько выше ее слияния с главной, стоит маленький дугун.

Около слияния разбросано много (аилов 8) юрт. Выше же мы отметили только 2. И здесь трава, несмотря на относительную удаленность от леса, хороша. Под кошу, правда, почти не идет. На версте от перевала мы выехали в долину Хойту Тамира и повернули на запад, вверх по течению, держась правого (по течению) бока долины. Урема реки – та же, что и на Урду-Тамире. Горы к югу от долины круче, ближе подступают к долине, нежели северные. Последние почти безлесны (убур) и довольно сильно размыты. Слева же все время виден лес, растущий небольшими лиственничными сиверами на подходящих по крутизне и экспликации склонах. Степь много беднее, нежели в южных падах. Много <...>. Но вообще – плоховато. Это и понятно, так как все время видны юрты. Через некоторое время минуем уртон Цзаны хошу. По долине кое-где есть

болотца. Дорога скверная, через несколько верст (долина сужается до 1 км) открывается широкая долина речки Улэнтэй, правого притока Хойту Тамира. Так как выше Тамир делает изгиб, и поэтому дорога, направляющаяся в Цээн ван, уходит вверх по Улэнтую, то свернули и мы. Проехав болото на выходе этой речки в долину Тамира, мы стали подниматься по левому краю долины, постепенно удаляясь от самой речки. К югу от нас верстах в 6-7 виднелся высокий, густо облесенный хребет – основной водораздел обоих Тамиров. Над тайгой высились одна-две гольцовых вершины. Видны были узкие, крутые пади. Улэнтэй начинается именно в этих горах. Против устья Улэнтэя на левом берегу – Хойту Тамира длинным обрывом выступает останец левого протока, покрывавшего когда-то почти все пространство современной долины реки в широком смысле. Об этом свидетельствуют многочисленные останцы далее вверх по реке. Поднявшись на пологий перевальчик между Улэнтэй и широким логом Бахан булаг, мы увидели два озера: Доод нур и Аршанту. Первое лежит в полукилометре южнее дороги в пади Улэнтэй, второе же у самой дороги, в Бахан булаге. Спустившись немного с перевальчика, мы, весьма заинтересованные близостью густой тайги и гольца, решили ночевать под лесом и свернули напрямки туда. Несколько степных увалов заставили-таки наших лошадей попрыгать порядочно. В Бахан булаге две группы юрт. Против него на Тамире тоже примерно 5-6 айлов. Растительность бедновата: степь (ксерофитная), сильно потравлена скотом. С последнего увала мы увидели листовничную урему левого истока Улэнтэя – Сумэтэ гол (?). Стояли у уремы, близ быстрой, каменистой речки. Я сейчас же побежал на охоту. Шел уремой, несколько раз переходя речку. Очень скоро увидел козу, но стрелять не стал. Видел старые следы изюбрей. Далее я увидел гурана, которого и свалил одним выстрелом. Вспомнив старину, завьючил его на себя и уже в темноте, вернулся в лагерь.

19/VII

Решил дневать, чтобы ознакомиться с характером тайги. Чухломин на рассвете ушел по зверю, я же занимался всякими мелкими делами и фотографией. Около полудня он вернулся и сообщил, что видел свежие следы стада изюбрей, голов около 7, из них два быка, но найти зверей не мог. После обеда мы пошли оба. Я направился гребнем и прошел по нему верст 5. По дороге убил инзагана, приняв его за кабаргу. Видел помет кабарги, многочисленные старые кабаньи ройки и пару копалух. Пофотографировав, вернулся домой очень густым сивером следующей к западу небольшой падушки. Чухломин рассказал, что видел зверей, но

помешал ветер, подувший к ним. Рога на этот раз добыть не удалось.

Эти две-три экскурсии дали мне довольно ясное представление о характере здешней тайги. Отличием от Хэнтэя является узость лесной полосы, т.е. небольшое (по горизонтали и вертикали) расстояние между ксерофитной степью сбегающих к Тамиру мысов и гольцовыми вершинами. Затем замечательно (хотя и не ново для меня) отсутствие сплошных кедровников. Кедр встречен мною в виде отдельных экземпляров кое-где по крутым северам. Под самым гольцом он также, по-видимому, лишь примешан к лиственнице, являющейся таким образом единственной массовой породой деревьев хангайской тайги в этом месте. Чухломин подметил еще одно отличие – отсутствие “толстых грив” столь характерных для Хэнтэя, т.е. узость гребней, разделяющих крутобокие пади.

Хвойных, кроме лиственницы и кедра, нет. Из лиственничных отмечена береза, ива, осина. Даже на окраине леса действие рук человека незаметно. Тайга совсем нетронута. Качество леса большей частью очень хорошее: деревья рослы. Много молодой поросли. Из-за нее и валежника лес часто образует густые чащи. Кое-где видны участки увалов, большей частью очень крутых. В верхних областях нередки россыпи. На более выгодно эксплицированных склонах хорошо и обильно растет лесная трава. Брусничник (чистый) отмечен лишь в очень темном северу. Крупные обитатели леса уже почти перечислены. Весь этот хребет, осматриваемый с какой-либо высокой точки, представляется довольно солидным, хорошо облесенным хребтом. На восток, к Цзаину, полоса леса быстро сужается. На запад же лучше не заглядывать. Огромные гольцы постоянно окутаны облаками и там очень часто идет дождь.

19-го числа, довольно поздно, мы выбрались с нашей приятной стоянки дальше. Поехали по малозаметной дороге по лесной опушке. Поистине любезные места! Небольшие лога. Редколесье, в котором ярко-розовыми пятнами выделялись сплошные поросли иван-чая, прекрасная трава и ровные покатоности, которые так и хочется распахать. Народу нет. Все на Тамире. Ближе к Цэцэн вану стали попадаться порубки, но крайне незначительные. Переехали небольшой ключ Шара булун. Поднявшись на небольшой перевальчик, увидели Цэцэн-вангин-хуриэ. Оставив караван идти по прямой дороге мимо куреня, я сам поскакал туда. Заехав в п[ервичное] отд[еление] МНЦК, я познакомился с зав[едующим]. Андр[еем] Вас[ильевичем] Хмылевым – и кое о чем его расспросил.

На вопрос о сенокосах он мне убежденно сказал, что таковых отвести невозможно. Все тамирские монголы кочуют зимой под лесом и понемногу учатся косить сами. В Улэнтэе расположены сенокосы Ветотдела и МНЦК.

Касательно земледелия. У него успевают созреть ячмень и картофель. Последний иногда мерзнет.

Охотников в округе мало и, несмотря на обилие изюбря, пантов в продажу поступает очень мало. Причина – отсутствие хороших ружей и относительное благосостояние населения, т.е. отсутствие импульса к охоте. Тарабагана он собирает до 8 тысяч. Относительно дальнейшего пути, он посоветовал заглянуть в вершину Хойту Тамира. Рассказал о золоте близ уртона Цзун модо (р. Хурымьин-гол). В верховье Тамира, по его словам, много аргали и янгеров. Невдалеке от куреня, на г. Баян цзурихэ есть ежи. В округе в этом году порядочно змей. Несколько лет тому назад в окрестностях Гурбан даба нашли коренной зуб мамонта. Находили и клыки. В Цэцэн-вановском курене считается свыше 2000 лам.

Очень интересно, что местные жители называют плоские гольцовые вершины словом “таг” <...>. Цирк (Хэнтэйский “дуг”) именуется просто “биту”. Для главного хребта есть выражение “кюбчу”. Последнее, впрочем, требует проверки.

Пока я был в курене, караван, идя все время правым краем долины, пересек речки Халтыр и Ангархай, миновал хуриэнь и остановился верст на десяток выше последнего и выше пади Сумэтэ. Покончив с расспросами, я быстро покатил разыскивать своих. Проехал мимо куреня. Храмов не очень много и все они смешанного тибето-китайского стиля. Строится новый большой субурган. Вот и все, что можно сказать об этом монастыре при беглом обзоре. Самое место для монастыря выбрано очень удачно. Расположен он на террасе левого берега. Позади него – амфитеатр обнаженных каменистых гор. Перед ним широкая (до 2-х км) долина Хойту Тамира с богатой зеленой уремой вдоль самой реки (тополь и ива). По лугам раскинулись многочисленные айлы. Везде оживлено. По ту сторону долины вздымается мощный лесистый вал хребта, разделяющего оба Тамира. Вал этот увенчан гольцом Хан ундур, на вершине которого простым глазом хорошо видно обо (хошунное). В хребет уходит целый ряд падей, частью глубоких и длинных (Халтыр, Ангархай), частью пологих и коротких. На западе, близ поворота Тамира, виден мощный отрог главного хребта с большими гольцовыми полями и двумя цирками. К востоку же горы постепенно снижаются, мельчают.

В этот же день я для увязки своей съемки, съездил на крутую горку Хайрхан, возвышающуюся между падами Улалцзай и Худжиртэ, напротив нашего лагеря.

На склоне этой горки, в камнях видел <...>. С вершины открывается широкий вид на ближние окрестности. Все, за исключением высоких

гольцовых гряд, зелено. По широкой долине причудливо извиваются рукава Тамира, частью покрытые пышной уремой.

Вдали белым пятном выделяется хуриэ Цэцэн вана. Это на восток. На юге лиственничные леса спускаются почти к самой долине. К Ю.-З. от Хан ундур виднеется мощный гонец Сумэтэ ихэ.

У подножья Хайрхана по болотистому лугу извивается небольшая речка Худжиртэ, берущая начало в упоминавшемся выше мощном гольцовом отроге. По ее долине раскинулись многочисленные айлы, бродят стада скота и табуны лошадей. Вверх по Тамиру видно недалеко. Верстах в 12 от нашей стоянки находится слияние двух потоков Хойту Тамира – Хойту гола и Урду гола. Видно что долина сильно сужается, склоны ее становятся весьма крутыми. Вдали видны гольцы магистрали. На обратном пути я заехал в юрту и расспросил о названиях местностей.

20/VII

Утром, довольно поздно, я выбрался снова в хуриэ. По дороге обратил внимание на довольно большое могильное поле. Могилы двух типов: кэрэкуры (круглая насыпь, заключенная в квадрат) и плиточные погребения, часто с перпендикулярно поставленными плитами. Некоторые из последних могил снабжены хвостами – длинными линиями камней. Одну из них, наиболее ярко выраженную, я заснял. Все эти могилы широко разбросаны по широкой террасе, полого спускающейся к реке.

Приехав в хуриэнь и переговорив с Хмылевым я решил следующее: мы постараемся пробраться как можно выше по Хойту голу. Там переднюем. Поохотимся, затем я возьму проводника, сарлыков, и наверну по магистрали прямо к Эгин дабану. Чухломин же с телегами вернется обратно и пройдет через Улалцзай и Цзун модо к Галутэ, где мы и соединимся. Таким образом будет охвачена большая и широкая часть магистрали. Имея это в виду, я заручился бумагой от тамагана к цзангину Баян мандалийн сомона. Кроме того я нанял еще человека, Дугарчапа, старика 52 лет, рекомендованного мне Хмылевым. Теперь будет легче. Расспрашивая одного молодого охотника я узнал странную вещь, настоятельно требующую проверки. Он уверял меня, что в районе истоков Тамира (о более дальних местах я не спрашивал) водится два вида горных козлов – “янгер” и “яма-гурес”. Отличаются они по рогам (у последних самки чуть ли не комолые) и даже по окраске. Может быть возрастные отличия? Будь это в действительности – открытие. Дэльта хара в округе нет.

Заснял я сцену приемки шерсти. После полудня надвинулась туча, разразившаяся грозой, весьма сильным дождем и градом. Дождь, с

небольшими перерывами, продолжался весь вечер, и я вернулся в несколько подмокшем виде. Не пришлось снять общую фотографию хуриэ, как я собирался.

Здешний тамаган производит довольно приличное впечатление. Бумагу мне выдали скоро, в моих заданиях разбираются хорошо. Есть партийные. Хмылев довольно высокого мнения о здешней общественной жизни.

Весь вечер и всю ночь лил дождь.

21/VII

Дождь продолжался и утром. Анероид упал. Скверно. Я съездил немного вверх, чтобы выяснить местонахождение цзангина. Какой-нибудь верстой выше нас в уреме появляется лиственница. Бока долины, еще довольно широкой, делаются весьма крутыми. По самой долине больше камня.

Вернулся под дождем. Дождь с небольшими перерывами, наворачивает все время. Решили не ехать. Подъехал наш старик. Как будто ничего.

А вообще плохо. Теряем день за днем, все мокро и сыро, боюсь за пленки. Тамир все вздувается. Ни снимков, ни коллектирования. Скверно, только и дела, что писать дневник. С утра, впрочем, барометр стал подниматься. Может быть хоть завтра будет несколько лучше. Такие прекрасные места пропадают для нас из-за дождя совершенно зря.

Поездка в Эрдэни-Цзу

Эту поездку я сделал вместе с Кондратьевыми на нашем автомобиле. Выехали мы 6-го¹⁾ после полудня. Тамир переехали выше Цэцэрлига. Долина этого последнего внизу широка и сильно заболочена. Урема отсутствует. Несколько выше на крутых склонах ее появляется лес. Около самого впадения этой речки в Урду-Тамир возвышается небольшая горка с обо, называемым Алтан обо. Урема Тамира в этом месте великолепна. Здесь я сделал пару снимков. За Алтан обо мы выехали на нашу старую дорогу и покатали по ней до перевала в долину Ара нур. Там мы оставили старую дорогу влево и поехали вверх по долине. Низ этой долины болотист, много <...>, верх сух. Внизу, ниже дороги, имеется два озера. Вверху – одно, небольшое. На нем мы заметили пару лебедей. Вскоре после небольшого перевальчика, миновав огромный кэрэксур, мы спустились в небольшую котловину к ключику, на котором и заночевали.

1) Имеется ввиду 6 июля 1928 года (*прим. сост.*).

Первый лес был верстах в 4-х к югу от нас. Корма дорогой были плоховаты.

На утро 7-го мы двинулись дальше. Миновали ур. Шара булаг и поднялись на невысокий здесь водораздел Тамир – Орхон. Спустившись с него мы оказались в виду речки Хусьин гол, оставшейся вправо. Дорога повела стороной, поперек увалов и сухих логов. Низом ехать грязно. Дорога идет все время степью, хотя к югу от нас граница леса проходит не более, как в 10 км. С высоких гребней увалов видны гольцы магистрали Хангая и густооблесенные горы между нею и нами. Хусьин гол берет начало не так далеко к югу от нашей дороги. Нам видно было место впадения этой речки в Цаган сумэин гол, левый приток Орхона. Постепенно приближаясь к последнему, мы пересекли падь Улан худжир и выехали к мон. Бэйсин хуриэ, расположенному на левом скате долины р. Цаган сумэин-гол. Монастырь Цаган сумэ остался южнее нас. Из за гор мы его не видели. Простояв около монастыря час (С.А. и М.И.Кондратьевы осматривали его), мы поехали дальше. Переехали незначительную речку Цаган сумэин гол и далее держались правого края ее долины. Пересекли устья нескольких падей. Название запомнил лишь одно – Тэмэ хуцзу. Все пади вверху облесены. Впереди расстилалась широчайшая долина Орхона. Миражом маячили развалины Хара балгасуна. Доехав до этой долины, мы свернули вправо, вверх по Орхону. Эрдэни цзу был уже недалеко. Авто шел по покатоной террасе-бэлю. Внизу, в зарослях ивовой уремы, шумел Орхон. Перед самым монастырем пришлось одолеть несколько корявых оврагов. Наконец мы достигли монастыря. Так называемый Новый Эрдэни цзу или Цзугын сумэ расположен на высокой террасе левого берега Орхона, почти над самой рекой. Ворота его обращены на восток. Сзади его обступают крутые горы, в распадках которых заметны заросли кустарников и небольшие лиственничные рощи. Через Орхон, напротив монастыря, выстроен мост. Стройка китайская, довольно основательная. Часть его недавно была снесена разливом. После этого были построены мостки, очень неосновательные, которыми до сих пор и пользуются. Старый монастырь лежит примерно в 3,5 км к востоку от нового, на степи. Верстах в 3-4 выше нового монастыря Орхон выходит из гор. Далее видны большие леса – <...> оконечность Хангайского лесного массива. Напротив нового монастыря видны остатки старых оросительных сооружений – большая дамба. В постройках обеих монастырей видно много осколков молотильных валов и жерновов, пошедших в кладку. Когда-то дело здесь было поставлено, несомненно, широко. В настоящее же время единственное оросительное сооружение – это канава питающая водой старый монастырь. По поводу этой канавы

мы и ездили в Эрдэни цзу. Побывав в старом монастыре, мы свезли наши вещи на телеге к головному участку канавы и проработали там вечер и утро следующего дня (8-го). Затем осмотрели старый монастырь и, переночевав в новом, 9-го вернулись в наш лагерь на Тамире. Эта поездка помимо прямого задания, выяснила характер местности в этой части угла Тамир – Орхон и <...> границу лесных насаждений. Кроме того, увидев нижнюю часть обширного плацдарма долины среднего Орхона (у Угэй нура) мы взглянули и на верхнюю его часть. Если бы исследование почвы этой Орхонской равнины подтвердило бы возможность широкого развития земледелия на ней, то рельеф места выхода реки из гор допускает сооружение капитальной плотины. Корма около монастыря были плохие.

22/VII

Утром выступили не очень рано. Погода сносная. В полуверсте от лагеря свернули в падь Мухур. Немного поднявшись по ней, мы повернули вправо, на седловину между Мухуром и местом выхода пади Хутугин ама в долину Хойту Тамира. Обращает внимание обилие погибшего леса. Виноваты тут гусеницы и, может быть, короед. Трава средняя. Много <...>. Несколько плиточных погребений. Одно из них с камнем – “куию” посредине. Хутугин ама - очень узкая и крутобокая падь, берущая начало под гольцом Сумэтэ ихэ. По мнению Чухломина [здесь] должно быть золото. Монголы сообщили, что здесь раньше копал золото какой-то русский, сделал даже кое-какие постройки, но ничего не вышло. Частью помешала подпочвенная вода. За Хутугин ама долина Тамира несколько расширяется. Левый берег занят высокой террасой, полого спускающейся, а затем круто обрывающейся к современной речной долине. Не есть ли это остаток конечной речной морены? Тем более, что выше ясно выраженных остатков таковой нет. Корма плохие. Внизу, у реки, два аила. Река по-прежнему обрамлена густой уремой. Кстати, забыл упомянуть, что после длительного (свыше суток) дождя вода в русле, около которого мы стояли, прибыла на 80-100 см. Почти напротив Хутугин ама в Тамир с левой стороны впадает рч. Шибиртэ, начинающаяся под гольцом Шибиртэинтаг. Лесу в ней немного и растет он почти отдельными сиверами. Вообще, по левой стороне Тамира в этом месте, а также, несомненно, и выше, лесу немного. С правой стороны, напротив террасы, тоже плоховато. С террасы мы спустились к бельчире двух истоков Тамира: Хойту и Урду голов. Расспросив, узнали, что подыматься Хойту голом, как я хотел вначале, невозможно, или почти невозможно. По Урду голу же идет тележница. Кроме того нам пришлось бы переждать спада воды, т.е. не менее суток.

В тот момент вода подходила под седло средней лошади. Я решил ехать по Урду голу. Напились чаю, запрягли, двинулись. Очень скоро миновали Баян мандал-обо, оригинальную острую сопку, увенчанную обо, близ вершины которой выступает пласт из какой-то твердой породы с отвесными боками. Вулканический или нет? Цвет не темный. Напротив обо мы переехали речку (Урду гол) и поехали вдоль уремы. Я заехал в сомон, но никого там не застал. Потом, догнав караван, послал туда Дугарчжапа, дав ему документы и определенные инструкции относительно подвод. Караван же продолжал двигаться дальше. Ехали левой (по течению) стороной речки. В версте от брода через нее на стрелке – террасе между Урду голом и Шибиртэ (это уж другая) строится новый дугун. Живет хубилган, приехавший из Пурбу гуна, через Цзаин.

Место выбрано красивое, так как Шибиртэ – очень красивая речка, хотя и короткая. Далее, все выше и выше, стали попадаться элементы высокогорного ландшафта: худосочный лес (все-таки сплошная лиственница), мох и окатанные большие камни в русле. А правая сторона – увалы, часто непосредственно переходящие в альпийскую зону. Дело шло к вечеру. Береговые морены как будто сильно разрушены (если только это они). Видели гурана, пересекшего нашу дорогу – спугнули с кормежки. Миновав крутой мысок, мы вышли к широкой боковой морене, образовавшейся в углу крутого изгиба Урду гола. Место довольно типичное в смысле “моренного” ландшафта. Неправильные бугры, усеянные окатанными камнями. Тополь в уреме исчез еще до мыса. Остались заросли кустарника. С правой стороны (по течению) – голые крутые скалистые сопки. Заночевали мы на рч. Цзамтэ, на километр выше слияния ее с рч. Улятуй. Ниже слияния она принимает название Урду гол. Долина Улятуя у слияния перегорожена огромным моренным нагромождением, через которое речка прокопала себе выход. Морена эта сооружена ледником Цзамтэ, достигавшим, по-видимому, огромных размеров. Около слияния [речек], сопки правого берега переходят в совершенно плоский голец. По левой стороне над мореной поднимаются невысокие скалистые сопки. Самая долина болотиста. Урема – кустарниковая. Как только караван остановился, мы с Чухломиним побежали на охоту, в разные, конечно, стороны. Я поднялся на лесистую стрелку Цзамтэ – Улятуй. Лес (сплошь лиственница) дикий, много мшистого камня. Деревья в массе малорослы, невысокого качества. Часть леса поражена гусеницами (черные, мохнатые, небольшие). На каждом дереве их сотни. Попадают крутые кочковатые лога без воды. В лесу старые следы изюбря. А вообще довольно мертво. Лишь когда уже начало темнеть, я спугнул на опушке большую козу. Приняв ее за гурана,

застрелил. Разделал и принес домой. Чухломин видел пару манулов. Вечером за веселым разговором досидели до 12. Дорога за этот день была приличная, лишь небольшой участок около мыса был довольно плох. Цзамтэ - большая речка. Вообще реки северного склона гораздо основательнее таковых южного.

23/VII

Утром встали поздно. Сделал несколько фотографий. Васька добыл <...> и какого-то чеккана. Птица в плохом пере - линяет. Около полудня приехал цзангин с помощником. Собралась куча местных жителей. Гвалту было сколько угодно, но все было по-хорошему. Улу распределили. Проводника дали отличного. Поеду все-таки не хребтом, а севернее, с заездами в верхушки речек. Уехала вся публика не скоро. Двигаться смысла не было и я решил заночевать на старом месте. Вычертил съемку. Приехал проводник с ракушкой. Я узнал у него целый ряд названий хребтов и падей. Из вершины Улятуя дорога (колесная) ведет через Хамар даба к дугуну в вершине Урду Тамира. Колесная дорога по Цзамтэ переваливает в Ара ухуг (система Утаин гола). Последний аил выше нас на 2-2,5 км. Разговаривали о местной жизни. Раньше население истоков Хойту Тамира было боевое. Частенько случалось воровство. Воровали почти все. Теперь затихло. Воровством славится лишь округа Цзаина.

Аргали и янгеров в истоках Цзамтэ мало; ранее их было гораздо больше. Хойлыков тоже немного, водятся они здесь лишь в самом верху. Изюбри летом часто ходят по самым гольцам уходя от леса очень далеко.

Утром Чухломин бегал на охоту, искал манулов, но так ничего и не нашел. Кроме всех дел, мы отобрали необходимое в разъезд. Дзангин рассказал, что недалеко, в одной из падушек Улятуя есть хрусталь, белый и дымчатый. Кроме того какие-то буряты ковыряли и другие цветные камни, какие именно – выяснить не удалось. Днем прошел дождик.

24/VII

Утром стали помаленьку собираться. Перед выездом я съездил на бельчир, сделал несколько засечек. Снял моренный ландшафт. Тем временем караван выехал. Проехали верст 8 вверх по Цзамтэ и стали немного выше ур. Халцзан. Против нашей стоянки, на левом же берегу Цзамтэ находится прекрасный пример “баранего лба” ледникового происхождения. Ледник Цзамтэ был очевидно весьма солидной мощности - до сотни метров во всяком случае. Выше этого лба также находятся сглаженные ледниковые скалы, но все это менее ясно выражено. Вскоре

подъехала ула – 2 человека и 5 лошадей. Завьючилились и поехали. С собой я взял Чухломина. Васька с Дугарчжапом остались в лагере. Переехав речку, поехали правой стороной ее долины, под лесом. Несколько выше по речной гальке урема – ивняк.

Верстах в 3-4 долина поворачивает к югу. С угловой морены открывается широкий вид на нее почти до самого верховья. Картина довольно оригинальная. В вершине плоское троговое дно долины сжато почти отвесными высокими утесами, совершенно голыми. Вершины их плоски. Ниже долина расширяется до 0,5 км, даже больше. По закраинам с левой стороны появляется лес, растущий узкой полоской. Лес виден и выше, в устьях узких ущелий. Ровные склоны долины ближе к повороту понижаются. Горы по обеим сторонам реки здесь совершенно плоски. U-образная долина как бы врезана в плоскогорье. По дну долины и по ее закраинам везде видны моренные отложения. За поворотом мы продолжали двигаться левой стороной долины (дорога идет правой), по обомшелой, кочковатой морене. Миновав лог Ангархай с речкой, текущей с гольцового плоскогорья, мы остановились на бурной речке Мухур хуштэ, вершина которой уходит в узкую щель между высокими гольцами. В вершине ее есть немного кедра, откуда и название (*хуш – по-монг. кедр – сосн.*). Лесов тут совсем немного. Малорослая лиственница лепится узкой полосой. Трава прекрасная. Чуть выше лагеря в узкой щели речка образует водопад, небольшой, но очень красивый. Высота падения примерно метра 4. Я прошел немного по гребню, отделяющему нижнюю часть ущелья Мухур хуштэ от долины Цзамтэ. В лесочке видел следы кабана (лежка и помет). На самом гребне крохотное озерко. Около него я поднял козу. Надвигался дождь, и я вернулся в майхан. Чухломин ушел охотой вверх по речке. Вернулся поздно и ничего не видел. Вечером лил сильный дождь. Пелху, старик охотник, рассказал мне, что по крутым лесистым скатам ниже поворота долины (мы видели там скалы и крупную россыпь) водится много кабарги. Местные охотники бьют ее по снегу. Способ охоты довольно оригинальный. Идут двое. Подняв кабаргу с лежки, один из них гонит ее по следу, тогда как другой садится где-нибудь невдалеке от лежки. Спугнутая кабарга делает небольшой круг и снова возвращается на старое место. Здесь ее и стреляют. Бьют здешние монголы и кабанов для еды. Все верховье Цзамтэ совершенно безлюдно. Зимой кочевки отдельных айлов доходят до Хоцзогор хайрхана – на несколько верст выше Мухур хуштэ.

По словам Пелху отдельные части водораздела Урду- и Хойту-Тамиров называются следующими именами: Улэнтэин оно (верховья Улэнтэя), Сумэтэин нуру (сюда входит Халта булу (?)) и Хан ундур), Хара-

чулуиный-нуру, Чжирхэ нуру, Чжарантай, Хамар дабанын-нуру, Цзайтангийн нуру. Хамар даба – в истоке Улятуя.

Здесь же выпишу названия боковых падей и притоков Урду Тамира и Туйин гола. Моя съемка в 1926 г. страдает отсутствием имен. Выше дугуна с левой стороны в Урду-Тамир впадают следующие пади (считая снизу вверх): Хоримцук, Чиндамани, Доод булаг, Дунду булаг, Дээд булаг, Хирхеро, Айахтэ, Доод хуштэ, Дунду хуштэ, Дээд хуштэ и Убур эмэл. С правой стороны (немного ниже дугуна) Соготэ, Хошиктэн (большой приток), Нарин, Мухур, Хуху даба, Ара мухур, Доод ара хуштэ, Хулюсай даба, Хульчотыйн даба, Гурбун даба и Убур хайрхан даба.

По Туин голу (считая за его исток падь Нам). Правая сторона: Нам, Хуху даба, Хулюсай, Ухуг, Дээд-, Дунду- и Доод чжиргаланту, Обоньй ама, Баян-мото, Улцзэйту, Агойтэ (напротив мон. Даянчин хид), Урду нарин, Худжирийн гол, Хачиктэ, Бильгэхиин ама, все это до Эбдэрхэй балгасан.

Левая сторона: Ара нарин, Урду нарин, Цуслэн, Яматэ, Хашатэ, Убугун чжиргаланту, Ара булаг, Уртонты, Ихэ бугутэ, Ара бугутэ, Нарин, Хурум (против Тугэнгольского хуриэ), Бухтэ, Яман усу, Адун чулу, Ургэн хара усу, Шаргольчжуд.

Урочища Хара чулуту и Мухур эриг расположены на <...> склоне хребта Далангийн нуру.

Из животных пока (по мелочи) можно упомянуть весьма многочисленных сусликов, небольшое количество тарабаганов.

25/VII

Чуть стало светать, мы втроем (Пелху, Чухломин и я) поехали на охоту в ущелье Убур хуштэ. Поднимаясь вверх по Цзамтэ, миновали острую сопку Хоцзогор-хайрхан. Внизу гора эта чуть облесена. Подъехав к Убур хуштэ мы стали подниматься дном ущелья, правой стороной речки. После дождя накануне было здорово холодно. Влево от нас шла узкая полоска мшистого, малорослого леса. Справа подымался очень крутой, местами скалистый убур. По нему-то и должны мы были высматривать зверя. Тут могли быть и изюбри (об этом ниже), и козлы (*Capra*). Но как мы ни всматривались в темные еще камни и россыпи – ничего не видели. Тем временем светлело все больше и больше и наконец взошло солнце. Подымаясь все выше и выше, мы дошли, наконец, до верхнего края леса. Тут к лиственнице примешан в небольшом числе низкорослый, корявый кедр.

Погревшись у костра, мы решили посмотреть безлесную верхушку речки. Проехав еще немного вверх, я заметил в боковом ущелье 4-х

янгеров на кормежке. Попробовали мы с Чухломиным подобраться к ним, но было уже поздно и они пошли вверх. За ними полезли и мы. Высота здесь порядочная. Дышать при подъеме трудно. Сердце бьется сильно. Крутой подъем приходится брать медленно. А подъемы действительно из ряда вон круты. Мы так медленно подымались, что я был совершенно уверен, что козлы ушли далеко и лез просто для того чтобы ознакомиться с местом с высоты. Слышал хойлыков. Чухломин где-то отстал. Добравшись до гребня я довольно легко добрался по нему до плоской вершины гольца. Под растениями кое-где лежал снег, выпавший здесь прошлой ночью вместо дождя. Вид во все стороны открывался довольно широкий. На северо-востоке виднелся массив Сумэтэ ихэ, плоский голец Темен Чулуный таг. В сторону Улятуя виднелся низкий и плоский голец, вернее плоскогорье, Хочжеулуйн таг. На вершине этой я пробыл довольно долго. Растений порядочно, но все, конечно, маленькие. Часть собрал. Спускался вниз по крутейшей осыпи, с некоторой опаской. Чухломин мне рассказал, что ему на подъеме стало совсем плохо. Одолела одышка, затем закружилась голова и под конец рвота. Счел за лучшее спуститься. Отдохнув, мы поехали домой. На обратном пути я имел возможность еще раз подробно осмотреть это ущелье. Основные черты его: узость и крутосклонность, глубина, обилие воды (при длине всего версты 4-5 большая шумная речка), немного скал, обилие осыпей, узкая полоска низкорослого леса и прекрасная травяная растительность по дну ущелья. При солнце соединение цветистого луга, весело прыгающей по камням речки, небольшого леса и зеленых склонов давала удивительно приятную картину. Выехав из ущелья в широкую долину Цзамтэ, мы быстро прикатили домой, в Мухур хуштэ. Почти одновременно снизу подъехало трое охотников с Урду Тамира. Старший, еще молодой, вооружен берданкой. Они объехали Улятуя и выехали лесистым краем Хочжеулуйн тага сюда. Изюбрей нет. Стрелок он хороший. В округе славится. Снял их всех. Потом вместе поехали вверх. Они заехали в рч. Ара хуштэ, а мы поднялись еще выше и стали в устье рч. Хорог, следующей за Убур хуштэ. Сидя около огня Пелху заметил в бинокль на той стороне пару янгеров. Были они довольно высоко, в распадке. Я пошел, подойти близко не мог – не позволило место, промазал в 400 шагах, вспугнул стадо штук в 12 и еще несколько раз промазал. Так ни с чем и вернулся. Чухломин ходил вверх по Хорогу, видел утренних 4-х янгеров и тоже преисправно промазал. Хорог - ущелье, очень похожее на Убур хуштэ. Вообще здесь целый ряд смежных ущелий очень похожих друг на друга, отличаясь частностями. Хорог и Убур хуштэ с одной стороны, Ара хуштэ, Дабатэ хуштэ и Мухур хуштэ – с другой. Дождик нас не забывает: опять капал. Ночью было здорово

холодно - немногим выше нуля.

26/VII

Утром я просто не мог встать на рассвете. Послал Чухломина и Йондона вперед, с тем, чтобы они осмотрели ущельице Хасахтэ, следующее за Хорогом. Сам же выехал позже. Встретив их у выхода ущелья, мы поехали вместе на перевал Цзамтэ. Дорога на перевал уходит в следующее за Хасыхтэ ущелье левой стороны. Ущелье довольно большое. Одна из его вершин упирается в кар под высоким гольцом, другая же ведет довольно крутым подъемом на перевал. Трудная, каменистая, местами крутая дорога идет косогором, местами по голой осыпи. По обеим сторонам скалы. Выйдя в седло между двумя соседними перевалу вершинами, тем же самым дорога эта выходит на обширнейшее гольцовое поле, во много десятков кв. верст. Тут дорога поворачивает к югу, пересекает недалеко от выхода на плоскогорье исток рч. Шара цохеный гол, и снова проходя по гольцовому полю, спускается к рч. Ара ухуг (сист. Уты, исток Дашидогунской речки). Шара цохеный гол также принадлежит к системе Уты. Отсчитав перевал, я полез на соседнюю ему сопку. С вершины открылся обширный вид. Но о нем ниже. Собрал немного растений. Интересна находка того же вида <...>, что и в самом верхнем поясе Ихэ богда. Собрал его листа два. Сняв кое-что, повернул вниз, наметив себе для подъема наивысшую в окрестности гору. Подъехав до истока Шара цохеный гола верхом, я отправил спутников домой с тем, чтобы кто-нибудь привел бы мне коня в вершину Цзамтэ (прямой [путь] перевальное ущелье называемое Убур Цзамтэ), куда думал спуститься. К вершине я подымался довольно долго, идя краем кара. Отсчет анероида дал 501, Дикие картины! Суровые осыпи, отвесные обрывы скал, полная тишина. Летаёт ягнятник. Что он может найти в этом суровом месте? Кроме него по гребню перелетают пестрые чекканы и серые седоголовые вьюрки типа <...>.

Есть кое-какая растительность. С вершины этой открывается весьма поучительный вид на Хангайскую магистраль. На запад тянется огромное гольцовое поле, почти ровное. По линии водораздела оно переходит в невысокий относительно поля гребень, круто обрывающийся, большей частью карообразными обрывами, в глубокие ущелья северного склона. Его разделяет текущая в западном направлении рч. Шара цохеный гол, одна из составляющих р. Цаган туруту. Обогнув гору Бурин хан, она поворачивает к югу и исчезает с поля зрения за порядочным массивом, общего имени которому нет. Напротив вершины Цзамтэ, в гораздо более пологом и широком ущелье, нежели последняя, берет начало рч. Ара ухуг,

образующая ниже, верстах в 15-20 от истока оз. Хоримту нур. Близ озера на эту речку выходит дорога, ведущая через перевал Цзамтэ. Таким образом Ара ухуг как бы составляет южную границу этого плоского нагорья. В просвет между горным нагромождением в районе истока р. Ара чжиргаланту (1926) и массивом около Бурин хана виден кряж Далангийн нуру (Хара чулуту, Мухур эриг, Сучжи), чувствуется впадина Ологоя, скалистый кряж на левом берегу Утаин гола, г. Баян хонгор. На западе гольцовое поле частью обрывается к истокам Цаган туруту, а близ водораздела переходит в высокую грядку, повидимому, самую высокую в этой части Хангая. Довольно сильно пониженную магистраль пересекает в этом месте мощная грядка, проходящая между Чулуту и Хойту Тамиром с одной стороны, и Цаган туруту и Байдарагом – с другой. На вершинах в центре этой грядки видны пятна снега, не тающего, по словам монгол. Северная оконечность этой грядки – истоки Худжиртэ, близ Улалцзая. Далее к северу водораздел этот сильно снижается. На юге же плоская грядка обрывается немного севернее широты Дашидогуна. На восток и юго-восток виден запутанный лабиринт высоких гор, среди которых чувствуется долина Урду Тамира. Виден Субурга хайрхан. Истоки Урду Тамира (Хулюсай, Хульчотыйн и Хайрхан дабаны) вплоть подходят к истоку Цзамтэ. На севере видны плоские “елани” Хочжеульин тага (между Улятуем и Цзамтэ) и водораздела Цзамтэ - Хойту гол. “Еланию” здесь называют обширные плоские гольцовые вершины, болотистые и покрытые приличной травой. Помечу здесь же, что термином “булу” обозначаются округлые отдельные гольцовые вершины. Далеко вдали виднеется гора Баян цзурихэ и массив Сумэтэ ихэ, резко выделяющийся среди окрестных гор. На вершине я провел довольно много времени. Спускался сначала по гребню, а затем по узкому распадку. Везде здесь масса воды. В каждом маленьком ложке бежит ручей. Ниже осыпей в каждом почти распадке прекрасный альпийский луг. И везде вода, вода и вода. Выйдя из распадка я увидел на противоположном склоне Цзамтэ любезного Пелху с парой коней, преважно сидевшего в Чухломинском дождевике и рассматривавшего в бинокль соседние склоны.

Чуть вздохнув, я поехал вверх к перевальчику Эмэлиин даба, ведущему в исток Урду Тамира. Через перевальчик этот ездят лишь охотники, да иногда проходят легко завьюченные яки, так как короткий подъем на него очень крут. В сущности это просто выемка в крутом боку ущелья Цзамтэ, всего в 1,5 км от истока последнего, ведущая коротким ущельем в крайний западный исток Урду Тамира, близ Хайрхан даба. Отметив его высоту и высоту тальвега под ним, я с Пелху быстро покатылся домой. Усталый, я рано лег спать.

Цзамтэ даба зимой закрыт вследствие обильного снега наверху, на гольцовом поле. Дорога по этому полю идет очень долго, верст 15-20 и очень плоха: камениста и болотиста. Близ перевала мы с Чухломиным видели стаю белых куропаток (<...>). Из стелющихся кустарников отмечу иву, березу особого вида, арцу и можжевельник.

27/VII

Утром решили ехать обратно. Чухломин ходил на охоту, видел гурана. Я тоже побродил немного – видел беляка. Прошел хороший дождь. Вследствие этого выбрались мы поздно. Сидя в майхане, я расспрашивал Пелху кое о чем. Вот что рассказал он о здешнем изюбре. Изюбри здесь круглый год передвигаются. Ревут они, спустившись для этого в лесной пояс, в сентябре месяце. После рева большая часть их уходит в истоки и держится осень и всю зиму по крутым скалистым увалам верхних речек (вроде Убур хуштэ). Потеряв там же весной рога, они спускаются снова в леса, где и держатся в чащах до наступления летних жаров, когда обильный по лесам гнус выгоняет их в верхние пояса. В это время они ходят по самому водоразделу, бродя по еланям наравне с аргали, часто довольно далеко от леса. Во время дождей, когда становится несколько прохладней, изюбри спускаются к лесу и охотно держатся по маленьким перелескам близ границы леса. Так проходит лето. А к реву они снова спускаются в леса. Пантовать здесь начинают с 8-го числа первого летнего месяца, кончают к первому августа. На пантовку выезжают обычно вдвоем, втроем и больше, до 7-8 человек. Плохие охотники или не имеющие ружей, часто служат в удобных местах загонщиками. Добыча делится поровну. Если стреляют на крутом увале, стараются попасть по полному месту, в противном случае от рогов часто ничего не остается. Солонцов (мара) в округе очень мало. На них не сидят, а ездят высмотром. При этом залезают верхами на самые высокие елани. Оружие – главным образом кремневки. Берданки редки. Район летнего хода любого изюбря очень велик, так как он не стесняется высоких хребтов. За последнее время повысился спрос на сухой рог, который покупают по числу салан. Вследствие этого многие выезжают весной на поиски упавших рогов, которые ищут по скалистым увалам. Отчасти и это загоняет изюбря весной в чащу. Поиски рогов начинаются примерно с 20-го числа последнего весеннего месяца и продолжаются по конец первого летнего. Инзаганы появляются в начале июня. Матки прячутся в это время по чащам. Быки часто и летом ходят компаниями по 2-3, видели и по 6 голов вместе. Каждый охотник с удовольствием вспоминает свои прежние поездки за пантами.

Гуран (здесь его так и зовут, самка - узур) кочует гораздо меньше. Но и он, спасаясь от гнуса, уходит наверх. Далеко от леса почти не попадает, придерживаясь летом верхней границы последнего. Гон бывает в первом осеннем месяце. К речкам козы летом не спускаются, а кормятся часто на открытых увалах. От гнуса спасаются большей частью в густых ивняках. Коз бьют монголы редко, предпочитая гурана. Из кожи шеи делаю хорошие ремни.

О белке. Оказывается обилие белки осенью, монголы приписывают тому, что она падает с неба! Действительно, трудно объяснить появление ее в большом количестве в таких небольших отдельных колках, как например, Хорог, Убур и Ара хуштэ. Охотятся за ней усердно, но без собак, высмотром. Все-таки в очень обильный год добрый охотник бьет до 15 штук в день. Особенно обильна белка в истоках Улэнтэя.

К полудню дождь прекратился, и мы легкой рысью вместе с вьюками направились обратно. Замечу, что урема (ивняк) по речке начинается примерно с поворота. Относительно геологии надо сказать, что верховья – сплошь кварцит (?). Напротив Мухур хуштэ из-под кварцита показывается гранит. Кварцит лишь прикрывает его нетолстым слоем, да и то не везде. Вниз гранит идет далеко, почти до кумирни. На таборе все оказалось в порядке. Немного поработав, я поехал в аил. Заехал сначала к Йондону, а затем к Пелху. Последний рассказал мне о кочевках и прочем. В этом месте стоит 11 айлов. Сам Пелху кочует от Баян мандал обо и вверх почти до Хоцзогор хайрхана. Вверху – зимой. В районе кочевки корм съедается весь. В самом верху не кочуют, так как скот не может ходить по столь крутым убурам. А альпийский луг дна падей невкусен, не подходит. Насчет сенокосения. Внизу косить негде. Вверху же косить стоит лишь тогда, когда трава в цвету. Но в это время как раз идут дожди. Кроме того скошенное сено обязательно перегрызут мыши, обратя его в труху. А мышей, действительно, много. Поздно же косить не стоит, так как тогда именно эта формация теряет всякий вкус. Словом, с сенокосом плохо. Кочуют несколько раз в году, но в очень узком районе.

Относительно снабжения – товаров довольно, хватает. Публика вообще ездит мало. Муку и пшено достают с Селенги, т.е. свое. Соль везут из Дашидогунского района. Очень высоко ставят свое ближайшее начальство: цзанги и председателя партиячейки. Партийных, вообще говоря, много. Разговор с Пелху мы запивали ракушей и расстались поздно вечером совершеннейшими друзьями. Парень он очень хороший.

28/VII

Утром я укладывался и писал письма. Около обеда вдвоем с Васькой

направился в новый разъезд, на истоки Хойту гола. Чухломин же должен был сейчас же после нас отправиться кружной дорогой на уртон Цзун модо, с заездом в Цэцэн ван.

Ачан на этот раз шел на двух сарлыках. От аила, где я несколько задержался, мы полезли прямо на голец, почти сплошь гранитный. Тропа идет краем небольшого лога, спускающегося с Цзамтэ. Вдоль лога тянется полоска леса. По логу болото. На самой вершине голец, гранитный в основе, прикрыт кое-где кварцитом. Поднявшись под дождем на самый верх, мы оказались невядалеке от верхушки пади Шибиртэ, падающей в Урду гол около дугуна. Чуть правее нашего пути, за Шибиртэ возвышалась косая плоскость гольца Тэмэн чулунэй таг, на котором разбросано несколько отдельных скал (*чолу [чулуу]* – по-монг. – камень, скала – *сост.*), от которых и название. После этого начался крутой спуск по узкой пади Арбульчжонэй ама. Левая ее сторона густо облесена. По прежнему сплошь лиственница. Падь красивая, с лужайками, скалами и поворотами. Внизу она расширяется. К вершине Тэмэн чулуной тага идет высокий каменистый увал. Выехав в широкую в этом месте долину Хойту гола, мы остановились в ивняке за рекой. Здесь смена животным и людям. Вверх по Хойту голу открывается очень красивый вид. Правый берег – крутые лесистые склоны, расчлененные небольшими распадками. Над лесом вздымаются округлые шапки гольцов. Выделяется красноватая вершина Улан булу. Левый берег – безлесные, каменистые, расчлененные падушками увалы, ведущие вверх к мощной гольцовой гряде. Верстах в 10-12 вверх видна развилка реки. Вечером опять шел дождь. Положительно, ни одного дня не обходится без дождя. Вечером приехал проводник в истоки Хойту гола, рослый охотник, очень обстоятельный и порядочный человек. Я долго с ним говорил о разных разностях.

Около нашей стоянки в долину с левой стороны вдается острый скалистый мысок. Название его – Цзурихэ хайрхан.

29/VII

С утра дождь. Выбрался я лишь с полудня. Ачан на двух хайныках. Невдалеке от стоянки в уреме попадает лиственница. Дорога идет по самой долине. Видели орлана-белохвоста. По правой стороне долины все время прекрасный лес. Есть кабарга. Миновали падь Шара булаг (с левой стороны) – короткую и широкую. Почти без леса. Миновав голец Улан булу, несколько выше его в Хойту гол впадает с левой стороны падь Нуриин ама, очень большая. Речка ее несет больше воды, чем основная [река]. О верховьях ниже. В устье этой пади огромная конечная морена, полулунной формы, почти заграждающая основную долину. Видны

большие боковые морены. Напротив Нуриин ама с правой стороны впадает падь Ангархай, довольно широкая в вершине. Обильно облесена. Верхушкой она подходит к Хоцзогор хайрхану (Цзамтэ). Продвигаясь выше (лес подошел с правой стороны к самой реке), мы миновали впадающую с левой стороны падь Хапчик. Узка и немного облесена. На увалах острые скалы. Вершина в высоком гольце. Болотистая долина Хойту гола поросла здесь хорошей травой (ниже корма сильно выбиты). Последний аил миновали у устья Ангархай ама. За Хапчиком мы вышли на порядочную площадку – место слияния истоков Хойту гола. Больших саланов два: Бугутэ (восточная) и Нарин цохе (западная). Бугутэ имеет две вершины, соединяющиеся почти на этой площадке. Нарин цохе имеет отводок Ихэ цохе. В каждой пади, кроме западной ветви Бугутэ, немного леса. Мы остановились около убутьчжона в самом устье Бугутэ, на моренной террасе. К вечеру я с Бальджинемой поехал по восточной ветви Бугутэ. Невдалеке от лагеря на голом увале видели большого гурана. Я не стал стрелять, надеясь далее встретить более интересное. Ехали правой, увальской стороной, тщательно осматривая узкую полосу на противоположной стороне и небольшие распадки со скалами на нашей. Ничего. Забрались высоко, до распадка, ведущего к вершине рч. Убур хуштэ. Затем помаленьку вернулись, наметив место для завтрашней стоянки. На одном из многочисленных болот подняли бекаса. Бальджинема рассказал, что летом бекасы часто попадают на плоских вершинах гольцов по болотам. Кроме того выяснилось, что здесь многие называют янгера словом “тэхэ”, что почти несомненно является переделкой слова “тэкэ”, которым называют горного козла тюрки Тянь-шаня. Наряду со словом “таг” это, наверно, остаток давнего прошлого. По дороге Бальджинема то и дело показывал мне места, где он в прежние охоты видел или бил изюбрей. Все увалы или голые вершины. Домой в майхан вернулись засветло. Вася лазил на скалы. Ничего не убил кроме одной пищухи. Буквально в трех листовниках видел бурундука. По-монгольски бурундук “чжирхэ”. Без нас к самому майхану подходил волк. Вечером за разговором выяснилось, что за несколько последних лет в этих лесах появился не то <...> (колонок), не то <...>. Вероятно последний. Ранее его не знали. Теперь его стало много. Горноста́й по местному – уй, ласка – солонго, хорек – умухэй хурюн. Факт заселения этих лесов новым видом очень интересен. Относительно прочих зверей (крупных) можно сказать, что водятся здесь изюбрь, кое-где кабарга (главным образом ниже), иногда заходит кабан, постоянно встречается коза, затем аргали, горный козел, волк, барс. Последний редок. Бальджинема видел его всего раз, шагов за 400. Он показался охотнику красноватым – (желтый?). Зверя

копытного раньше было очень много, но в 22 году количество его сразу сократилось и намного. Изюбри и аргали здесь теперь просто редкость. Причиной тому сильно засушливый год. Зверь перекочевал. Для аргали указывают западное и юго-западное направление. Изюбри ушли неизвестно куда. Кроме того в то время после гаминов и бароновщины у местного населения появилось много скорострелок, главным образом у богатых, т.е. плохих охотников. Пальба по всем окрестным горам тоже способствовала уходу животных. За последнее время звери стали снова понемногу увеличиваться количеством. Скорострелки отобраны, засухи с тех пор, кажется, не было. Кроме того за последнее время гуран поднялся до границы леса. В этом году на Хойту голе так никто рогов и не убил.

Зимуют на убульчжонах (их два) около нашей стоянки ради корма. А так место очень холодное, снежное. Таким образом здесь кочуют несколько выше, нежели в Цзамтэ. Правда, места здесь несколько удобнее. Кроме того граница леса здесь ближе к водоразделу, нежели в Цзамтэ. Вычисление высот покажет соотношение между водоразделом и границей леса в обеих речках. Улеглись поздно. Замечу, что сон на этой высоте очень тяжел. Очень крепок, но не освежает. Спится много.

30/VII

Утром встали уже после восхода. Понемногу собрались. Я с Васей пошел вперед экскурсией. Собрал немного растений. Вася застрелил пару птичек. После разбивки лагеря я собирал растения. Собрал листов 25. Цветет много. Под вечер пришел с экскурсии Вася. В вершине Убур хуштэ видел в россыпи штук 6 аргали, затем белую куропатку. По местному ее называют ахун. Мелочи почти нет. Перед закатом пошел на экскурсию я. Поднялся на водораздел между обеими ветвями Бугутэ, затем прошел на главный водораздел и, спустившись в верхушку нашей ветви Бугутэ, вернулся в майхан. На вершине побывать было весьма любопытно. В вершине западной ветви Бугутэ водораздел имеет вид узкого гребня, поднимающегося невысоко над гольцовым полем Шара цохеный гола. Кстати, поле это имеет несколько названий, которые я сейчас и приведу. Часть поля непосредственно близ перевала Цзамтэ называется Шара хамар. Часть южней Шара цохеный гола – Отоин шара нуру; близ истока Бугутэ – Асахтэ хамар; между последним и Шара хамаром лежит лог Харасханэй сала, впадающий в Шара цохеный гол (?). Гребень, поднимающийся над Асахтэ хамаром круто обрывается в западную ветвь Бугутэ. Такой же гребень тянется между перевалом Цзамтэ и истоком восточной ветви Бугутэ, имея высшую точку в вершине Убур хуштэ. В вершине же восточной ветви Бугутэ гребни эти образуют как бы ворота,

где Асахтэ хамар, совершенно плоский, крутым скалистым каром обрывается к истоку речки. Картина любопытная. Как бы видишь сползавший здесь когда то ледник. Спускался я в речку после захода солнца по огромной крутой россыпи из больших острых камней. Тем временем взошла луна и осветила дикую картину, которой я и любовался, сидя среди россыпи. Напротив меня гонец, вершина его в россыпях, мелких. Склоны спускаются к речке крутыми скалистыми ребрами. Ровно обрезанная плоскость Асахтэ-хамара, над которой висит бледный фонарь луны, диким каром обрывается в речку. Кругом меня огромные серые камни, имеющие совершенно первобытный вид. Временами цыркают пищухи, уныло чирикают крупные альпийские серые вьюрки. Внизу на моих глазах зарождается речка, уходящая в глубокий разрез долины. Под камнями россыпи также журчит вода. Не без труда спустившись, я совсем поздно пришел домой в майхан.

Ходившие вечером на охоту Бальчжинема и Вася ничего не убили. Днем был небольшой дождь. Ночевать было опять очень холодно. Около нашей стоянки ущелье Бугутэ перегорожено моренным завалом. Трудно решить, конечная ли это морена последней фазы отступавшего ледника, или морена бокового лога, завалившая основное ущелье.

31/ VII

Утром не очень рано выбрались обратно. Я с Бальчжинемой поехал вперед, на перевал Нарин цохе. Мы миновали обо Бурюг и стали подниматься по пади того же названия, что и перевал. Еще в Бугутэ спутник показал мне разбитую выстрелом (вчера) кукушку, довольно странной окраски. Заметили, что она ловила мелких птичек. Вершина горки Бурюг покрыта обрывистым пластом вулканического туфа. Обо читается и считается началом р. Хойту-Тамир. Правая сторона Нарин цохе облесена. Мы ехали, внимательно всматриваясь в лес. Невысоким и не очень крутым подъемом мы поднялись на магистраль, очень низкую в этом месте. Миновав малозаметный перевал, отмеченный маленьким обо, мы въехали на небольшой бугор с гранитными скалами. Здесь я устроил опорный пункт, благо вид открывался широкий. Бальчжинема помог мне разобраться во всех падах и вершинах южного склона магистрали в этом месте, т.е. в истоках Цаган туруту. Окрестности перевала Нарин цохе – пологие гольцовые увалы, с разбросанными там и сям выветренными гранитными скалами. За перевалом чрезвычайно пологий спуск в лог Улан чулу, превращающийся далее в речку того же названия. На <...>, верстах в 3-х между двумя небольшими вершинами виден перевал Ихэ цохе, к которому ведет короткий, но глубокий распад от пади Нарин

цохе, о котором выше я забыл упомянуть. С перевала Ихэ цохе дорога спускается по гольцовому полю (все продолжение Шара хамара) в рч. Нарин цохеный гол. Оба эти перевала доступны монгольским телегам и, в противоположность Цзамтэ, действуют зимой. Далее <...> виднелась знакомая картина магистрали у истоков Бугутэ, Убур хуштэ, Хорога и далее, до истока Цзамтэ. На <...> же пологие скаты магистрали невдалеке переходят в мощный гольцовый узел. Хорошо видна южная половина этого узла. Ближе всех других подымается плоская вершина Цзун анагин нуру, с пятнами снега, почти никогда не тающими. К югу от этой вершины отходит короткий массивный отрог Анагин нуру. От основного хребта, поворачивающего здесь к юго-западу он отделен продольной троговой долиной р. Улцзэйту (система Цаган туруту). Берущая начало у южного склона Анага (так назову для краткости вышеупомянутую вершину) речка эта огибает Анагин нуру с запада и далее поворачивает на юг. С восточного склона Анагин нуру сбегает три короткие речки Цзун, Дунду- и Барун анаг, впадающие в Улан чулу. Последняя же впадает в Улцзэйту-гол. Почти на запад, много далее Анагин нуру виднеется плоская черная вершина с многочисленными снежными пятнами. Это Йольин эхинэй нуру или Сэнчжит-эхинэй-нуру – по речкам, стекающим на юг и север. Вообще здесь горы называются большей частью описательными именами, указывающими их расположение относительно той или другой речки или долины. Поэтому один и тот же кряж или вершина могут иметь два или более названий, в зависимости от того, откуда на них смотрят, или какая местность лучше известна данному проводнику. Собственные имена имеют лишь отдельные горы и горки, часто незначительные по относительно абсолютной высоте, почему-либо чтимые населением. Вершину истока рч. Сэнчжит я буду именовать далее просто “г. Сэнчжит”. Эта гора заслуживает несомненного внимания, считается высшей в округе. От нее к югу идет водораздел Ута – Байдараг, имеющий вид далеко выдвинутой плоской и высокой гольцовой гряды.

Теперь можно сказать об истоках Утаин гола вообще. Основной исток р. Цагаан-Турута, составляется из Улцзэйту-гола, принимающего слева р. Улан чулу (с тремя Анагами) и рч. Нарин цохеный-гол. Ниже последней, миновав чтимую небольшую гору Бурин хан, Улцзэйту-гол сливается с р. Ихэ цохе (она же Шара цохеный-гол), берущей начало под вершиной Цзамтэ (см. о ней выше). Отсюда река принимает название Цаган туруту. Ниже река эта принимает справа крупный приток Доной, затем такой же Йола и далее значительно меньший Гиртин булаг. С левой же стороны, ниже Ихэ цохе, Цаган туруту принимает рч. Дэлгэрин гол, затем Нарантэ и Тэйль. Ниже крупных притоков нет. Далее, текущая

из под вершины Цзамтэ же рч. Ара ухуг, образующая ниже небольшое озеро Хоримту нур, еще ниже сливается (по-видимому?) с рч. Ара чжиргаланту (1926), затем ниже принимает справа рч. Урготы (Хонгорыйн-гол? 1926, Дашидогунская рч.) и сливаясь с Цаган туруту, именуется ниже Утаин-голом. Замечу все-таки, что этот левый исток Уты для меня еще не совсем ясен, в особенности в самых вершинах. Также точно неизвестно мне начало Уты. Ниже Дашидогуна и выше параллели Цаган обо – вот что я могу сказать об этом. Водоразделы истоков Цаган туруту невысоки и мягки по форме. Водораздел же Шара цохе – Ара ухуг, невысокий вначале (Отоин шара нуру, продолжение Шара - Хамара), быстро повышается и образует в углу Шара цохе – Цаган туруту внушительный массив, уже упоминавшийся выше. Гора Баян-Хонгор является, по-видимому, южным отрогом этого массива. Общего названия этого отрога мне слышать не пришлось. С этого пункта я сделал два больших монтажных снимка. Зачертил вышеописанную схему истоков Цаган туруту и взял высоту. Покончив с работой мы покатали вниз. На склоне наткнулись на вчерашние следы очень большого стада аргали (в несколько десятков голов), пришедшего, по-видимому, с южного склона магистрали. Звери держали направление к озеру Хуху нур, по соседству которого мы должны были разбить лагерь. Ехали обратно той же дорогой. Гранит магистрали близ Бурюга (по левому склону Нарин цохе) сменяется кварцитом (?) прикрытым в Бурюге останцом лавового потока. Свернув вниз по Хойту голу мы быстро доехали до устья пади Нуриин ама. По дороге Бальджинема показал мне крыжовник, растущий здесь по скалам. Взобравшись на конечную морену Нуриин ама, мы поехали вверх по последней. Моренные нагромождения по этой речке колоссальны. По дороге заехали в аил. Любопытно было видеть, как бродившие около юрт сарлычата набросились на моего вспотевшего коня и стали его облизывать. Объясняется это недостатком гуджира в месте кочевок этого аила. Порядком задержавшись здесь, мы очень скоро добрались до своих, разбивших майхан среди огромных камней левого склона долины. Немного спустя я пошел к озеру Хуху нур, находившемуся всего верстах в 2½ от нас. Долина Нуриин ама в этом месте довольно широка (до 0,5 км) и очень неудобна для передвижения, так как сильно камениста и местами не менее сильно заболочена. Речка внушительная. Близ нее, среди болота, топкое и глубокое озерцо с солонцовыми берегами. Далее невысокий, но весьма крутой, поросший лиственничным лесом, подъем выводит из Нурийн ама на обширную плоскую седловину - часть магистрали, заключенную между высоким гольцом в вершине Хапчика и не менее высоким отрогом, выдвинутым вдоль правого края Нуриин ама, вершиной Анаг. В глубокой

впадине этой седловины и лежит озеро Хуху нур, имеющее не менее 6-7 км в окружности. От Нурийн ама, тальвег которой значительно ниже озера, это последнее отделено узким и плоским перешейком, поверхность которого вероятно моренного происхождения. Озеро имеет сток в Нурийн ама, но слив воды очень малозаметен. Вода в стоке даже не показывается, протекая под камнями русла. Берега озера большей частью оторочены полоской белого песка или гравия, дальше от воды - болотисты. На озере птицы немного – я видел нескольких <...> и вдали, на воде, каких то гагар или уток. Вечерело, и я повернул обратно. Лес немного не доходит до плоскости перешейка, и озеро таким образом лежит выше границы лесной растительности.

На обратном пути прозевал гурана. Вася убил несколько птичек.

Аил, в который мы сегодня заезжали, кочует лишь в пределах Нурийн ама, не забираясь выше нашей стоянки, т.е. на пространстве каких либо 8 верст. Поэтому корм по убуру носит явные следы постоянной потравы скотом. Болотная же трава внизу не тронута. Скот до нее не охотник.

Граница леса находится верстах в 2-х выше нас. В аиле в этот день мы выпили немного ракуши, и повеселевший Бальджинема пел мне песни. Очень любопытна одна песня Баянхонгорского хошуна, весьма любимая его населением. Мелодия резко отличается от привычных, напоминая больше бурятскую. Спел он мне и “Сэрун сайхан Хангай”. Кроме того выяснилось, что он знает кое-какие улигеры и рассказывает их иногда, но без аккомпанемента. К сожалению, впоследствии я совершенно забыл записать их названия.

1/VIII

Довольно рано утром мы с Бальджинемой поехали искать аргали. В болотах и кустарниках Нурийн-амы подняли стаю белых куропаток. Переехали речку, поднялись, пересекши узкую полосу леса, на озерную террасу. Миновали большое обо, у которого чествуют озеро, и стали подыматься по крутому мысу на гольц. На половине подъема отдохнули и я сделал несколько снимков. Отсюда очень отчетливо был виден весь восточный край озера и перешеек. На последнем находится еще 4-5 самостоятельных маленьких озерков. Затем продолжали подыматься и наконец выбрались на плоскую вершину этого обособленного гольца. Называется он, по частям, разно. Примыкающая к озеру часть называется Хуху нурийн урду обогор, к рч. Улан-голу (с правой стороны) – Улан чулунэй-обогор, и т.д. Вершина его плоска, не очень камениста, несколько болотиста и богата травой. Словом, относится к типу “еланных” гольцов средней высоты. Осмотрев глубокую щель истоков Хапчика, мы, все

время верхом, взобрались на крайнюю западную вершину гольца, через которую проходит водораздельная линия магистрали. Отсюда было хорошо видно все озеро, Улан чулу и Анаг. Да и в другие стороны открывался широкий горизонт, так что я и здесь сделал один из опорных пунктов съемки.

Озеро Хуху нур имеет вид вытянутого с запада на восток треугольника, вершина которого, т.е. его западный угол, обращена к водораздельной линии магистрали, здесь чуть заметной. От Улан чулу озеро отделено широкой низкой седловиной без заметного гребня. Таким образом, надо считать, что Хуху нур лежит на самой магистрали. Питается озеро, помимо подпочвенной воды, небольшой речушкой Мухур анаг, берущей начало под южным склоном вершины Анаг, в небольшом цирке, на дне которого виднеется озерко. Таким образом, водораздельная линия магистрали, пройдя между озером и Улан чулу, поднимается к вершине Анаг по гребню между речками Цзун- и Мухур анаг. Вода Хуху нур при взгляде с высоты, имеет интенсивную синюю окраску, местами с изумрудным отливом. Это указывает на значительную глубину озера. Вообще это тихое синее озеро, так высоко поднятое и включенное в рамку суровых, простых по форме и мощных гольцов, производит очень сильное впечатление. Зимой оно посередине, как меня уверяли, не замерзает. От всей картины веет покоем и вечностью.

С моего пункта я сделал засечки и на Субурга хайрхан, и на Сумэтэ ихэ, и на свой “Узловой” в вершине Цзамтэ. Отсчитал высоту.

Затем мы проехали вдоль Улан чулу, где по крутым логам склона гольца растет прекрасная трава. Поднявшись снова на голец, мы почти старым путем вернулись к обо и, переехав речку Нуриин ама, уже под сильным дождем приехали к майхану. Аргали так и не нашли, хотя и видели их свежие следы. На гольце я слышал уларов, видел многочисленных белых куропаток. В логу Улан чулу есть солонец. Кроме того зимой здесь бывает много лисиц. Аргали, между прочим, также ходят на солонцы, но преимущественно днем. Прежде, до ухода зверя, на южном отроге Анага, спускающемся к озеру, и в районе истока Мухур анага постоянно встречали аргали, причем исключительно старых самцов. Почему они собирались именно там? Кроме того Бальчжинема рассказал мне, что зимой, кажется в убул дунду сар (*средний месяц зимы – сост.*), на вершине гольца к <...> от Нуриин ама, в треугольнике Нуриин амьин цзун сала, Харлыкыйн барун сала и истоком Нарина, случайно попадающие туда охотники отмечают необычное обилие следов барса, вообще очень редкого здесь. В другое время года в этом же районе барс бродит не чаще, чем в соседних. Обилие пищи его привлекать не может, так как зимой там почти

никто не держится. Остается предположить, что эти безотрадные, особенно зимой, вершины избраны местом встречи во время течки (время, как-будто подходит). Место это является центром расходящихся во все стороны гольцовых гряд, откуда и могут собираться барсы. Без такого сборища, как мне кажется, самцу было бы крайне нелегко найти самку вовремя, принимая во внимание редкость зверя вообще и его огромные охотничьи районы. Факт, безусловно, заслуживающий внимания.

Заехав на обратном пути к солонцовому озерку, мы отметили следы самки изюбря, приходившей прошлой ночью, и гурана. Еще накануне Бальджинема рассказал мне, что в истоках Хойту Тамира отсутствуют горячие источники, но что их много (он назвал целый ряд) в истоках Уты. Там источники (все сернистые) имеются почти в каждой речке. Я же до сих пор слышал лишь об Ара ухугском. Около устья Нуриин ама, на левой стороне есть небольшая сопка, подобно Бурюгу прикрытая останцом лавового потока. На Хойту голе лишь один незначительный ключик левой стороны, ниже Шара булага, холодный, издает запах серы. Очевидно линия горячих ключей Худжиртэ (Ахой бэйсэ), Уйцзенван (2), Ламаин гэгэн (1) – проходит вдоль южного склона Хангая, заканчиваясь около Улясутая. Забыл я, где и кто подтвердил подземный толчок, чуть заметный, бывший 20/VII, когда я был в тамагане этого хошуна. Под дождем я ходил на экскурсию, но ничего примечательного не видел. К вечеру немного прояснило.

2/VIII

Поздно утром я отправился в большую пешеходную экскурсию на голец Анаг. На первую половину пути я взял с собою Васю. Поднявшись напротив нашего лагеря на озерную террасу, мы повернули вправо и постепенно, по ступеням, стали подыматься к Анагу по его юго-восточному отрогу. Сплошной гранит. На всем отроге не видели ничего живого. Пройдя по плоскому гольцовому полю восточнее истока Мухур анага, я отослал Васю обратно домой, а сам стал подыматься на самую вершину по крупной гранитной россыпи. Помимо видных на поверхности незначительных пятен снега, очень много набито его в самой россыпи, в глубоких щелях между огромными кусками гранита. По дороге видел хойльков. Наконец я достиг совершенно плоской вершины. Ни клочка почвы. Сплошь россыпь из колоссальных острорезбрых гранитных кусков. Сделал засечки, отсчитал anerоид, показавший 439. Затем прошел краем гольца к его <...> краю и заснял два-три снимка. Спустившись с вершины немного к северу я очутился в весьма интересном месте, где, разделенные узкими гребнями, сошлись вершины речек трех разных систем. На юго-

запад уходила прямая долина Улцзэйту, глубоко врезанная между мрачными грядками Анагийн нуру и магистрали. Это – бессточный бассейн озерной котловины. На востоке в нескольких диких скалистых карах зарождается речка Нуриин ама, принадлежащая системе Хойту-Тамир – Орхон. А на север уходит красивая долина рч. Ацзаг шивэтэ, системы истоков Чулуту, т.е. Селенги. За Улцзэйту-голом чернела вершина Сэнчжит, к которой и уходит отсюда мощным хребтом магистраль. Ацзаг шивэтэ выходит к понижению за которым видна плоская низкая терраса Галутэин-таг. За ним снова поднимаются мощные горы, окружающие перевал Эгин даба. К последнему ведет ущелье Галутэ, также видное отсюда (?). На <...>, за истоком Нуриин ама уходит уже упоминавшийся мощный отрог – водораздел Чулуту – Хойту-Тамир, который я в дальнейшем буду называть по имени самой большой его пади Хармыкским кряжем. Как я уже упоминал, исток Нуриин ама образует целый ряд каров, иззубренные гребни которых местами совершенно недоступны. Самые ущелья истока большей частью ступенчатые, причем почти на каждой ступени имеется крохотное озерко. Все эти озерки с высоты казались глубокого изумрудно-зеленого цвета и, оправленные в раму диких иссеченных скал, были очень красивы. Гребни, разделяющие Улцзэйту, Ацзаг шивэтэ и Нурийн ама, достигают местами всего 2-5 десятков метров ширины. Здесь я истратил дюжину пленок, несмотря на скверную погоду. Было пасмурно и уже несколько раз падала смешанная с дождем крупа. Суровую картину давали огромные, почти черные хребты с нависшими над ними рваными тучами, в просветы которых виднелось вечернее небо. Спускаться в Нуриин ама я стал на закате. На закате же сделал последние два снимка. Глубокая тишина в этих глухих закоулках скал на маленьких изумрудных озерах. Клочки зелени на скалах, болотца, кое-где след одинокого аргали или козла, стайка вьюрков да пара чекканов – вот и вся природа этих мест. Быстро я зашагал по болоту и моренным камням вниз. Миновал высокую стену Анага и версты через 4 пришел на слияние основных ветвей Нурийн ама. Здесь стало совсем темно. До восхода луны я медленно пробирался по россыпям и болотам, прыгая в темноте с камня на камень, спотыкаясь и проваливаясь в болото. Чем ближе к лагерю, тем медленей шел я, окончательно измучившись. Взошедшая луна помогла мне мало. Верстах в двух от майхана меня встретили с конем и минут через 20 я уже сидел за тарбаганьим мясом. Дома Вася стрелял по волчице, интересных птиц никаких не видел. Я же по дороге ночью опять поднял белых куропаток.

Таким образом я довольно хорошо ознакомился с интереснейшими окрестностями озера Хуху нур и узлом-водоразделом трех систем.

3/VIII

Утром отправились назад. Быстро дошли до устья Нуриин ама и повернули вниз по Хойту голу. Во впадине выше конечной морены Нуриин ама я взял образец солеобразного белого осадка (не гуджир). Миновали Шара булаг, Арбульчонэй ама и Цзурихэ хайрхан, миновали падь Нарин и остановились немного выше огромной конечной морены Харлыккиин ама, в аиле нашего проводника, милейшего Шама. Юрта его стоит как раз напротив вершины Тэмэн чулунэй тага, к которой ведет крутой и густой сивер. Новым за сегодняшний день была лишь дорога от Цзурихэ хайрхана до стоянки, т.е. на протяжении каких-нибудь 5-6 верст.

Сейчас же ниже Цзурихэ хайрхана горы левого берега несколько отступают от реки, образуя пологую покатость со степной растительностью. Немного ниже долина опять чуть сужается. Нарин выбегает из гор узкой щелью. В уреме его есть листовенница, которая сопутствуя речке, пересекает негустой аллеей долину Хойту гола. Вверх по Нарину видны густые листовенничьи сивера. Сама речка весьма камениста, но ясно выраженных моренных образований не имеет. От аила Шама до слияния Хойту - и Урду гола остается совсем немного, верст 5-6. В Хойту гол на этом расстоянии с левой стороны впадает еще речка Имтэй.

Расположились мы в юрте Шама, достаточно просторной. Вася сбежал за реку с винтовкой. Вернулся ни с чем, но видел на границе леса пасущуюся самку изюбря. Здесь я купил барана и вечером мы дружной компанией ели бараньи внутренности и пили ракушу.

В разговоре мы подсчитали количество домохозяев в районе истоков Хойту Тамира, выше пади Мухур. Оказалось не менее 70. Цзамтэ-11, все на одном месте. Ниже по Урду голу сначала 3, потом около Мандал-обо аилов 6-7. Небольшой дугун. На бельчире 2, ниже около 7-8 в 3-х местах. В Нуриин ама 4, на ее устье 3, ниже 1, потом снова 3-4, в Шара булаге аилов 5-6, у устья Арбульчонэй ама – 6, у Бальчжинемы 4, Шама – 4-5, да ниже его свыше 10 аилов. И все они кочуют в чрезвычайно узком районе. Пастбища используются все, т.е. удобные. Остаются елани, крутые скаты гольцов, лес, да болотистые верхушки речек. Все эти места использовать нелегко. Аилы с малым количеством скота кочуют – не менее 4-х раз в год. Зимой на одном месте. Богатые же зимой кочуют в зависимости от корма, а летом не менее 2-х раз в три месяца, так как около стойбища скопляется чересчур много навоза и грязи. Зимовки расположены большей частью на моренных отложениях, в небольших западинах. Некоторые (Бальчжинема) зимуют на самой реке, в зарослях ивы. Некоторые зимовки расположены высоко в падах (устье Бугутэ,

Нуриин ама), куда влечет обилие ветоши. Скот – сарлыки, хайныки (немного), коровы, лошади, бараны. Коз мало. Живут в общем зажиточно. Поинтересовался я, как ведут породу лошадей. Жеребцом выбирают крепкого телом коня, с густым хвостом и гривой, не интересуясь особенно его ростом. А далее дело просто: жеребец в свой табун чужих не пускает.

Охотничают по билетам. Платят смотря по состоянию. Рога в этом году убиты одни – убил Чжамцаран, хороший охотник. В товарах недостатка особенного не заметно.

Последнее время китайцы охотно покупают степные грибы, растущие по каменистым склонам. Платят от 1-2 тугр. за джин сушеных. Местные монголы собирают их очень усердно. И Бальджинема и Шамай – партийцы.

4/VIII

Утром я снимал скот и обитателей аила. Очень поздно завьючились и направились вверх по Харлыкиин ама. Падь веселая. Дно завалено моренами, по правому берегу густой сивер. По речке урема – ивняк и лиственница. Пройдя совсем немного мы остановились на месте слияния двух крайних ветвей этой пади, на широком, красивом месте. Харлыкиин ама имеет несколько верхушек, глубоко врезавшихся в Харлыкский кряж. Почти в каждой ветви большой кар. Днем я пособираю растения. Под вечер подъехал Шамай и мы с ним полезли верхами на один из соседних гольцов охотиться. Ничего не видели, кроме хойлыков. А Васька, ушедший совсем недалеко от лагеря и поднявшийся на границу леса, видел большого быка изюбря. Бальджинема тоже ничего не видел.

С гольца, на который мы подымались, открывается широкий вид в сторону Цзаина. Хорошо видны Сумэтэ ихэ и Субурга хайрхан. Этот последний поистине прекрасен. Именно отсюда вершина его имеет правильную заостренно-куполообразную форму, одиноко вздымаясь над окружающим морем гор. Любоваться им можно без конца и это знает всякий местный житель, поднимавшийся на вершины. Во время охоты я видел его и на закате.

Голец, на котором я был, ничем не отличается от ему подобных, разве только обилием стоячих кусков гранита, что придает его плоской вершине несколько оригинальный вид.

На вершине мы пробыли до темноты. Не без труда спустившись к коням, оставленным под россыпью, мы стали спускаться вниз. Еще и еще раз подивисься на способность монгольских коней переть рысцей в полной темноте вниз, крутейшим откосом или пробираться по россыпи. Сломать шею здесь – дело плевое, а почти всегда обходится благополучно.

По приезде в майхан, я сбегал на ближний большой солонец, но ничего на нем не видел. Осматривая его днем, мы с Бальджинемой видели многочисленные следы старого быка, виденного Васей. Итак, с охотой дело обстоит совсем плохо. Васе не попадаются белые куропатки и хойлыки, которых вижу я, а он видит крупную дичь, не попадающуюся мне. Так и ходим кругом да около. На дневной экскурсии Вася видел нескольких глухарей. Из куриных здесь, следовательно, имеется хойлык, глухарь, белая и серая куропатки. Рябчика и тетерева, повидимому, нет. Монголы, как будто, их тоже не знают. Из крупных хищников довольно част орлан-белохвост. Ягнятник весьма редок, грифа (пару) я видел лишь один раз в Убур хуштэ.

Мышей и сусликов, как везде, много.

5/VIII

Утром я собирал растения. Вася ходил на охоту. Около полудня мы собрались посмотреть крайнюю западную ветвь Хармыкиин-ама, кары которой смежны с карами Нуриин ама и Хангалыйн-гол (система Чулуту). Вначале с правой (по течению) стороны идет хороший густой север. Уремные заросли ивняка велики и тоже очень густы. Мы ехали немного болотистой левой стороной. Выше слияния со средней ветвью, долина западной сузилась и мы поднялись на первую (снизу) террасу.

На границе леса, по россыпи, есть немного кедра. Кроме того, не доезжая еще границы леса, я видел на увале заросль мелкорослой осины. Далее мы ехали по типичному ледниковому желобу-долине с кочковатым болотистым дном. Огромные скалы истока были уже близко. Наконец мы подъехали вплоть к ним. Поднявшись на следующую террасу, мы разошлись. Я занялся фото и растениями, Вася полез стрелять высокогорных выюрков, державшихся по россыпи. И тут ему не повезло. Уже почти спустившись обратно, он получил от большого камня, сорвавшегося сверху, сильный удар по ступне. Попади этот камень по голени – поломал бы, в грудь – может быть и совсем крышка. Бедняга почти не мог двинуться с места и с большим трудом сполз по россыпи к месту, куда можно было подвести коня. Неприятное место! Странно иззубренные гребни очень тонки и верхушки держатся буквально на честном слове. Загремит гром – летят камни. Выстрелишь – тоже. А часто летят и без всякой причины. Отвесы и россыпи большей частью совершенно недоступны. Кроме того нас здесь встретил холодный дождь с грозой. Отправив Васю с улачином домой, я с дробовиком полез на голец, думая на склоне найти хойлыков. Лезть по россыпи было очень трудно. Медленно добрался я по склону и гольцу до стрелки двух падей, а немного

ниже меня встретил Бальджинема с конем. Хойлыков я так и не видел, да вообще видел очень мало живности. По дороге в лагерь Бальджинема сообщил мне, что в речке Хангал имеется золото, почти на поверхности. Сказано это было под большим секретом, на основании его большого расположения ко мне. Приехав в лагерь, я решил назавтра перевалить в рч. Бумботу, где нас должен был ожидать Чухломин. Этот разъезд по верховьям Хойту Тамира сильно меня утомил. Постоянная довольно напряженная деятельность на большой высоте, частые пешие восхождения на высокие вершины, по крупной россыпи, где каждый шаг требует упругой, верной ноги и непрерывного внимания – все это подействовало, и мне надо было отдохнуть. У Васи вечером был жар, нога порядком вспухла. Ходить он почти не мог. Монголы вспомнили 2-3 таких же случая с местной публикой.

Наша стоянка в Харлыкиин ама – примерно граница кочевков. Здесь кочуют не только зимой, но и летом. В этом году, впрочем, аил этот на Хойту голе.

6/VIII

Вышли почти в полдень. Стали подыматься по восточной ветви Харлыкин-ама. Долина широка, берега речки поросли кустарником, по правой стороне еще держится лес, дно долины весьма болотисто. Поднявшись порядочно вверх, мы свернули влево и стали подыматься узенькой тропкой на крутой мыс. Вслед за этим тропа повела крутым косогором все вверх и вверх. Здесь мы видели нору барсука. Зверь этот здесь достаточно распространен и подымается намного выше границы леса, копая себе норы на гольцовых лугах. По местному его называют “халцзатэй” или “мангис”. Бьют не часто. Вреда особенного он не приносит. Под самой вершиной подняли стаю хойлыков, очень быстро удравших. Затем мы выехали на гольцовое поле, совершенно плоское – гребень Харлыкского кряжа. В одну сторону падали отвесы кара средней ветви Харлыка, в другую – голец крутыми россыпями спускался в исток рч. Бумботу. Оставив сарлыков идти тропой, мы с Бальджинемой свернули в сторону, осмотрели сверху боковой лог последней пади, а затем я полез на соседнюю вершину и связал съемку. Речка Бумботу была как на ладони. Левою стороной ее шел полосой довольно густой лес. На правой, увальной стороне также виднелись многочисленные листовничные колки. Далеко виднелся Субурган-хайрхан, на запад уходила громада Харлыкского кряжа. Забыл упомянуть, что из верхушки той ветви, по которой мы подымались, есть выючный перевал в рч. Цзун модо (система Хануя). Между Бумботу и Цзун модо есть еще падь Мухур, тоже относящаяся к

Ханую. Таким образом, водораздел Бумботу — Мухур есть в то же время водораздел Чулуту — Хануй. Если истоком Хануя считать Мухур, то ниже справа, т.е. с водораздела Хануй — Тамир, будут выходить следующие пади: Цзун модо, Бага ангархай, Ихэ ангархай (в вершине Худжирийндаба), Ара улацзай, Ара хуху даба (к <...> от Баян цзурихэ, против хуриэ Цэцэн вана). В вершине же Чулуту картина такова: из под г. Сэнчжита, бегут речки Сэнчжит и Дабатэ (в последней перевал в Улцзэйту-гол, система Цаган туруту). Главной считается последняя, Сэнчжит же ее левый приток. Далее Дабатэ принимает справа небольшую речку Арцатэ, затем рч. Ацзак-Шивэтэ. После этого Дабатэ принимает название Хурумийн гол и течет некоторое время в <...> направлении, параллельно Харлыкскому кряжу. Здесь она принимает рч. Хангал, незначительный ключ Хушотэйн гол и рч. Бумботу. После этого Хурумийн гол сворачивает к <...> и несколько далее сливается с Галутэ, откуда и называется уже Чулуту (?). Осторожно спустившись (все верхом) с внушительных крутяков, мы достигли истока Бумботу. Здесь мне посчастливилось убить грифа, притаившегося в гнезде, устроенном на невысокой сломанной сверху лиственнице. Спускаться было так круто, что я стрелял в полусотне шагов сверху в гнездо. Гриф оказался в линьке. Новые перья еще не совсем вылезли из чехлов. Тут насхватило коротким, но сильным градом, вернее крупой. Пожалуй и правда, что на вершинах никогда не бывает настоящего дождя, а в лучшем случае смешанная с дождем крупа. Спускаясь далее вниз, мы увидели следы наших сарлыков, очевидно благополучно спустившихся с “перевала”, а кроме того недавние следы стада изюбрей. Проехав версты три, мы увидели на чистом бугорке среди леса наш майхан. Так как было уже достаточно поздно (19 [часов]), я сейчас же побежал на охоту. Прошел немного. Видел козу с двумя уже большими инзаганами. Коза эта долго старалась увести меня подальше от них. Стрелять ее я не стал, хотя вначале она долго стояла всего в 30 шагах. Кроме нее ничего не видел. Полоса леса неширока, но густа и богата кустарником. Часты ключи, скрытые заросшими тем же кустарником россыпями. Домой вернулся поздно.

7/VIII

На восходе поехали с Бальчжинемой на охоту. Пересекши полосу леса, болотистым гольцовым логом стали подыматься на пологую седловину между Бумботу и Хангалом. Поднявшись на нее, мы проехали, чуть спускаясь, гольцом к началу крутого спуска в Хангал и отсюда стали осматривать эту речку. Сидели долго, но так ничего живого и не видели. Хангал облесен значительно менее Бумботу, впрочем о нем подробно

ниже. На обратном пути около самого лагеря, в лесу, ехавший впереди Бальчжинема заметил матку с цзоголом, просто молниеносно сорвался с коня и начал целиться. Так же быстро сорвался и я. Матку мы ранили, потом Бальчжинема стрелял ее еще раз, но она так и ушла. На поиски мы потратили полдня, но не нашли. Снова забирались к Хангалу, крутили по россыпям, распутывая следы. Солнце было уже низко, когда я прекратил поиски и решил двигаться дальше. Пошли быстро, все время подгоняя сарлыков легкой трусцой. Я с Бальчжинемой ехал впереди. Тропа все время вела правой увальной стороной. По дороге почти все время болото, иногда достаточно вязкое. Часты большие заросли кустарников, местами с увала подходят обросшие лесом россыпи. Падь вообще сравнительно богата лесом и весьма болотиста. Вид ее весьма живописен. Быстро подвигаясь вперед, мы через 2 часа, доехав почти до нижней окраины леса, заметили на левом берегу наш большой майхан и телеги.

Хойту-Тамирский разъезд был закончен. Чухломин уже серьезно о нас беспокоился, так как приехали мы лишь на 11-й день. Лошади оказались в прекрасном состоянии. На пути из Цзамтэ он заехал в Цэцэн ван, где местный дархан починил ему лопнувшую шину, продневал там и легко добрался до Бумботу. Перевал Улалцзай оказался нетрудным, лишь косогористым. А водораздела Хануй — Чулуту он почти и не заметил, настолько последний в этом месте незначителен. В Бумботу он раза два ездил на охоту. Около нашей вчерашней стоянки видел стадо изюбрей и безрезультатно палил по ним. Винтовка здорово брала в сторону. Видел кабана, который здесь не редкость. Вот почти и все. Дня через два собирался нас искать. Около стоянки он пробовал мыть золото, но ничего не нашел. Дугарчжап уже подумал о дальнейших проводниках. Вечер мы провели в разговорах за котлом супа с лапшой. Назавтра я решил съездить с Чухломиным в Хангал. Проводники же наши должны были вернуться обратно. Не хотелось расставаться с Бальчжинемой, ему тоже было грустно оставлять нас. Дней через десяток он собирался ехать на Урду-Тэрхи тарабаганить.

8/VIII

Утро прошло в сборах и расчете с проводниками. Лишь около полудня мы с Чухломиным выбрались в дорогу, взяв с собой одну вьючную лошадь со всем необходимым. Васю я отправил с проводниками, так как они собирались отыскать матку, а я хотел забрать шкуру для коллекции. Какими-нибудь 1½ верстами ниже нашей стоянки рч. Бумботу выходит из своей долины в долину Хурумиин гола. В устье ее долины развернулась большая конечная морена правильной полулунной формы.

Внутри ее вогнутости широкая болотистая ровная площадка, вероятно бывшая ранее дном озера. Небольшая лужа есть и сейчас. Пересекши морену, мы свернули на запад и поехали краем леса, имеющего здесь очень приличный вид. Переехали ключ Хушотэин-гол, имеющий всего 5-6 верст в длину. Вершина его широка и полого. За ним мы стали подыматься все выше и выше, по очень высокой относительно Хурумийн гола боковой морене, правильной валообразной формы. Высокий скат ее, обращенный к речке, облесен. Места, вообще говоря, удивительно приятные. Лес приличный. Много молодняка. Любезное место для козы и изюбря! Поднимаясь все выше и выше мы почти достигли границы леса и оказались на высоком мысу над Хангалом, в том месте, где он выбегает из собственной долины к Хурумийн голу. Спустившись между большими гранитными валунами к речке, мы выехали на тропу и стали подниматься вверх по долине. Правый ее скат очень каменист, левый крут, богат россыпями, а следовательно и беден лесом. Последнего здесь значительно меньше чем в Бумботу. Плоское дно долины болотисто. По убуру все время следы стойбищ — убульчжоны. Они подымаются вверх по пади версты на 4. Несколько выше падь перегорожена низким мысом, выдвинувшимся с левого берега. За ним долина расширяется. Лес почти исчезает. На востоке видна седловина, ведущая из Бумботу. Дорога отвратительная: камни и болото. Видели белых куропаток. Сделав небольшой привал, мы напились чаю и сделали первую пробу на золото, промыв пару лотков из речки. Шлих и одна-две пылинки. Золото, значит есть. Решили забраться, несмотря на позднее время, в вершину. Подымаясь все выше и выше, добрались до озера. Оставили коней и полезли дальше. Промыли лоток в боковом ключике. Ничего. Больше уже из-за темноты и не могли, а взобрались на следующую террасу, где и оставили лоток и лопату. Над этой площадкой висит почти отвесный гребень, страшно иззубренный, лишь у подножья прикрытый осыпью. Это водораздел с Харлыкком. Остроконечные зубцы эти монголы называют – “Балин цохе” за сходство с Чухломин же назвал это место “без скандалу ни на час”, так как пока мы курили 2-3 ганзы, несмотря на полную тишину, раза три сверху летели камни. Уже в полутьме мы вернулись к коням и повернули обратно, думая заночевать у первых деревьев. В полной темноте мы пробирались по болотам и россыпям и наконец поравнялись с первой сверху рощицей. Она смутно темнела на другом берегу речки. Перебраться с конями оказалось невыполнимым. Поэтому мы оставили их, завьючили на себя наш багаж и стали пробираться, прыгая с камня на камень, через речку. За речкой началось болото, потом опять крупная россыпь. До лесу, растущего также в камнях, едва добрались. Все это происходило в темноте.

С трудом найдя маленькую ровную площадку среди валунов, мы расположились на ночь. Воду я принес снизу, каким то чудом, пронеся полную чашу по россыпи. Затрещал огонек и мы преугодно поужинали сухарями и чаем. Долго еще говорили о разных разностях, и после полуночи улеглись.

9/VIII

Рано утром Чухломин сходил на охоту, но ничего не видел. На соседних скалах переливчато свистели улары. Довольно поздно мы снова выбрались в вершину. Коней оставили еще выше 1-го озерка. Поднявшись на террасу, промыли несколько лотков из речки. Снова шлих и пыль. Потом еще поднялись на две последовательные террасы. Там уже пыли не видели и дошли до стен основного кара. Отдохнув, повернули обратно, дошли до коней и направились вниз, к оставленным вещам. Напившись воды и доев сухари, поехали через долину, собираясь перевалить в Бумботу.

Несколько слов о вершинах ледниковых речек. Типичная форма их такова. В самой вершине более или менее правильной формы полукруглый кар. Сильно скошенные крылья его почти замыкают округлую площадку его дна, обычно ровную, очень небольшую, болотистую, поросшую осокой и другими гольцово-болотными травами, часто с небольшим изумрудно-зеленым озерком. Наличие озерка можно считать даже за правило. С площадки этой далее вниз ведет крутой участок россыпи, по которой шумит, прорвавшая барьер речка. Крутой, но короткий спуск, заканчивается новой площадкой, такого же характера, но несколько бóльших размеров, тоже с озерком. Сюда часто открываются один-два боковых кара, таких же всяких по отношению к этой площадке, как и основной. Тот же крутой спуск по россыпи ведет или к третьей площадке, или выводит в правильную \surd -образную троговую долину с чуть вогнутым дном и крутыми ровными скатами. Долина эта обычно прямолинейна, с небольшим падением. Затем короткий участок со значительно бóльшим падением выводит или снова в такую же долину, или в более широкую, больше размытую, богатую неправильными моренными нагромождениями.

Боковые долинки очень часто всячи и в миниатюре повторяют строение главной. На болотистых площадках верхнего участка всегда прохладно и тихо. Птиц мало: 3-4 вида (вьюрок, чеккан, как постоянные, кроме зимы, обитатели, да еще случайных вид-два. Клушиц и йолу не считаю). Из грызунов тарабаган и суслик в эти болота не забираются, здесь царство пищух, за которыми охотится горностай, неоднократно

нами виденный. Мышей не видно, хотя они в незначительном количестве может быть и имеются. Из копытных в жару сюда любят заходить и отдыхать изюбри и аргали. Следы их я находил почти в каждой такой вершинке. Охотники говорили, что им неоднократно приходилось убивать изюбря именно здесь. Находясь около изумрудного озера на такой площадке чувствуешь себя оторванным от всего мира. Несколько давит полная тишина. Лишь в очень скалистых карах нет-нет да и сорвется сверху, подточенный ветром и водой, камень, глухо ударится несколько раз об скалу и с шумом прокатится по россыпи, увлекая часть ее за собой. И снова тишина. Мертвая, лишь иногда раздастся слабое унылое чириканье выюрков.

В Харлыккин ама, когда случайный камень расшиб Васе ногу, на обратном пути к табору я слышал грохот значительного обвала, продолжавшийся несколько минут.

Теперь о золоте. Оно в Хангале несомненно есть. И, вероятно, в достаточном количестве. Мы брали песок прямо из русла, с поверхности – и то находили золотые пылинки. В массе гранита имеются кварцевые жилы – кварцевая галька в русле не редкость. Кварц подозрительный – иногда почти синий, иногда ржавый, часто полуразрушенный. Кроме того в гальке иногда попадаются куски метаморфизованного гранита и как будто другой породы (?). Может быть золото зависит от контакта? Солидная разведка несомненно нашла бы стоящее золото.

Во время работы нашей в истоке Хангала высота давала себя знать. Одышка ни на минуту не покидала нас, даже при спуске. Говорили мы медленно, несколько сдавленным голосом. Часто присаживались. В голове чувствовалась тяжесть и какая-то глухота. Устали мы здорово.

Из долины Хангала мы довольно рискованным подъемом въехали на голец, где, пробираясь между россыпями и болотами, направились к спуску в Бумботу. На гребне прозевали одинокого самца аргали, очевидно лежавшего и быстро скрывшегося за гребнем. Знакомый спуск в Бумботу не дал ничего нового. Было уже не рано. Промыв и здесь в обрывах и русле несколько лотков (и здесь как будто следы золота) мы быстро направились домой. Лесистая Бумботу оказалась на закате чрезвычайно красивой. Внимательно следя за опушкой леса, мы быстро продвигались по знакомой тропе и были дома еще до наступления полной темноты. Охотники наши матку не нашли, и Вася вернулся ни с чем. Подумав, я решил посидеть дня два на месте, подогнать свои хвосты, отдохнуть, а тем временем послать Дугарчжапа в Цогто хайрхан сомон требовать новых проводников по истокам Чулуту.

10/VIII

С утра занялся вычерчиванием съемки. Получилась полная и подробная картина истоков Хойту Тамира, где непосещенными остались лишь Худжиртэ и Улятуй. Кроме того получилось схематичное изображение части истоков р. Цаган туруту. Через Цзаин, Субурга хайрхан и отчасти Эмэлиин даба я связался со своей съемкой 1926 года, когда заснял Урду-Тамир. Наметились истоки Хануя. Магистраль в этом районе вполне выяснена. Имеется полная возможность составить карту лесов и карту бывшего оледенения, схему современных кочевок и верхнюю их границу. Кстати о границах. Хошунная идет в непосредственной близости от Цзаина по водоразделу двух Тамиров, самый верхний участок (выше дугуна) Урду Тамира отходит Хан ундуру. Затем она идет по магистральной, охватывая истоки Хойту Тамира и Чулуту и заворачивает на водораздел Тэрхиин-гол — Чулуту.

Сомонные же границы таковы. Граница первого на нашем пути сомона <...> со следующим, Хан ундур сомоном проходит через устье Улэнтэя. Эта речка – кочевье Хан ундурцев. Их верхняя граница - падь Сумэтэ (выше хуриэня) и Улалцзай. Мне говорили, что в этом сомоне число юрт неполное. Следующий сомон – Баян мандал. Его граница известна мне пока точнее других. Со следующим сомоном (Цогто хайрхан) он граничит по Харлыкскому кряжу. Истоки Хануя – Баян хайрхан сомон. В Баян мандале и Цокто-Хайрхане число юрт полное.

Вечером я переписал всех птиц, а затем занялся проявлением двух пробных дюжин пленок. Аппарат в порядке. Ошибся я в слишком частом употреблении светофильтра при ветре. Большая часть фотографий чуть смазаны. Не думаю, что тут виноват фокус. Хотя для опыта придется, пожалуй, проявить еще одну дюжину.

Еще рано вернувшийся из сомона Дугарчжап рассказал, что люди назначены на послезавтра. Ехать решил я один, для скорости. Публику отправляю в Урду тэрхи. С негативами я работал до 3-х часов ночи.

11/VIII

С утра отвратительная погода. Я занялся дневником. Вася убежал на охоту, Фролыч спал, а Дугарчжап уехал в аил.

Был порядочный дождь, а налетевший с гольцов сильный ветер разорвал по верхней перекладине наш большой майхан. Спешная починка при общем хохоте. Вася принес из леса прекрасной малины. Ягод здесь, оказывается, порядочно. Вечером все отдыхали за разговором у огонька в большом майхане. Погода несколько разгулялась. Заезжали к нам монголы

и посоветовали направить телеги не кружным путем через бельчир Чулуту - Тэрхи, как я хотел, а все-таки через падь Улцзэйту. Дело в том (и это у меня, кажется, еще не записано), что небольшие правые притоки Тэрхиин гола ниже Урду-Тэрхи берут начало не с магистрали, а с выдвинутого притока Галутэ (?) рч. Улцзэйту. Из вершины этой последней два перевала ведут прямо в Урду-Тэрхи. Один из них вполне доступен телегам. Ранее я слышал лишь о другом, для телег недоступном. Мой же маршрут в этом разъезде таков: исток Хурумийн гола, г. Сэнчжит, Эгин даба (в его стороне сильное понижение магистрали) и по Галутэ до Улцзэйту же. А там видно будет. Вьюк беру один.

В Бумботу, к удивлению, Вася выудил нескольких прекрасных хариусов. Заметил рыбу он также и в устье Нарьин-ама.

Необходимо отметить, что часы мои остановились 20-го или 21-го. Насчет дэльте хара и цубур чоно я спрашивал неоднократно. Здесь нет. Большинство указывает неопределенно – Гоби. Один раз для дэльте указали хошун Пурбу гуна (район Шара усу). Насчет цубур чоно говорили, что он есть в юго-западной Гоби, а один раз указали на цзахакинов, где он же именуется и шара-нохой, т.е. красный волк (<...>). Также неоднократно я спрашивал относительно племенного состава. Халха и халха, старые же роды свои все позабыли. Словом “борби”, вернее “архиный борби” здесь называют просто небольшую флягу, сшитую из сырой кожи, без всяких рисунков. “Хухур” – мешок для айрака.

Еще о золоте. Наше с Чухломиным мнение, что россыпь почти новейшего происхождения. Может быть даже в периоде образования. Основание – следы в новейших наносах в самой вершине. А разрушение основных пород идет, как мы видели, весьма интенсивно.

12/VIII

Утром, пользуясь довольно слабым солнцем, я напечатал большую часть проявленных негативов. Единственный и крупный недостаток – злоупотребление светофильтром, а следовательно и длительной выдержкой, при ветре. А так данные правильны. Довольно поздно подъехал один улачин с ачаным конем. Второго так и не дождались. Уложился и поехал. Выехав из долины Бумботу и миновав морену, мы спустились много ниже, чем тогда с Чухломиным и выехали прямо к Хурумийн голу выше впадения Хутотыйн-гола. Картина открылась довольно занимательная. Между Харлыкским кряжем и водоразделом Чулуту (вернее Галутэ) – Урду-Тэрхи залегает большое понижение, в вершине которого находится Эгин даба. Понижение это разделено продольной возвышенностью, спускающейся с Сэнчжита. По одну сторону его собирается Хурумийн

гол, по другую - Галутэ. Понижение это заперто внизу горой Улцзэйту-убур (?), соединенной очень низкой седловиной с отрогом Харлыка между Бумботу и Мухуром и, таким образом, являющейся частью водораздела Чулуту – Хануй. За седловиной хорошо видна гора Баян цзурихэ, а, следовательно, также и обращенный к Ханую склон Харлыка до Ара-Улалцзай. В месте слияния Хурумийн гол – Бумботу большая котловина, к <...> от нее отдельная гора (небольшая) Цокто-Хайрхан. <...> склон ее сплошь завален моренными отложениями. Пока еще для меня неясно, откуда они принесены. На восточном склоне небольшой дугун, сомонный. В упомянутой котловине порядочно населения. Я насчитал примерно 20-23 юрты. Далее мы поехали вверх по Хурумийн голу, довольно далеко от него, левой стороной. Все время по моренным отложениям. Завернули в аил, где живет второй улачин, но оказывается, он не получил распоряжения и уехал тарабаганить на несколько дней. Здесь 3-4 юрты. Так и поехали далее. По дороге в камнях подняли филина. Чуть выше устья Хангала на Хурумийн голе кочует сейчас уртон Галутэ. Около него 2 юрты. Заехали, думая найти человека. Не вышло. Немного далее Хурумийн гол выходит из гор. Свернув по нему в горы, мы остановились ночевать в аиле (2 юрты), разбив палатку у самой реки. Мирная картина! Светлая река течет здесь тихо, под высоким яром. Кругом луга, огороженные горами. Сзади небольшой лесок, а дальше гольцы. Около аила табун, стадо сарлыков. В вечерней тишине звенит вольная песня, звонкими голосами перекликаются дети. Закатное небо ясно. Воздух чист и свеж. Мы с Сереном долго сидели у входа в майхан, молчаливо думая каждый о своем. Вечером я немного поработал, писал дневник.

Все эти вышеперечисленные юрты укладываются зимой в лесистые пади (Бумботу, Хангал, Дабатэ, в первую не выше нашего лагеря – болотисто). Растительность по моренам за сегодняшний день – ксерофиты, главным образом полыни. Кое-где попадаются болотца с осокой.

13/VIII

Из аила выбрались поздно. Думали сговорить себе человека. Потом не ладился вьюк, словом времени ушло много. Невдалеке от аила устье Ацзаг шивэтэ, которая оказалась много короче Хангала. Миновав небольшой лесок и устье упомянутой речки, мы довольно ходко шли далее по Дабатэ (как я уже упоминал, Хурумийн гол считается с места слияния Дабатэ и Ацзаг шивэтэ). Лесу почти нет. По левой стороне все время следы убульчжонов. Поднимаясь все выше и выше, здесь уже вдоль магистрали, мы увидели наконец пятна снега на черном каре Сэнчжита. Миновали чуть облесенную короткую падь Арцатэ, распадок Модон

судуг и остановились напротив границы леса, у ручья с кустарником. Арцатэ и Модон судуг – справа. Слева же в Дабатэ падают незаметные распадки – щели. Пока чай да отдых, в вершине сгустились тучи и пошел не то дождь, не то снег — что-то бело было. У нас тоже малость покапал. Я решил никуда не ходить и не ездить, а занялся дневником все еще малость запущенным. Вечером кроме того поговорил с Сереном; сведения от него уже частично записаны выше. Осину они называют – “тоорай”. Ближе к истине! Он тоже говорил, что за последние 6 лет почти не стало зверя. Ранее же на пройденном нами сегодня расстоянии обязательно должны были бы поднять пару-другую. В котловине слияния Галутэ – Хуримийн гол ранее велись дзере, теперь вовсе исчезнувшие из этого места.

14/VIII

Утром встали на восходе и стали собираться на экскурсию в исток Сэнчжита. Майхан и одного коня оставили без присмотра. Долина полностью схожа с десятками подобных. По дну болотисто, крутые склоны в россыпях. Верстах в 2 выше лагеря слияние короткой Дабатэ (всего версты две до верхушки) и Сэнчжитэ, который и есть собственно главный исток Хурумийн гола. Постепенно подымаясь мы добрались до истока Сэнчжита, такого же террасового, как и большинство подобных истоков. Место очень любопытное. Самый исток – большой кар, вырезанный в громадной толще горизонтальных слоев вулканических пород. Контакт гранита и этих пород проходит в непосредственной близости от кара. Чуть ниже кара в долину с правой стороны вдается высокая скала, гладко обточенная льдом. Сторона, обращенная к долине, совершенно отвесна. Вид ее чрезвычайно оригинален. В вершине кара пятна вечного снега. Гребень его совершенно ровный. Собираясь подняться возможно выше верхом, мы взобрались на край висячей боковой долинки Хара хунке. Поднялись на барьер. Вдруг Серен бросился назад и шепнул мне, что впереди аргали. Мы соскочили с коней и я прополз между камней вперед. Действительно, на противоположной стороне болотистого ложка, у подножья крутого, покрытого россыпью высокого бока долинки лежали три самца аргали, головами в разные стороны. Лежали они спокойно и я имел возможность немного понаблюдать за ними и выбрать самого крупного. До угольщинов было около 400 шагов. Картинка была из типичных и вместе с тем любопытная. Отдохнув я тщательно прицелился и выпалил. Все три как в ни в чем не бывало, вскочили и стали подыматься по россыпи. Вслед, уже на 600 шагов, я послал еще 4 пули. Один отделился, отошел и остался стоять, в то время как другие два осторожными

прыжками одолевали крутую россыпь. В бинокль было видно, что аргали мой сильно ранен. Вскоре он лег, дрыгнулся несколько раз и затих. Я сфотографировал его, затем ободрал и разделал. С трудом завьючив голову, шкуру и часть мяса (остальное спрятали), я послал Серена в лагерь с обоими конями, а сам стал подыматься на гребень кара. Подъем был не очень труден и взобрался я скоро. По дороге видел стаю хойлыков и пожалел, что отправил винтовку назад. По острой вулканической россыпи и по иссеченному гребню я добрался наконец до вершины. Она оказалась, конечно, совершенно плоской и, что необычно, покрытой мелкой россыпью и даже галькой и гравием. Площадь довольно большая. Видно было чрезвычайно далеко.

В сторону Цаган туруту уходили короткие гольцовые отроги. Между ними течет ряд речек. Из них Дабатэ (Убур) и Нарин, совсем короткие, впадают в р. Улцзэйту. Далее идут Аца и Урготы, повидимому, соединяющиеся в Доной. Далее из-под довольно высокой черной вершины падает рч. Йола. Все эти пади лишь намечаются и в подробностях не видны. Далее на глазах вся посещенная мной часть магистрали. Хорошо виден Анаг, чувствуется впадина Хуху нура. Далеко на юге, за хорошо видимым Баян-Хонгором, кажущимся отсюда незначительной горкой, виден длинный вал Далангин нуру. А над ним в голубом небе чуть синее вершина Ихэ-Богдо. Под чистым светлым небом в той стороне (над Хангаем почти всегда облака) чувствуются жаркие сухие просторы Гоби. Как все-таки тянет туда! Ихэ-Богдо я обрадовался, как родному. Вообще, к югу тянет гораздо больше, нежели к северу. Виден также Субурга хайрхан. На запад и северо-запад видно также довольно далеко. В ту сторону область высоких гор – магистрали и ее больших отрогов – расширяется и значительно. В ту сторону вообще идет поднятие, если не магистрали, то ближайших районов. Далеко на западе виден отрог с большими снежными пятнами. Я тщетно искал в той стороне вершину Отхан тэнгри, будто бы видную отсюда, но так и не нашел. Очевидно она видна с другого места, так как площадка Сэнчжитэ довольно обширна. Кроме того Отхан тэнгри виден с чжинсы Сумбэру хайрхана. На севере — хаос гор. Вблизи видно расширение долины Чулуту, за которым река скрывается из глаз. В сторону Эгин дабана уходит небольшая безлесная падь Урто ангархай, одна из составляющих рч. Ботогон. Эгин даба от Сэнчжита совсем недалек. В его сторону видно значительное понижение магистрали, очень полого спускающееся к речке Ботогон. На вершине я пробыл довольно долго, хотя меня и пробирал холодный ветер. Затем, отсчитав анероиды, еще раз полюбовавшись на далекий Ихэ-Богдо, я направился огибать кар к истоку Дабатэ. Шлось легко, по гальке, мелкой

россыпи, а далее по гольцовому болотистому лугу. Подходил к краю, там, где вулканические породы сменяются гранитом. Отвесы страшные, сглаженные ледником. На линии контакта взял несколько образцов кварца. После этого я подошел к спуску в Дабатэ. Название обманчивое. Перевалить можно только верхом, да и то отлично зная тропу и на привычной к крутякам и россыпям лошади. Спустившись я довольно быстро дошел по Дабатэ до лагеря. Серен шкуру и мясо довез благополучно.

Несколько восточнее Дабатэ на магистрали виден островок вулканических пород. На месте контакта мне попало несколько кусков кварцита. Тарабаганы – почти до самого верха. На юг вулканические породы идут по крайней мере до вершины Йолы. По приходе в майхан я застал там охотника за тарбаганами, охотящегося без ружья с собакой. Ужинали мясом аргали. Я таки попробовал в этом году грудины аргали. По причине ночных морозов растительность верхушек за последние несколько дней приняла совсем осенний вид. Все пожелтело, свернулось, сохнет. Рано наступает осень на Хангайских высотах!

Должен отметить, что сведения об истоке Доноя и соседних речках несколько сбивчивы, может быть ошибка.

Об истоке Уты мне сказали, что он находится западнее Цаган туруту, т.е. стекает с байдарагского водораздела. Номон хани хуриэ находится на Цаган-Туруте.

15/VIII

Половина августа, а я все еще на магистрали! Впрочем магистраль – главная задача, далее просмотрю мельком. Утром я обрабатывал шкуру, Серен чистил череп. Это все заняло довольно много времени. Очень поздно стали ачаниваться, вдобавок кобыла наша не захотела нести сильно потяжелевший вьюк и не будь подъехавшего вскоре охотника, мы вдвоем ачанились бы до вечера. Наладили все и пошли обратно. Дошли только до аила, где и заночевали. Вулканические пласты прикрывают гранит левого борта долины на всем протяжении до выхода Хурумийн гола из гор. Мыс правого берега напротив аила также составлен ими. Больше ничего нового по дороге не отметил. Вечер провел частью в палатке, частью в юртах. Один тип знает немного Дорджи гэшуну, моего прошлогоднего спутника по Юго-Западной Гоби. Мало в Монголии народу!

Погода за последнее время стояла приличная. Общая характеристика такова: утром ясно и холодно. Часам к 12 появляются отдельные обрывки <...>, затем перья <...>, все это сгущается и под вечер почти каждый день

пахнет дождем. Поздно все это расходится и ночь ясна и морозна. Стороной, но неизменно над магистралью, проходили большие дожди. Над Гоби же неизменно ясное небо.

Тарабаган выспел. Рога, пожалуй, уже кончились. Вообще осенью пахнет здорово. Из-за времени мне придется магистраль за Эгином просмотреть лишь вскользь. Я сильно запоздал. Очень интересно, как справляется С.А. Хотя у него много народу. Я же совсем один. Частенько трудно приходится, намного труднее, чем в прошлом году. Плохо со сборами. По ботанике у меня всего листов 70.

16/VIII

Утром собирались долго и выбрались поздно. Все вдвоем. Из аила поднялись на низкий плоский таг – водораздел Галутэ – Хурумин гол. Поверхность его – обычный гольцовый кочковатый осоковый луг с небольшими участками россыпи. Валуны вулканических пород перемешаны с гранитными. Поверхность, по-видимому, носит следы воздействия ледника. Именно этот постепенно снижающийся таг упирается в возвышенность Цокто-Хайрхан. Не по нему ли полз ледник, набросавший у последней горы столько моренного материала? С этого тага мы спустились в долину Галутэ, ровный желоб которой врезан в таг, продолжающийся и на другой стороне долины. Верховья Галутэ – три речки (Галутэин — Гурбан — Эхин), остались недалеко от нас влево. Все они берут начало под украшенным чжинсой отрогом Сэнчжита (Сумбэру хайрхан). Гора эта читается теперь сомоном. Образована она теми же вулканическими породами, что и Сэнчжит. Лесу в верхушках чуть-чуть. Вообще у долины Галутэ довольно унылый вид. Слияние Галутэ и Ботогона осталось недалеко вправо от нас. Поднявшись на следующую возвышенность, совершенно такого же характера, что и первый таг, я поднялся на небольшой холм. Под ним, напротив высоких красных скал, находится стрелка речек Бугутэ и Ботога — Йола. Хорошо видно пологое понижение Эгина. Спустившись, мы пересекли Бугутэ и направились к расположенным недалеко по Ботогону аилам. По дороге приостановились около аинчи. Последние возили с Селенги в Баян-Хонгор ханы для юрт и запаслись солью и баранами. В аиле мы отдохнули, оставили свой вьюк и поехали налегке на Эгин даба, до которого оставалось не более 10 верст. Прямо от аила мы поднялись на плоский таг, разделяющий Бугутэ и Ботогон. Проехав несколько верст по нему, мы спустились в очень высокую здесь верхнюю часть Ботогона, в которую и ведет пологий спуск с Эгина. Вершина Ботогона составляет опять-таки из трех речек (Гурбан ангархай). Верхняя из них бежит из угла магистрали, находящегося

несколько юго-западнее Сэнжита, с этого же угла начинается р. Убур йола. Таким образом, излом магистрали не Сэнжит, как я думал ранее, а Йолыйн эхинэй нуру. Нижняя Ангархай начинается под Сэнжитом, гранича там с рч. Сэнжит. Участок Сэнжит – Йола также накрыт мощным слоем вулканических пород. В средней Ангархай ясно видна горизонтальная граница их с гранитом. В верхней Ангархай виден порядочный кар. Нижняя, по выходе из высоких гор на плоскость спускающегося с Эгина тага, отделена от Бугутэ незаметным перешейком. Соседняя Бугутэ врезана в таг гораздо глубже. Переехав бедный здесь водой Ботогон (его настоящим началом считается верхняя Ангархай), мы положим косогором поднялись к большому обо Эгина, поставленному на плоской седловине перевала. Местные жители считают Эгин даба как бы центром Хангая и чтят его. Находясь вблизи, они не называют его “Эгин”, а говорят “Хангаин даба”. Обо я заснял. С дабана, особенно отъехав несколько в сторону, открылись довольно широкие перспективы. На юго-западе вдали чувствовалась широкая долина Байдарага, уходившая на юг. Начало Байдарага не так далеко к север-западу от Эгина. За Байдарагом виднелись уже полугобийского характера горы, за ними чуть виднелись еще горы, находящиеся, повидимому, за Цзагом. Вблизи намечались долины левых притоков Байдарага: Хапчагай, Хара хурум (из под г. Йола), Тэйль и Ногон дунд. Впрочем толком разобраться было трудно. На <...> видна была гора Баян цзурихэ. К юго-западу от дабана спуск также пологий. Местность в ту сторону совсем другая. Гольцов далее магистрали нет. Довольно пологие горы, с выходами скал на вершинах, чувствуются широкие долины. Ледниковая деятельность, очевидно, распространялась в этом направлении недалеко.

Серен мой долго молился на обо и оставил по пряди конских волос. Сидели мы там довольно долго. Анероиды я отсчитал дважды. Получается чуть ли не на километр ниже Сэнжита! Суслики и тарабаганы поднимаются почти до перевала. Потолковали с возвращающимся в Улан чулу улачином. Затем собрались обратно. Той же дорогой быстро (ехали около часа) вернулись в аил. Слияние Ботогон – Йола осталось к <...> от нас. Колесная дорога на перевал идет по Ботогону. Она полого. Единственный недостаток – камни. А то можно было бы перевалить и на машине. Поверхность тага на обратном пути обычна. И здесь кое-где попадаются в большом числе вулканические валуны. Сам Эгин – гранит. Интересно, где же был вулкан, выбросивший такую массу лавы? Вернулись еще до заката. Вечером занимался дневником. Здесь в этих окрестностях лесу совсем мало. Кое-где небольшие колочки. Вернее, эту местность можно назвать безлесной.

В аиле, где мы ночуем, 7-8 юрт. Выше по Йоле еще 5 юрт. Бугутэ и

Галутэ совершенно безлюдны. Вершина Бугутэ составляется из двух падей – Дээд ама и Доод ама.

Таким образом, на участке Хурум – Эгин всего 8 падей. Следующая за Эгином часть магистрали называется Цэлиг.

Волков здесь порядочно. Перед нами волки зарезали барана прямо в хотоне.

Публика приветливая, встречает везде хорошо.

17/VIII

Утром я снял прекрасно видный из аила Сумбэру хайрхан. Довольно поздно мы выбрались вниз. С Улан хады я взял образец. Порода какая-то другая. Как будто кварцит. У подножья скал кэрэксуры. Очевидно, что здесь, так же как и в Хэнтэе (С.А.), граница современного заселения почти совпадает с границей древних могильников. Далее мы ехали плоским галечным дном долины Чулуту, имея слева крутой скалистый склон со скалистым же гребнем, а справа не менее крутой, но гладкий склон Галутэин тага. Между прочим, с речками дело обстоит следующим образом: Ботога впадает в Йолу, которая сохраняет свое название до слияния с Бугутэ, т.е. до Улан-хада. Далее вниз идет Чулуту. Миновали падающий слева распадок Салхитэ. Небольшой лесок и две юрты. По дороге кое-где кэрэксуры. Что удивительно, почти никаких следов ледника. Ни намека на боковые морены. Еще ниже слева подошли две слившиеся пади – верхняя, короткая – Нарин и нижняя, большая – Цаган сайр. Именно эту последнюю я и видел с истока Ацзак-Шивэтэ. Лесу в них уже значительно больше. Дно Цаган сайра у устья плоско и широко. Растительность бедновата. 2 юрты на виду. Вершина этой пади уходит под вершину рч. Улцэйту. Несколькими верстами ниже долину неожиданно перегородила солидная морена. Это как раз у впадения Галутэ. И далее вниз ландшафт долины стал моренным. Таким образом и с этой стороны понижение Чулуту имеет моренные нагромождения до Цогто хайрхана. Я так и не могу понять, в чем дело? Неужели весь Галутэин таг был под огромным ледником? В таком случае долины Галутэ (боковые морены отсутствуют), Бугутэ и нижней Йолы прорыты позднее водой. Если и был такой ледник, то он сползал двумя языками: по теперешнему Хурумыйн голу и Чулуту, набрасывая моренные валы на нижнюю часть Галутэин тага. Моренный материал – почти сплошь гранит, с примесью вулканических туфов. Ниже Галутэ аил. Юрт 6-7. Бока долины становятся совсем низкими. Еще ниже слева впадает небольшая падь Цохетэ. В ее устье тоже 7-8 юрт. Напротив впадения Галутэ слева же была большая падушка Маратэ (лесок). Миновав Цохетэ, мы доехали наконец до устья

Улцзэйту-гола. Хурум впадает в Чулуту еще ниже. В стрелке небольшая горка Тэг (совсем гобийское имя!). На устье Улцзэйту около 10 юрт. Вниз по Чулуту видно верст на 20. Далее глаз упирается в высокую плоскую гору Уха чулуту, часть водораздела Чулуту – Хануй. На ее западной стороне хуриэ Ширэту гэгэна. По словам Серена хуриэ этот многим меньше Цэцэн вана. Ниже Улцзэйту в Чулуту с левой стороны впадают следующие пади: три Чжиргаланту и Цзун модо. Ниже будто бы больших падей нет. Серен назвал еще два урочища – Улан тологой и Хара хада. За ними есть еще речка Тэйль, исток которой находится близ истока рч. Цзун модо, а устье - ниже Хара хада и выше Ширэту-Гэгэна. С правой же стороны Серен назвал мне небольшие, почти безводные пади Чжапчлик (!) (без воды), Торомтэ (ключ). Хурумийн гол по выходе в широкую здесь долину Чулуту еще долго течет отдельно, сливаясь ниже Чжапчлика.

На устье Улцзэйту мы заехали в аил дарги, но не застали его дома и двинули вверх по пади. Даргу встретили по дороге и переговорили о смене. Пройдя еще версты две стали на ночевку. Вечером еще приезжал дарга и послал бошко за сменой. Чуть ниже нас две юрты. Долина здесь широка. Впрочем об Улцзэйту-голе подробнее завтра, по ознакомлении. О наших слышно, что перевалили. Как уж — не знаю.

18/VIII

Хорошо выспавшись утром я полез на гребень между Улцзэйту ама и Цохетэ. Добравшись до него я долго сидел на гранитной вершинке. Вид открывается отсюда весьма широкий. Виден весь Харлыкский кряж и часть магистрали до Сэнчжита включительно. На свежую память подробно о нем. Наибольшее повышение, как следовало ожидать, чувствуется вокруг Сэнчжита. Этот последний фактически не виден, будучи заслонен ближним отрогом (Сумбэру хайрхан). Видна лишь юго-восточная часть кара. Из под Сумбэру хайрхана выходят три ущелья истока Галутэ, все хорошо видные. На восток от Сэнчжита (вернее на северо-восток) идет сначала магистраль, а затем Харлыкский кряж, крайний гонец которого лежит северо-восточнее пади Цзун модо. Вся эта линия ровна. Кроме Сэнчжита незначительное повышение чувствуется в узле Анага. Вид всей этой линии гольцов весьма внушителен. Глубокие долины речек разделены широкими и плоскими мощными гольцовыми отрогами центральной линии. Эта последняя в некоторых местах (узел Харлыктэ – Хангал – Нурийн ама) сильно подточена и там видны уже знакомые мне иссеченные гребни. Так последовательно видны, кроме упомянутых уже истоков Галутэ, исток Хурумийн-гола, т.е. Ацзаг шивэтэ, кроме самой верхушки, затем часть Дабатэ и вся Арцатэ. Хорошо виден изгиб Хурумийн-гола по

выходе из гор. Ближе, отделенный массивным отрогом, широкой дугой изогнулся Хангал. Об его вершине я только что упоминал. Еще ближе, за раздвоенным на мысу впадиной Хушотэ гольцом, течет Бумботу. В ее вершине виден кар, на верхушку которого я лазил. Далее Бумботу, опять таки за широким гольцовым отрогом, видна большая падь Цзун модо. Мухур, оказывается, просто боковой ее приток в вершине, с левой стороны. Цзун модо – последняя большая падь Харлыкского кряжа. Далее идет большое облесенное понижение, ведущее к седловине Худжирийн дабана. Следующие пади: Угомыр, Бага-и Ихэ ангархай коротки и незначительны. За Худжирийн дабаном видна невысокая горка, отделяющая его от Улалцзая. Далее этот водораздельный гребень скрыт ближней горой Улцзэйту-убур. В понижении Худжирийн дабана видны далее лежащие Хан ундур и Сумэтэ ихэ. Впрочем на счет этого есть тень сомнения. Съемка покажет. От отрога Бумботу Цзун модо еле заметный пологий водораздел Ялатэин дюрюльчжи ведет к довольно высокой горе Улцзэйту-убур, которой собственно и начинается настоящий водораздел Хануй – Чулуту. Этот последний представляется довольно высоким и широким горным хребтом, без гольцовых вершин, изрезанным сухими, или почти сухими логами и падами, разделенный более или менее острыми гребнями. Довольно далеко вниз, немного ниже изгиба Чулуту, в хребте этом выделяется высокая плоская гора Уха чулуту (название имеется на сорокаверстке). Внизу почти видно слияние Хурумыйн-гола и Чулуту. Как на ладони видна горка Цокто-хайрхан, к которой приводит постепенно понижающийся язык Галутэин тага. Лесу на водоразделе Хануй – Чулуту почти не видно. Кое-где чуть видны полоски его. Больше всего леса по устьям Цзун модо, Бумботу, Хангала. Улцзэйту и Цохетэ тоже хорошо облесены (с сиверовой стороны). В сторону их истоков виден внушительный полукруг гольцовых вершин с одной большой седловиной посредине. Долина Улцзэйту видна вверх на несколько верст, до сужения. Ниже его, до устья она широка и плоска. Убур совершенно безлесен, кое-где выходы пород в виде небольших скал. По речке в месте сужения значительная кустарниковая урема. Участок уремы имеется и около устья, где речка прижимается к левому берегу. Правый гребень Улцзэйту составлен гранитом, кое-где образующим выветренные скалы, хорошо облесен и разделен небольшими крутыми распадками. Падь Цохетэ, как будто, не очень длинна. Ниже Улцзэйту виден еще ряд падей. Лесу не видно, так как в мою сторону обращены убурь. По гребням впрочем видны линии деревьев.

Вообще в эту сторону ничего не видно, кроме хаоса острых гребней. Разобрать долину Чулуту и Тэрхи не представляется возможным, так как

они сливаются вероятно намного ниже. Горизонт замыкается отдельно возвышающейся горой с двумя вершинами, на которую я уже неоднократно делал засечки.

Обратно я спускался лесом. Качество его неважное — малорослый и тонкий. Вверху порядочно валунов. Нижний ярус — трава в кочках. Порубок довольно много. Спугнул большую козу, видел бурундука. Следов разных довольно много. Трудно лишь разобрать, чьи. Здесь намного теплее чем в гольцах, поэтому многое еще цветет и наступление осени еще не так заметно. На обратном пути взял образец гранита. В лагере без перемен. Смена так и не едет. В устье Хурумийн гола 12 юрт, да одну видел в ложке на Галутэин-таге.

В Цаган Туруте, Аца и вершина Доная – одно и то же. Темным остался вопрос о Бурин хане. Путает меня мой чертеж. Шара цохе и Ихэ цохе текут ли по обеим сторонам Бурин хана, или по одну сторону? Как будто по обеим сторонам.

Расспросил Серена подробно о кочевках в его сомоне. Границы сомона определились. С одной стороны Харлыкский кряж, с другой магистраль, затем водораздельный отрог Улцзэйту, затем гребень Дунду-Цзун Чжиргаланту, гора Улцзэйту убур и далее почти по Ялатэин дюрюльчжи (маленький кусок остается) к гребню Цзун модо – Бумботу. Цзун модо относится к Баян хайрхан сомону.

В сомоне Цогто хайрхан полностью 150 юрт. Площадь его велика, но много занято непригодными для проживания гольцовыми грядами, болотистыми вершинами речек. Кроме того много места занято двумя уртонами (Галутэ полностью и большая часть уртона Цзун модо). Уртонные пастбища определяются так: Галутэ занимает рч. Бугутэ, устье Йолы, Галутэ, Хурумийн гол от мыса до устья Хангала включительно. Район кочевков уртона Цзун модо начинается с Хушотэ гола (даже чуточку дальше) и идет вниз по Хуруму, охватывает устье Бумботу, Ялатэин дюрюльчжи и уходит в пределы Баян-Хайрхан сомона. Таким образом на долю обитателей кочевков Цогто хайрхана остается не так много. Каждая юрта кочует недалеко - в пределах десятка верст и поблизости от арбанай-дарги. Годовое число кочевков различно. Зависит от характера хозяина и от количества скота. Некоторые любят частые перекочевки, другие предпочитают подольше посидеть на месте. Наибольшее число перекочевков падает на весну, когда стараются скорее поправить скот новой зеленью. Используются убур и дно долин, кроме болотистых верхушек. На этих местах, повидимому, старая трава съедается вся. Так, по крайней мере, говорит Серен.

Подтверждается, что траву болотистых плоскостей тагов и болотистых

верхушек, а также и лесную траву скот ест неохотно и плохо жиреет и заправляется. Таким образом основным кормом является формация сухих склонов и почти сухих же речных долин, низкорослая, содержащая много полыни. Фактически получается то, что жители богатого сочным разнотравием Хангая ищут для своего скота формацию, наиболее близкую к гобийским. О гобийских травах все отзываются очень хорошо. Исследование кормовых свойств ксерофитной полынной степи помогло бы разгадать загадку, почему жиреет гобийский скот на столь скудной растительности. Густотравие речных верхушек используется лишь отчасти и то зимой. Малоиспользованной площадью в Цогто хайрхане остается низкая часть Галутэин тага. Причина тому – безводие. Кочевки охватывают лишь его окраины близ рек, да зимой и весной кое-кто кочует по нему, пользуясь снегом. Снегу вообще выпадает не так много – 3-4 пальца, четверть. Более этого (я говорю об открытых и низких местах) бывает лишь после пург – шурганов.

Сомонная граница строго не соблюдается. Приграничные айлы соседних сомонов кочуют по обе стороны границы. В случае сильной засухи в одном сомоне и лучших условий в другом, перекочевки в этот другой сомон, с согласия дарги, принимают более массовый характер. Беспорядочное перекочевывание по районам других айлов допускается лишь в засуху. Тогда же случается, что прикочевывают и из соседнего хошуна, например, из Баян-Хонгора, правда, лишь приграничные жители. Распределения кочевков сверху, через сомон или сомонное собрание, не бывает. Публику старается удержать в пределах досягаемости арбанай дарга, вообще ответственный за каждую отдельную личность. Поместить в этот сомон, при наличии 2 уртонов, еще 20-30 айлов Серен считает почти невозможным. Что же касается косьбы высоких лесных и болотных трав (так как вся другая съедается), то это было бы, несмотря на их низкие кормовые качества, большим подспорьем зимой и ранней весной, когда вообще падает скот и особенно бараны. Здесь нужен пример, толчок. Это также мнение Серена. Но заниматься сенокосом здесь довольно затруднительно, так как именно в самое благоприятное в смысле состояния трав время идут дожди. Кроме того в большинстве случаев вывоз сена весьма затруднителен, по причине россыпей и болот. Вообще улучшение быта должно быть предварено тщательным изучением условий, так как оно связано со значительной ломкой общего бытового уклада.

Попыток земледелия здесь никогда не производилось. Сомоны, расположенные вниз по Чулуту и Ханую, находятся в лучших условиях, в смысле отсутствия уртонов и значительно меньшей площади непригодных для пастбы угодий, но зато и общая площадь их, при одинаковом числе

юрт, относительно меньше.

Таким образом я считаю довольно подробно обследованным, в виде образца, два сомона: Баян мандал и Цокто-Хайрхан. Хан ундур обследован более чем наполовину. Плохо только с ботаникой и почвами. Последние, впрочем, в этом районе не так интересны, вследствие его абсолютной высоты. Ниже 1500 метров я не спускался, кроме окрестностей Цэцэн вана. На подробную карту могу нанести формации, лес, кочевки, число юрт.

Снабжение населения товарами вполне сносно. Недостаток того или другого зависит от перебоев доставки такового в центр – Уланбатор. Затруднений в сбыте сырья также нет. Количество скота если и уменьшается, то только вследствие падежей. При достаточной же ветпомощи оно должно увеличиваться. Живым скот продают мало, сознавая его необходимость. Налоги выплачивают продавая шерсть и прочие продукты (главным образом). Кроме того дарги-сборщики следят за числом скота и стараются, чтобы последнее не убывало бы без уважительных причин. В случае уменьшения числа бодо нет конца вопросам, почему да отчего.

Белки в этом сомоне значительно меньше, чем в Баян мандале. В хороший год охотник за день бьет 3-4 штуки. Рогов за этот сезон убили всего две пары и очень маленьких. Цена за первосортные 10-12 саланные достигает 200 и выше тугриков. Спросил Серена о шахматах. Здесь играют уже по западным правилам: ферзь ходит по - европейски. Спрашивал, далее, об улигерчи. Сказывают, но мало; хороших, с аккомпанементом, нет.

Относительно общего положения. Вследствие близости к центру, распоряжения его понимаются и выполняются правильно. Год от года жить становится лучше, глубже разрабатываются основы государственного уклада. Добром поминающих старое почти нет, он, т.е. Серен, уверяет, что нет вовсе. Словом, с этой стороны дела обстоят хорошо. Ламы прикреплены к монастырям. Обязательных поборов в пользу последних нет. Но добровольные сборы производятся все таки через власть. Чжяса просит о помощи тот или другой сомон. Собираются арбанные хурулы и каждый, по желанию, дает, что может. Делами веры распоряжается шачжинай ямунь, из 7 габчжей, стоящий наравне с хошунными учреждениями. Гелюны и габджи, впрочем, требуют почета почти по-старинному. Скот монастырский пасется по аилам.

Китайская торговля находится в сильном упадке. По мнению Серена, китайцы должны едва перебиваться, изображая из себя случайных перекупщиков – панзачей. Монополией их остались лишь панты (а как мало их бьют!) и грибы (<...>). Пантов, правда, в Баян-Хайрхане угробили

в этом году пары 4. Таким образом на район Цэцэн вана пантов пришлось в этом году вероятно немногим больше 10 пар (Баян-мандал – 1, Цогто хайрхан – 2, Баян-Хайрхан – 3-4, остается Хан ундур – неизвестно).

Известных певцов в сомоне нет. Старинная песня в некотором упадке – молодежь поет новое.

Ула моя так и не заявила. День не потерян только благодаря расспросам.

19/VIII

Черт бы их побрал. Вечер второго дня, а смены нет. Весь день в ожидании бил баклуши. А день много значит. Нового узнал лишь то, что летом бараны и козлы – производители пасутся отдельно. Их собирают из многих аилов в одно стадо, пасет которое один какой-нибудь аил, получая за это шерсть с пасомых баранов и эквивалент шерстью же за козлов.

Осенью со среднего месяца их припускают в стада. Отлучают снова с первого летнего месяца. В производители отбирают крупные и сильные экземпляры. Точно так же и у крупного рогатого скота – выбирается хороший экземпляр, для сарлыков с хорошей шерстью. У коней бегом не интересуются, отбирая лишь гривастых, крепких телом производителей.

Вчера я забыл записать время замерзания и таяния речек. Замерзают в последнем осеннем, тают в последнем весеннем месяцах.

Вечером сходил на охоту. Ничего не видел, а прошел порядочно. Далее видны большие участки леса. Подтверждается первое наблюдение, что лес плохой: тонкий и малорослый. Следов эксплуатации много. Видел чиндагана (<...>).

Сын Серена, между прочим, учился в Ленинграде и служит сейчас, кажется, в охране в Улясутае.

Долина Улцзэйту с притоками, видимо, довольно густо заселена. Эти два дня мимо нас все время проезжают взад и вперед люди. На устье Улцзэйту стоит небольшой хашан с несколькими постройками китайского типа. Это “дворец” князя Барун гуна. Сейчас в нем никто не живет, а принадлежит он сомонному дугуну, от которого там дежурит сторож.

Позавчера вечером пролил небольшой дождь. Вчера также пробовало капать. Сегодня, несмотря на тучи, обошлось благополучно.

Попробую сделать сводку геологических данных. Цзамтэ –верху кварцит, ниже из-под него показывается гранит. Кварцит его кое-где прикрывает. Гранит распространяется далеко вниз, охватывая и Урду гол. В верховьях Хойту гола в Бугутэверху частью также кварцит, ниже гранит. Магистраль в окрестностях Цохе – гранит. Левый бок – кварцит, два незначительных останца туфов. Нуриин ама и Хуху нур – сплошь

гранит. Харлык – так же. Сэнчжит и Йола - туфы. Туфы же прикрывают левый берег Дабатэ, выступая и на правом мысу. В контакте кое-где кварцит (?). Гранит попеременно с туфами в верхней части Галутэин тага и в окрестностях Эгина. Эгин - гранит. Улан-хада и далее левый берег Чулуту – кварцит. Низовье Улцзэйту – снова гранит. Гранит же, по-видимому, и почти по всему водоразделу обоих Тамиров. Лавовые останцы по Хойту-Тамиру.

Ула и 20-го не заявила. Чтобы подтолкнуть я съездил в сомон, благо вернулся из аймага настоящий сомонный дарга - Долгорчжап. Видимо, умный и дельный человек. Его, кажется, прочат в делегаты на Великий Хурул. Назавтра назначили двух молодых парней. Остаток дня я с Нямбударгой (наринбичигин дарга) проездил по аилам. Время провели весело. Сомон стоит на Хурумиин голе, между Улцзэйту-убур и Цогто хайрхан. Аилов 5-6. Низкая стрелка Чулуту – Хурумиин гол – лавовый поток. На склоне Цогто хайрхана – рошица. Вот все новое, что можно отметить. 21-го выбрался я лишь около полудня. Распрощался с Сереном. Вьюк пошел на двух конях. Немногим выше нас Улцзэйту получает справа большой приток Хомон гэр, правая сторона которого обильно облесена. Вершина в гольцах, довольно высоких. Выше Хомон гэра долина Улцзэйту сужается. Появляется обильная урема.

С левой стороны к реке подступают гранитные скалы. Далее справа в реку впадает незначительный ключик Ангир булаг. Выше его в долину слева врезается невысокая гранитная коса. За ней слева же подходит небольшая падь Улан чулу. Это – граница гранита и кварцита, выступающего далее по левому берегу высокими скалами. Еще немногим выше Улцзэйту получает справа большой приток Бугутэ. Почти напротив Бугутэ, немного выше слева подходит небольшое ущелье Нарин улан чулу, затем небольшой лог Доод булаг. Здесь долина Улцзэйту значительно расширяется, исчезает урема и по долине появляется моренный материал. Немногим выше слева же подходит ключ Дээд булаг. Почти против него справа впадает большая падь Ухан марта, а за ней - Нарин. Миновав Нарин, мы остановились немного выше его, почти под большой конечной мореной Улцзэйту. В месте морены значительное сужение долины, по обеим сторонам которой поднимаются два высоких крутых гольца. Из них южный, более высокий, поднимается над рекой почти на 700 метров. Теперь несколько подробнее об Улцзэйту. Как видно из краткого перечня притоков, крупные все приходят справа, причем Нарин и Ухан марта берут начало с магистрали.

Следующей к Эгину речкой, текущей с магистрали, будет Цаган сайр, а далее следует Йола. Бугутэ и Хомон гэр берут начало с короткого, но

высокого гольцового кряжа – водораздела Чулуту – Улцзэйту, отходящего от магистрали между Ухан марта и Цаган сайром. Водоразделы третьего порядка: Нарин - Ухан марта, Ухан марта - Бугутэ, Бугутэ - Хомон гэр – все довольно высоки и имеют гольцовый характер. Все эти речки по правой стороне прилично облесены и, кроме разве Нарина, имеют в вершинах небольшие разветвления. Дно долин – большей частью (насколько можно судить издалека) полуболотистый кочковатый луг. Убуры безлесны, круты и мало расчленены. С левой стороны Улцзэйту не получает ни одного большого притока. Ключи (имеющиеся лишь в верхней части долины) коротки и незначительны. Гольцы с этой стороны начинаются несколько ниже Доод булага. Эта сторона Улцзэйту совершенно безлесна. Формация склонов – ксерофитный убур. Самая долина реки имеет большей частью галечную почву и травы, очень основательно вытравленные (за исключением небольших участков), также большей частью относятся к сухой формации. Аилов много. Всего по Улцзэйту с притоками кочует до 50 юрт, распределенных следующим образом: около нашей трехдневной стоянки – уже упомянутые две юрты. Затем в устье Хомон гэра – 8, выше по этой пади – 7, напротив ее устья – 8. Далее в Улан чулу – 3, в Бугутэ – 4-5, у Дээд булага – 12, на устье Нарина – 5. Вытравив летом траву по самой Улцзэйту, они перекочевали сейчас на осеннюю кочевку. Зимовать будут по мелким распадкам в притоках, а частью по убуру самой реки. Нямбу, например, зимует на убуру почти напротив нашей “долгой” стоянки. Охотников поядочно, сейчас все тарабаганят, частью в Цаган сайре и Йоле, частью в Гичигэнэ и Урду-Тэрхи.

Между прочим, Серен неправильно перечислил мне пади левой стороны Чулуту, ниже Улцзэйту. Сначала идут Гурбан-Джиргаланту, а потом уже Цзун модо. Непосредственно с водораздела второго порядка Тэрху — Чулуту берет начало последняя, прочие же начинаются ниже, с водораздела 3-го порядка.

Ниже Хара-хада в Чулуту с левой стороны впадает приток Халун усу, с сернистым аршаном. Температура его не очень высока – тело терпит. Там устроено несколько ванн. И уже ниже Халун усу с этой же стороны впадает Тэйль. До него от устья Улцзэйту надо считать примерно около среднего уртонна (верст 30). Говорят, почти столько же, сколько от Улцзэйту до Эгина. Ниже Улцзэйту-убура часть водораздела Чулуту-Хануй носит название Табун цохе (?). Халун усу - большая падь.

Вечером со стоянки, я полез на высокий голец к юго-западу от лагеря. Лез я более 1½ часов. К сожалению, во-первых, было довольно поздно-на вершину я забрался к 7-ми часам; во-вторых погода окончательно

испортилась. Все было в тучах, временами, при сильном ветре хлестал холодный дождь. Насчет видов было скверно. Чуть мог различить я вдали Харлыкский кряж и разобрать хоть отчасти подробности строения правых притоков Улцзэйту. Видно было и в сторону истока этой реки, но об этом ниже. Голец этот сложен кварцитом. И на склонах, и на вершине, за исключением небольших участков россыпи – приличная гольцовая трава. Обратно я спустился в полчаса, почти все время бегом. Разность отсчета anerоида показала чуть ли не 660 метров от вершины до лагеря. Спускался я, следовательно, на 22 метра в минуту. А всего этот голец, считая, что настоящая вершина осталась немного далее, да наш лагерь был значительно поднят над руслом реки – поднимается над последним почти на 700 метров. Пока варили обед, ветер усилился, дождь хлестал всюду, темь была непроглядная. Магистраль напоследки хочет запугать меня. Но мы преутоно поужинали, сдобрив мясо чашкой ракуши.

22/VIII

Утром двинулись далее. Сейчас же за стоянкой перевалили конечную морену и этим самым прошли в неширокие ворота между высокими и крутыми гольцами. Начался гранит, из которого и составлена главным образом конечная морена. Почти в самом проходе с левой стороны в Улцзэйту падает узкое и крутое ущелье Ангархай, начало которого стиснуто в высоких и очень крутых черных кварцитовых гольцах. Далее тропа, носящая оригинальное название “Хулагайчин цзам” (“Воровская дорога” – прим. сост.), повела по болотам и валунам вдоль текущей среди невысоких беспорядочных гранитных сопки речки. Пройдя верст 8-9, мы остановились близ истока Улцзэйту на границе леса. Пообедав, мы с Идамчжапом заседлали коней и полезли вверх, на намеченную заранее гранитную сопку. Лезли долго, объезжая россыпи и болота. Живого ничего не видели, за исключением белых куропаток.

Вид с этой сопки открылся не очень широкий, но достаточно примечательный. Мы были на магистрале, но в довольно странном месте. В мощном горном центре (отсюда расходятся многие важные отроги), в самой середине расположена неправильной формы котловина, заполненная относительно невысокими гранитными сопками и холмами. Холмы эти носят явные следы обтачивания ледником, образуя местами типичные “бараньи лбы”.

Между сопками этими залегают пологие долины и ложбины, болотистые, частью заваленные валунами, с рядом озерков. Разделенные незначительными седловинами, здесь берут начало р. Улцзэйту, Байдараг, Будун гичигэнэ и, немного далее, за пределами этой котловины, Урду-

Тэрхи и Цзаг. Окружена эта котловина высокими кварцитовыми гольцами обычного типа, значительной высоты. Чувствуется, что находишься в центре огромного гольцового узла. С этой котловины Байдараг, Улцзэйту и Гичигэнэ уходят в глубокие и узкие щели-проходы между упомянутыми гольцами. Скала, с которой я рассматривал всю эту картину - высшая из гранитных холмов. В деталях окрестности ее таковы: на юг идет низкая седловина – вал, примыкающая к высокому и длинному гольцу, на <...> крыло которого я лазил, вчера. Часть этого гольца (назовем его Нарин), самая высокая, его западное крыло и только что упомянутая седловина составляют участок магистрали. В седловине верховой и легко вьючный перевал Дуру хангинахин из Улцзэйту в Байдараг. Далее магистраль идет к <...> от скалы, мало заметным увалом разделяя собственно вершину Улцзэйту от главного истока Байдарага, текущего здесь параллельно магистрали и проходящего у подножья моей скалы. Верстах в 6 увал упирается в подошедший с севера высокий гольцовый отрог. *Здесь линия водораздела поворачивает к западу* (см. далее). Между этим отрогом и таким же, следующим к западу – узкие ворота. *В их устье чувствуется перегиб Байдараг – Будун-гичигин*. Собственно исток Байдарага немного западнее. Обогнув этот исток, магистраль поворачивает к юго-западу и дает к югу небольшие отроги, разделяющие три истока Байдарага. Пройдя затем небольшую седловину между крайним западным истоком Байдарага и истоком Урду-Тэрхи, магистраль упирается в высокий голец, в 12-15 км на запад (248) от скалы. Далее не видно. Таким образом наибольшее понижение магистрали – участок между Гичигэнэом и <...> крылом г. Нарин. От только что упомянутого высокого гольца (назову его Тэрхи), вдоль правого берега западного истока Байдарага, идет мощная гольцовая гряда, образующая вместе с <...> крылом Нарина ворота Байдарага и сопровождающая последний далее. За ней чувствуется глубокая долина и видна еще одна гряда, отходящая, как будто параллельно упомянутой, также от узла Тэрхи. Не есть ли эта долина исток Цзага? Тем более, что Идамчжаб уверяет, будто Байдараг в вершине и до самого Цзага не получает ни одного большого притока справа.

Слияние трех Байдарагов тут же и почти видно со скалы. Высокие гольцы от истока Гичигэнэа к востоку дают широкую дугу к <...>, примыкая затем к воротам Улцзэйту. Они очень высоки и круты. В одном месте виден солидный кар. Из под них бегут ключи левой стороны Улцзэйту – Доод булаг и Гелгэр.

Пока мы были на скале, кругом ходили оборванные тучи. Черные гольцы временами задерживались беловатыми завесами снежной крупы. Полоса ее нашла и на нас и изрядно нас похлестала. Угрюмый, суровый,

дикий вид у этого места! Суровые горы, пожелтевшая, кочковатая трава, седые россыпи и почти полное отсутствие видимой жизни. И в тишине, под тучами, в свисте ветра зарождаются реки, имеющие такую разную судьбу. Быстрый веселый Байдараг, бодро пробиваясь через сухосклонные серо-зеленые горы южного склона Хангая, борясь с пустыней, бессильно разливадается озером, встретив неодолимые стены Гобийского Алтая, сухие и жаркие. Дорога же капли, упавшей верстой дальше, совсем иная. Шумят многоводные речки хангайских сиверов, то и дело сливаясь в многоводную Селенгу, встречаясь в ней с водами Хубсугула, урянхайской границы, с водами Хэнтэя и бурятской тайги. Выбравшись из бездонного провала Байкала, все эти воды достигают наконец великого Енисея, мерно, плавно и разлиристо текущего в Великое Северное Море.

Продлав всю необходимую работу и насмотревшись вдоволь на исток Байдарага, как первый его исследователь, я с Идамчжапом поехал обратно, под хлестким холодным дождем. До лагеря дошли быстро. Близ нашей стоянки в изобилии имелось странное растение “тэмэн сууль”, впервые виденное мною в Дабатэ. Растение это встречается исключительно в альпийской зоне, близ границы леса, давая лучшие экземпляры по россыпям. Несколько экземпляров я взял. Далее, в окрестностях этой же стоянки есть несколько убульчжонов, собственно боуц. Кочуют зимой и весной. По гранитным убурам растительность, действительно, для скота подходящая. Место это называется Очирга. По речке довольно много кустарника, главным образом ивы. На одной из скал несколько кустов осины. Черная кислица по-монгольски хада, крыжовник – тошило, жимолость (? синие продолговатые ягоды) — чоно элик. Невыясненным остается ухурыйн нюду.

От Очирги расходится несколько троп (едва заметных, впрочем). Одна из них ведет через Дуру хангинахин по западному истоку Байдарага к истоку Урду-Тэрхи. От нее ответвляется тропа вниз по Байдарагу к хуриэ Цэцэн вана, до которого отсюда больше уртона. Хуре этот верст на 20 (?) выше устья Ногон хундэй. Затем от Очирги идет тропа в Будун гичигэнэ, а охотники хребтами пробираются к истокам Шара-и Хара-уеу. Название “Хулагайчин цзам” – нарицательное, прилагается всякой малозаметной трудной тропе. Спускаться я решил в Будун гичигэнэ.

23/VIII

Утром зачанились и поднялись на каменистую гряду перевала Улцэйтү – Байдараг (магистраль). С нее пологий, равнинный спуск повел к мысу черного гольца, подходящего к магистрали с севера. По дороге я заехал на одинокую гранитную горку, возвышающуюся над самым

Байдарагом и, пользуясь выглянувшим солнцем, снял несколько фотографий. Доехав до гольцового мыса, я увидел, что за ним не спуск в Гичигэнэ, как я думал вчера, а довольно широкая и болотистая долина истинного истока Байдарага, окруженная высокими гольцами. Исток Байдарага огибает, таким образом, истоки Улцзэйту, начинаясь с <...> склона высокой вершины, с <...> склона которой течет Гелгэр, <...> приток верхнего Улцзэйту. Магистраль, таким образом, выкидывает здесь странное коленце. Гольцы, окружающие эту высокую и тихую долину, весьма высоки. Обогнув следующий гольцовый мыс, мы вышли наконец к перевалу в Гичигэнэ. Но надо закончить о Байдараге. Почти прямая долина его по выходе из высоких гольцов, т.е. ниже нашего пересечения, широка и полого. Россыпей нет, гранитных выходов, за исключением, посещенной нами сопки, также. Покрыта она кочковатой гольцовой травой, болот немного. Гольцы правого берега поднимаются над ней очень невысоко. Вся эта местность как будто специально предназначена для обитания аргали и, тем не менее, мы ни одного не встретили.

Вид в сторону Гичигэнэа был внушительный. С чуть приподнятой над Байдарагом плоской седловины круто ниспадали узкие щели. Несколько далее ущелье Хапчик (правый приток Будун гичигэнэа) уходило в прорыв между высоченными гольцами, почти отвесно, каскадом скал, падающими ко дну ущелья. Глубоко внизу виднелись речка и лес. Быстро спустившись по не очень скверной тропе на значительную глубину, мы оказались в приятнейшем месте, живо напомнившем мне лучшие ущелья Цзамтэ. Дно ущелья – богатый, густой альпийский луг. Крутые склоны по-осеннему ярко расцвечены. Ползучие, низкорослые кустарники окрашены во все переходы от ярко-зеленого и буро-фиолетового до ярко-желто-красного. Получается чрезвычайно красивый, цветистый ковер. Все это заключено в рамку круторебрых скал, высящихся на головокружительной высоте.

Лес – лиственница. Продолжая спускаться, мы вскоре доехали до выхода из этого колоссального прорыва. Перед выходом по левым скалам появился немногочисленный кедр. Сделав небольшой поворот, мы внезапно очутились на краю обширной долины верхнего Будун гичигэнэа. С боков снова появились гранитные гряды и моренные отложения. Влево на морене растет густой лиственничный лес. Пройдя еще немного, мы остановились около речки, с версту не доехав до первого аила Далайвановского хошуна. Сегодняшний перевал называется Хапчикийн даба. Я сходил на небольшой моренный бугор на левой стороне речки, сделав его точкой съемки. Ознакомившись несколько с окрестностями, я успел еще сходить в аил и расспросить о названиях местностей. В аиле этом мне

бросились в глаза совершенно олотского типа торцаки с длинными кистями. Живо вспомнился Эцзин гол. Это уже, по-видимому, западное влияние. Вернулся поздно, решив завтра ранним утром залезть на левый бок Хапчика и в последний раз взглянуть на магистраль. Между прочим, виденная нами со скалы долина за западным истоком Байдарага принадлежит не Дзаку, как мы думали, а правому притоку верхнего Байдарага, рч. Мандал. Впадает она в Байдараг, как будто, немного ниже Цэцэн ванского хуриэ. Но вообще надо сказать, что за пределами Улцзэйту мои проводники – пасс. Плоховаты. Названия вершин тоже не знают. Все-таки я записал названия магистрали между Эгин даба и истоком Байдарага. Сначала идет Цэхэлик, в истоках Йолы - Хуху дабанай-нуру. Верховой перевал Хуху даба в падь того же имени, выпадающую в Байдараг выше Ван хуриэ. Далее идут Цаган сайрэн-нуру, Бугутэин нуру. В последнем верховой перевал в рч. Мурэн (Бугутэин даба) – Байдараг. Из Ухан марта (нуру того же имени) перевал в Ара бугутэ.

Голец, на который я подымался со стоянки в Улцзэйту, называется Салхир нуру. Его продолжение – Хурун тобогор. Перевал из Байдарага в Урду-Тэрхи называется Хуху даба. Горы левой стороны Улцзэйту имеют следующие названия (снизу вверх): Цалу (напротив моей “долгой стоянки”), Ханангийн нуру (напротив Хомон гэра), затем Салхитэ нуру, Хурун тобогор и Булыгийн даба.

24/VIII

Чуть стало светать, мы с Идамчжапом заседлали коней и направились вверх по гранитному мысу, к намеченной мною накануне вершине. Верхом я доехал почти до границы леса, а затем стал подыматься по крутому мысу. Самый верхний участок пути – узкий и крутой скалистый гребень с очень крутыми россыпями в обе стороны. Пока я подымался, взошло солнце. Дивно прекрасен восход его в горах! Зарозовели вершины, посветлела белая от инея долина. С озерков хлопьями потянулся туман. В россыпях переливчато засвистели улары. Сверху тянуло холодком. Тишина и свежесть ясного осеннего утра. Наконец, после несколько рискованного пути, я на вершине. Мельком оглядевшись, я устроился в закрытом от ветра месте и стал осматривать открывшуюся передо мной долину правого притока Гичигэнэа, к вершине которого падали крутые осыпи и скалы кара.

Вскоре я заметил далеко подо мной лежащих на бугорке козлов. Их было пять. Один, очень старый, с редкостными рогами. Любопытно было наблюдать в бинокль, как они спокойно лежали, иногда посматривая в разные стороны. Вот один встал, потянулся, почесал задней ногой за ухом,

снова лег, совсем вытянувшись. Через некоторое время они встали и помаленьку, с прохладцей, стали кормиться. Смотрел я на них довольно долго. Большое удовольствие наблюдать за непотревоженными зверями. На вершине, несмотря на довольно высоко поднявшееся солнце, было здорово холодно – всего +2,5. Горизонт открылся обширный. На севере он замыкался длинным и пологим хребтом Тарбагатай. В одной из падей его, открытой к югу и широкой, виднелся хуриэ Далай-вана (Таряту). Так как подробно исследовать Тарбагатай мне не придется, скажу несколько слов об его общем характере. Отсюда, с Цзун ганга (название моей вершины) он представляется длинным и ровным хребтом с весьма пологим южным склоном, разделенным широкими падами. Лесу не видно. Последний несомненно есть и на южном склоне, но в небольшом количестве. Отдельные вершины поднимаются над хребтом незначительно. Все они весьма пологи и не имеют характерного для гольцов ступенчато-плоского строения. Каров, крутяков, обильных на магистрали Хангая, в Тарбагатае не видно. Место сочленения Тарбагатай с магистралью не разобрать. Во всяком случае оно особой высотой не отличается.

Теперь о магистрали. Хорошо виден уже описанный исток Байдарага. От Цзун ганга к воротам Улцзэйту идет узкий и высокий гребень с тремя высокими вершинами, не ниже, если только не выше Цзун ганга. По водоразделу Гичигэнэ – Улцзэйту уходит ряд мощных отрогов, разделенных глубокими падами – правыми притоками Гичигэнэа. Вследствие высоты отрогов, далеко в ту сторону не видно. Лишь на горизонте виднеется плоская вершина, вероятно г. Уха чулуту. Что же касается водораздела Гичигэнэ - Урду – и далее просто Тэрхи, то он имеет вид высокого гольцового отрога с короткими падами – левыми притоками Гичигэнэа. В головном участке его подымается несколько высоких вершин с карами. Участок между вершинами трех истоков Байдарага, Гичигэнэа и Урду-Тэрхи занят невысоким сплошным ступенчатым гольцовым массивом. Далеко на западе виден снежный Отхан тэнгри. Между прочим “снежный кряж”, виденный мной с Сэнчжитэ, - почти несомненно часть его. На юге горизонт замыкается грядой гольцов, через которую прорывается Байдараг. Далеко видна чжинса Сумбэру хайрхана, Сэнчжит, Йола и мыс южного (Байдарагского) отрога магистрали в районе Ногон хундэй. На запад и северо-запад, таким образом, особо выдающихся узлов и высот не видно. Магистраль в ту сторону представляется мощной и в общем одинаковой по высоте массой гольцов. Таким образом, хоть и недетально, ее характер в моем участке выяснен полностью.

Любовался всеми этими перспективами я довольно долго. Снял монтаж (что только выйдет из моих монтажей!). Полюбовавшись еще раз

на <...> пятерки тэхэ, я спустился не старой дорогой, а более легкой, по крутому и узкому распадку. Здесь мне попались кустики, очень похожие на <...>, к сожалению без цветов.

Навстречу мне привели коня и я добрался до сложенного уже лагеря. Вышли около полудня. Не доходя речки Гичигэнэ, я обратил внимание на погребение (квадрат из горизонтальных на ребро поставленных плит), с каменной бабой, плоской и довольно грубо сделанной. Фото. Переехав Гичигэнэ у слияния с Хапчиком, стали подыматься на левый склон долины. И здесь, следовательно, подтверждается положение, что в давние времена граница обитаемости проходила примерно там же, где и сейчас. Перевалив гранитный мыс, мы попали в широкую падь с порядочным озером, может быть ледникового происхождения. Пересекши широкое болотистое дно пади, мы стали подыматься по узкому ущелью Бобирга.

Теперь об истоке Будун гичигэнэ вообще. Самой вершины ее я так и не видел. Находится она недалеко от вершины Урду-Тэрхи, ниже, т.е. к <...> от последней. От <...> конца короткого кряжа Хапчикиин - Барун ганга долина Гичигэнэа имеет почти прямое направление (<...> 46). В виденном мною участке она широка (до 3 км) и заполнена следами ледниковой деятельности. В ней, между двумя мощными кварцитовыми водораздельными грядами, снова выступает гранит, очевидно подстилающий кварциты в большом районе. По обеим сторонам долины он показывается в виде сильно денудированных, местами обтертых ледником, невысоких закраин, гряд и мысов, частью покрытых моренными отложениями, составляя таким образом передовой барьер водораздельных гряд. В самой долине, несколько ниже Хапчика, имеется целая плеяда небольших озерков моренного происхождения. Кроме них озерки по отдельности имеются и в ближнем к вершине участке Гичигэнэа, и в левых падах-притоках. Последних целый ряд. Легко доступных перевалов нет почти ни одного. Ниже Хапчика, Будун гичигэнэ принимает справа рч. Цаган сайр, один салан которой начинается под Цзун ганга, а другой – под узловой вершиной Байдараг - Гелгэр (Улцзэйту).

Облесена Будун гичигэнэ довольно хорошо. Что есть в этих лесах – сказать не сумею. Населения много. С вершины и до устья Цаган сайра не менее 30 юрт. Кочуют недалеко, зимуют в боковых ущельях. Корм приличный, особенно, как и всегда, на гранитных убурах.

Район Гичигэнэ сомона

Лес здесь хоть и невысокий, все-таки толще, чем в Улцзэйту. Ущельем Бобирга мы поднялись до границы леса. Окраина последнего -

исключительно кедр. Общий характер ущелья обычен. Болотистый альпийский луг, болото, россыпь и гольцы. Никакого перевала не оказалось, и нам пришлось лезть напрямик на голец, по невысокому, но очень крутому луговому валу. Досталось и коням, особенно вьючным, и нам. Вьюки чуть-чуть не спустили вместе с конями. Поднявшись, мы оказались на гольцовой вершине, с которой открывался широкий вид на север. Снова развернулся передо мной Тарбагатай, пятнышком замаячили Таряту. Под ногами узкими падами уходили истоки пади Хуху дабанай-ама, последняя соединялась с размашистой долиной Урду-Тэрхи. Спустившись по крутому лесистому мысу, мы заночевали на стрелке Арцатэ – Хуху даба. Долинка Арцатэ типична. Кoryтообразное болотистое дно, в вершине голец, по бокам крутые сивера. В вершине немного кедра. Самая падь Хуху даба (восточнее Арцатэ) шире, увальная сторона обнажена, лесу в сиверу меньше. Первый аил верстой ниже нас. Устал я за этот день, одолев пешком два гольца, сильно. Но зато впечатлений довольно. С последнего гольца виден был еще участок Тэрхиин цаган нура. Далеко на северо-западе виднелся какой то оснеженный кряж - я все-таки сомневаюсь в том, что это Отхан. Выяснить это сможет только общая сводка. Водораздел обеих Тэрхи широк и высок. Место слияния их почти видно. Общий характер Тарбагатай при более подробном осмотре оказался таким же, каким представлялся с Цзун ганга.

О Чухломине в аиле не слышали, зато слышали о подводах С.А.

25/VIII

Пошли вниз. Миновав короткую лесистую падушку Хуштэ (слева) и идя вдоль хорошего лиственничного леса, мы свернули к западу и, перевалив низенькую седловину, широким распадком спустились к устью большой пади Аршанту. Левее распадка остался отдельный круглый голец. В вершине Аршанту виден высокий и очень крутой, со скалистыми карами, черный кряж (кварцит?), включенный между вершиной Гичигэнза и Урду-Тэрхи. Последняя огибает его с запада. Между этим кряжем и Урду-Тэрхи, западнее Аршанту выдвинулся широкий и невысокий отрог Ноян хангай, замечательный целым рядом отдельно торчащих скал, резко выделяющихся на его округло-плоской поверхности. Название отрог этот получил, вероятно, именно благодаря этим скалам. И здесь про наших ничего не слышали. Выехав в долину Урду-Тэрхи, мы проехали еще несколько верст вверх по ней. По правому склону небольшие сиверки. Левый каменист и сух. Местами прорезан сухими же падами. Вверх долина видна еще на несколько верст. Далее она огибает Ноян хангай и скрывается из виду. На изгибе в нее слева впадает большая впадь

Худжиртэ (?). На ее правом склоне видна узкая полоска леса. Уверившись, что Чухломин здесь не проезжал, мы повернули назад и остановились у мыска в устье Хуху дабанай-ама. Тэрхи делает в этом месте широкую дугу. Долина местами болотиста, кочковата, местами ровна с галечной почвой. Прошел порядочный дождь с грозой. Я съездил в богатую юрту сомонного дарги (тайчжи). И тут ничего не узнал. Сомон называется Баян цзурихэ. Выше по Тэрхи – Ноян хангай. Тем временем Идамчжап узнал у проезжего, что Чухломин проехал по Нарин-Гичигэнэу и направился в Таряту. Мы решили вечером же двигать туда. Заочанились и рысью поперли по прекрасной дороге на север, вниз по Урду-Тэрхи. Солнце близилось к закату. Влево подымался высокий водораздел Урду- и Хойту тэрхи. Вершины гольцовые. С него к реке спускались короткие пади, немного облесенные. Справа же, ниже Хуху дабанай-ама, отмечу две: по одной, длинной, к Урду-Тэрхи спускается Улясутайская дорога, минующая Таряту. О ней ниже. В устье следующей небольшой пади стоит небольшой монастырек с постоянным штатом лам – Цзогыйн дугун. Падь называется Цзог. Весьма вероятно, что и предыдущая падь носит то же имя. Далее мы пересекли долину Урду-Тэрхи наискось и подъехали к высокой (гольцовая вершина) плоской горе Байсхалан, возвышающейся на узком отроге, сопровождающим справа самый нижний участок течения Урду-Тэрхи. Огибая эту гору с юга, мы поднялись к небольшому перевальчику через этот отрог и заночевали в распадке, на опушке небольшого леса. По соседству стояло два майхана тарабаганщиков. Последних везде полно – местность по Урду-Тэрхи славится обилием тарбагана. Мы видели и ханундурцев и пришлых с Идэра. В каждом распадке видны кони и слышна стрельба.

26/VIII

С солнцем вышли, сейчас же поднялись на перевал, а затем по прекрасной дороге рысью покатали прямо к Тарятам. Дорога шла у восточного подножья г. Байсхалан. Место широкое, привольное. Вправо открылась широкая, плоская долина, в восточном конце которой виднелось начало большого озера Тэрхиин-Цаган нур. Ближе его, на южной стороне р. Тэрхи, имеются еще два небольших озера Нот нур. К западному из них с юга подходит небольшая пологая падь Нотаин ама. Все еще довольно далеко (верстах в 12) виднелся хуриэ Таряту. Вблизи на р. Тэрхи, виднелись мойки МНЦК и Стормонга. Я поскакал вперед и вскоре увидел нашу палатку, стоявшую невдалеке от моек.

Публика моя, оказывается, здорово намучилась. Они поднялись по Улцзэйтү до Дээд булага. Ключ этот оказался совсем коротким. Из него

перевалили в вершину Доод булага, завернувшую к западу и обогнувшую Дээд булаг. Оттуда шел труднейший перевал через широкую гольцовую грядку – водораздел Улцзэйтү – Цзун модо. Камни и болото. Эти несколько верст одолели с большим трудом. Цзун модо берет начало под высоким конусом – восточной оконечностью высокого гольцового гребня, тянущегося к Цзун ганга. Пересекши вершину Цзун модо наискось, Чухломин заехал в длинное (до 10 км) пологое, с очень крутыми боками, ущелье, берущее начало под центральной вершиной только что упомянутого гребня (Цаган сайрэн-эхинэй-нуру). Из под нее же берет начало Байдараг, Цаган сайр и Гелгор. Боковым ущельем они попали на пологий перевальчик-щель в рч. Уртонтэ, правый приток Будун гичигэнэ, по которой и спускались целых 30-35 верст. По дороге речка эта слилась с двумя или тремя падами (слева), первая из которых носит название Тэйль. Какое имя имеет речка при впадении в Будун гичигэнэ – сказать мне не могли. Пересекши долину Будун гичигэнэ, они с большим трудом забрались на гольцовый перевал и попали в правый исток Нарин-Гичигэнэ, по которому спускались около 10 км. Исток этот идет прямо на север. Затем они стали подыматься по левому истоку Нарин-Гичигэнэ. Ниже бельчира видели порядочное озеро (верстах в 7). Поднимались они (здесь по Гичигэнэу поднимается уже упомянутая Улясутайская дорога) верст 15 и взобрались на пологий и плоский луговой перевал. Улясутайская дорога ушла в длинную падь, выходящую к Урду-Тэрхи выше Цзогыйн дугуна и уже упомянутую мной. Сворачивая вправо (они огибали плоскую полугольцовую вершину), Чухломин попал на вершину пади Цзог, а затем через небольшой перевал в падь Гатаин ама, по которой и спустился к озерам Нот и, далее, к мойкам. Путь, таким образом, они проделали очень трудный и очень интересный. Об общем характере местности между Будун гичигэнэом и Урду-Тэрхи – ниже.

Под вечер к нам заехали кое-кто из русской колонии. На закате я вместе с ветфельдшером Булькиным уехал верхом в Таряту, до которых было примерно около 8-9 км. После пятнадцатидневного разъезда было весьма приятно отдохнуть в чистой постели (ночевал я у Булькина). Расспросил его кое о чем. Хошун очень богатый. По его мнению официально количество скота преуменьшено. Тарабагана через Таряту в этом году должно пройти до 150 тысяч. Белок собирают до 50-60 тысяч. Из скота держат большей частью сарлыков и хайныков. Но есть и верблюды. Трава стравливается почти вся – хошун населен густо. Кое-где пробуют косить, частью по примеру его и прочих русских. Кроме ветдела, Булькин немного медик и имеет в округе порядочную практику среди местного населения, относящегося к нему большей частью с доверием.

Русских в Тарятах сейчас немного: семей всего 6, да человек 5-6 одиноких.

27/VIII

Весь день пробыл в Тарятах, отдыхая и кое о чем расспрашивая. И.И.Пестерев (Стормонг), местный старожил и монголист, подтвердил сведения касательно съедания кормов. Рассказал кое-что о дороге на Дурекчиван. Других особых сведений я от него не получил. Советовал он мне заглянуть на Сумэин-гол, на лавовый поток – плотину Тэхиин-Цаган нура.

Заехал я и в тамаган. Отнеслись хорошо. Потребовал назавтра 5 лошадей при двух проводниках – решил все-таки сделать двух-трехдневную экскурсию по Тарбагатаю. В монастырь не заглядывал, так как был без аппарата. Перебывал во всех русских семьях. Живут тесновато и скучно. В Тарятах имеется почтовое отделение. На закате вернулся домой. Затем, вместе с Чухломиным сходил на Стормонговскую мойку, к некоему Рябенке, бывшему народоармейцу Монголармии, служившему еще при Сухэ-Баторе. Человек он бывалый и слушать его очень интересно. Нашлись и общие воспоминания о знакомых нам обоим местах. Он прошел с баранами Экспортной компании из Дайчинвана в Хуху хото, через Лэг и севернее Гурбан сайхана. Видел многое. Рассказывает правдиво. Одно только странно: в Гоби около Хотын Судль (к <...> от Бага богда) он с товарищами на вечерней заре и на рассвете видел пару животных, будто бы *одногорбых* диких верблюдов. О них же ему говорили и монголы. Надо проверить у Ц.Г.Бадмажапова. Затем он говорил о золоте, по-видимому, в Дэлгэр хангайском хошуне, которое хищнически разрабатывают местные жители. Вспоминал боевые времена Сухэ-Батора, разъезды на уртонских, встречи с бандитами на восточной границе и т.п. Проболтали мы чуть ли не до рассвета.

По Тэрхи есть гуси (гуменник и индийский), бакланы, ржанки, лебеди, всяческое куличье. Рыбы не очень много.

Климат этих мест, по отзывам всех, довольно суровый.

28/VIII

Утром работал дома. Днем съездил в хуриэнь, отвез письма, еще раз побывал кое у кого. Проводники пришли, но я решил ехать завтра. Был сильный град и потом почти весь день моросил дождь. Соседние вершины были присыпаны снежком.

29/VIII

Довольно поздно выехал в новый разъезд. Поехали мы вниз по Тэрхи. Миновав скалистую оконечность левого мыса Тарягинской пади, мы выехали в широкую долину – низовье трех Наринов. Восточная часть этой долины имеет название Олумтэ. Продвигаясь все на восток, мы проехали по месту слияния этой долины с долиной Тэрхи почти до западного конца Тэрхиин цаган нура. С небольшой горки я снял это красивое синее озеро. Затем мы повернули прямо на север и по ровной степи поскакали к устью Дунду нарина. По дороге я осмотрел очень интересные могилы с каменными статуями. О них мне рассказывал накануне Булыкин. На совершенно ровной степи в нескольких метрах друг от друга стоят две большие статуи, очень аккуратно сделанные из серого гранита. Они вделаны во вкопанные в землю квадратные гранитные плиты. За каждой из них в 2-3 метрах прямоугольники из плит (место самого погребения?). Все это окружено малозаметным круглым кольцеобразным валом примерно 30 метров в диаметре. Пересекая вал, от прямоугольников в степь уходят две параллельные линии камней. <...>. Подробности отделки статуй удивительно хорошо сохранились (см. фото). На случай неудачи с фотографией постараюсь их описать. На голове остроконечный клобук с ребром спереди, напоминающий буддийские клобуки (Цзонхава). Сзади не то нависает полукруглая прическа, не то зад клобука. В ушах серьги. Одежда с широким воротом (как у лам) запахивается справа налево. Рукава узкие. Левая рука висит вдоль тела, правая согнута в локте и держит напротив груди полукруглую чашу. Намечается пояс. Это восточная (левая) статуя. У правой отбита голова, остатков которой я найти не мог. На этой статуе хорошо виден пояс – узкий, ровный. С правой стороны повешено что то круглое. Кроме того свешиваются еще один-два конца. В левой руке, также опущенной, эта статуя держит короткий жезл. В левой статуе жезл этот, как будто, отсутствует. Возникает предположение, что здесь были похоронены муж и жена, причем у мужа – вероятно князя впоследствии с намерением отбита голова. Далее у самого устья Дунду нарина имеется еще одно погребение совершенно такого же типа, но беднее. Статуя меньше, обе без головы. Подставок не видно, все сооружение значительно меньше.

В середине этой большой пади (устья Наринов) имеется порядочное озеро – около 5 км в окружности. Называется оно Худо нур. Сток, едва заметный, в Урду-Тэрхи. Сфотографировав это последнее погребение, я въехал в небольшую падь Дунду нарин. Проехав версты две, мы свернули к западу, поднялись немного по крутому логу и остановились у опушки

леса. После чаю я прошел охотой в вершину Дунду нарина. Пока скажу лишь о характере леса. Неширокая полоска лиственничного сивера (убур здесь в вершине также безлесен). Лес невысок – его граница <...> – но не тонок. Порядочно ернику. Живого не видел ничего. Следы коз и крик белых куропаток. Вернулся в лагерь.

Еще немного о прежнем пути. Перевалив из Гичигэнэ в Урду-Тэрхи, я попал в Баян цзурихэ-сомон. Выше Аршанту – Ноян хангай- сомон. Около Цзога – не знаю. Либо Байсхалан, либо Тарятин. От Хуху даба до г. Байсхалан 80 юрт. Больше всего около Цзога. В Аршанту около устья и по Урду-Тэрхи в этом районе около - 20 юрт. Выше по Аршанту еще видны айлы. Летуют по Тэрхи. Корм выбит здорово. Боковые падушки берегут для зимы. В вершинах последних, впрочем, корм неподходящий, кроме увала, - болотная формация. Скота много, часто попадаются богатые юрты.

Район по Урду-Тэрхи напротив Тарят я промахнул быстро и останавливаться на нем не буду. Замечу, что айлов между Байсхаланом и Тэрхиин-Цаган нуром много. Корм скверный. Тарятинская падь также хорошо заселена. В районе Олумтэ - два верхних Нарина (нижнего я в подробностях не видел), айлов 12-15. С кормами плохо вообще. Весной дождей не было, а от летних трава не подымается. Следовательно ее урожай зависит только от весны.

Торговый городок Тарят называется, между прочим Ирэн модо.

Мой Дугарчжап рассказал мне, что Урду-Тамир выше Цзаина также относится к Хан ундуру. Там размещаются сомоны Барун баян цзурихэ и Цзун-Баян цзурихэ. Первый выше в районе Тэйля. К последнему относится и Улэнтэйх оно и почти весь Улэнтэй, и Арцатаин ама. Устье Улэнтэй и далее вниз по Хойту-Тамиру - Чимит сомон. Верхняя половина Улалцзая - Баян хайрхан. В Хан ундур сомоне примерно 120-130 юрт.

30/VIII

Утром я с одним проводником направился верхом на вершину Хутук-улы, одного из выдающихся гольцов Тарбагатая, лежащего в вершине Дээд-Нарина. Погода была прекрасная. Легкий подъем вел по плоско-покатым гольцовым полям к пологой вершине. На ней два больших обо из жердей и целая куча маленьких из камня. Вид широкий, но не благодаря высоте гольца – она невелика, – а благодаря его положению в центре низких сравнительно гор. На юге отлично видна гряда Сумбэин шомбон (вершина Цзун модо) – Гелгэр (Цаган сайрэн-эхинэй-нуру) – Цзун и Барун ганга с Хапчикским прорывом. Водораздел Чулуту – Гичигэнэ и далее к <...> от Сумбэин шомбон продолжает оставаться довольно высоким и

ровным, с несколькими незначительными перевальными понижениями. Ближе тянется менее высокая сплошная гольцовая гряда, очень ровная. Это водораздел Будун гичигэнэ – Тэрхи. Угол между ним, Урду-Тэрхи и Тэрхиин-голом, к <...> от Хуху даба, заполнен плосковершинными довольно пологими горами, прилично облесенными. Гребни и вершины (гольцового характера) очень часто подымаются выше границы леса. Это – гольцы “третьего порядка” по моей градации, т.е. без россыпей, сплошь луговые. Здесь именно и находятся пади Нарин-Гичигэнэ, Цзог, Нотаин ама. Далее к западу на горизонте, но ближе Барун ганга, видна высокая крутая гряда Аршанту-ин-нуру. Ноян хангай виден хорошо. Идущие далее на запад горы остались мало разобранными, так как проводники мои знали лишь близлежащую местность. Отмечу лишь, что на участке магистрали от истока Урду-Тэрхи до такового Хойту тэрхи особо выдающихся гряд и вершин нет. Нет даже вершин, подобных Сэнчжиту или Анагу. Немного выделяются всего две-три вершины. Одна из них носит название Улан-хайрхан. В истоке Хойту тэрхи магистраль представляется относительно невысокой, с ровным гребнем и не заслоненной с востока большими отрогами. За незначительным понижением ее ясно видна ослепительно белая сахарная голова Отхан тэнгри. Эта белая точка на горизонте надолго приковала наше внимание. Как прекрасен должен быть Отхан вблизи! Что касается водораздела обоих Тэрхи, то он представляется широким гольцовым отрогом, не очень высоким, на котором выделяется несколько плоских вершин. Восточные из них называются Гану мото и <...>.

Теперь о Тарбагатае. Прежде всего имя это местным жителям, по-видимому, незнакомо. Откуда оно взято – бог ведает. С Хутук-улы была видна большая часть этого хребта. Гребень довольно широкий, ровный и плоский, с небольшим числом незначительно поднимающихся вершин. К западу повышается и довольно значительно. Южный склон пологий и короткий, пади большей частью широки. Облесен совсем плохо. Северный же длинен и глубоко спускается к долине Идэра. Превосходно, густо облесенные ущелья и пади разделены острыми и крутыми гребнями. Таким образом, строение его несложно. Почти прямая линия его водораздела ломается лишь в крайней восточной части его, где, глядя с невысокой Хутук-улы, разобраться в его высоких отрогах трудно. Проводники мои вовсе не знали северного склона Тарбагатая. К востоку от Хутук-улы была хорошо видна вершина Шенатэин нуру, выше первой. С водораздела в районе этой вершины сбегает в Тэрхиин цаган нур многосаланная речка Шенат, хорошо облесенная (для убура). Шенатэин нуру загораживает восточный горизонт. Севернее его виден короткий, но

высокий гольцовый отрог. На запад от Хутук-улы хорошо виден перевал из Тарят на север (Орох даба). Далее, за широкими еланями, поднимается вершина Солонготай нуру. За ней выступает еще Цзагастай нуру. Обе они были чуть присыпаны свежим снегом (на Хутук-уле его не было и в помине). За Цзагастай нуру виднелась какая-то высокая обильно оснеженная вершина. По-видимому, именно на нее я делал засечки с Цзун ганга и Гичигэнэского хребта. Что это за вершина, с вечным снегом, не знаю. А любопытно бы узнать. Съемка укажет, где она. На севере, в пади Тойн ама, в которую уходит дорога с Орох даба, в нескольких верстах виднелся небольшой монастырь Араин хуриэ. Острые, густо облесенные гребни северного склона Тарбагатая, как я уже говорил, сбегают к глубокому провалу долины Идэра, которая явно намечается. Любопытно посмотреть на огромную разницу в высоте между широким степным озерным плато Тэрхиин гола и глубокой долиной Идэра. За Идэром хорошо различим Болнай. Его гребень представляется отсюда совершенно ровным и плоским, без вершин, как ступень или край плато, каковым этот хребет в сущности и является. Ниже его южный склон сильно расчленен и острыми обнаженными гребнями спускается к Идэру. Труднее разобраться в горах западнее начала Селенги. Там горы выше и запутаннее. Торцовый гребень Тарбагатая в окрестностях Хутук-улы очень удобен для разбегов. Ровный луг, россыпей и болот совсем мало. Вся трава пожелтела. На седловинах краснобурые пятна ерника, очень обильного здесь. Вершина самой Хутук-улы - россыпь. Породы кристаллические. Полюбовавшись еще раз на Отхан, мы легко и быстро спустились вниз. Видели белых куропаток. В лагере немного отдохнули. Я сходил в лесок. Лиственницы невысоки, но толсты. Подлеска никакого. Затем мы зачанились, спустились в Дунду нарин и тропой поднялись на перевал. Вершина Дунду нарина – широкий и пологий болотистый лог с участками россыпи, заросший ерником. По склонам ниже дабана протянулись крылья леса. За гребнем на востоке – вершина Доод нарина. С перевала весьма каменистый спуск (дорога) повел сначала ерниковым логом, а затем крутым ключом, заросшим лесом, вниз, в ключ Ара шенат, в восточную верхушку Тойн ама. По сторонам прекрасный густой лиственничный лес с отдельными хорошими экземплярами кедра. Хорошее место для зверя! Слева от нас шел мыс с гарью, частью заросшей молодняком, как будто специально предназначенный для изюбрей. Недлинный спуск привел нас к Ара шенату, по которому мы и поскакали галопом (с вьюками!) вниз. Правая сторона – увал, с небольшими лиственничными колками. Левая, ведущая к Хутук-уле – прекраснейший густой лес (лиственница перемешана здесь со значительным количеством кедра), спускающийся к самой речке, густо

обросшей тальником. Лесной склон этот расчленен небольшими ключами, один из которых глубоко вдается в серый голец. В его вершине кедровнику еще больше. Настоящий таежный ключ! Зверь здесь есть безусловно. Но какой-нибудь верстой ниже, меня ждало разочарование. Мы наткнулись на аил, скот которого пасся в лесу. Затем еще аил, еще, и далее, на слиянии Ороха с Шенатом еще. Вершина оказалась забитой народом. Грустно. По увалу черно. Совсем выбито. На устье Ороха мы узнали, что Чухломин проехал вниз, и прежним аллюром понеслись вниз по Тойн ама. Солнце уже зашло. Миновали Араин хуриэ. Ехали еще с час и уже в полной темноте нашли наших, ушедших за 25 верст от Тарят. Они хотели остановиться выше, но отсутствие корма заставило их здорово спуститься. Действительно, аилов полно. Дабан, по словам Чухломина, оказался довольно удобным, но несколько каменистым. Переехали его легко. Ночевали, по выходе со стоянки, на южном склоне перевала. Вася видел уже серого гурана. Наша ночная скачка не обошлась без приключений: я кувырнулся вместе с конем, винтовкой и аппаратом. Благополучно.

31/VIII

С утра дождь и так весь день. Пришлось предполагаемую поездку по лесам Тарбагатая отложить на завтра. Отпустил проводников, весь день занимался своими делами. Вычертил съемку. Немного отдохнул.

1/IX

Погода тоже прескверная, но по крайней мере не такой сплошной дождь, как вчера. Часов в 10 вместе с Чухломиным выехал вверх по пади, желая просмотреть участок, по которому я ехал ночью. Парой верст выше стоянки в узкую долину реки вдается справа крутой мыс Тойн тологой. Вверх мы проехали немного выше Араин хуриэ. Заехав в два аила, мы поднялись небольшой падушкой левой стороны на гребень. Подымались сначала увалом, а затем въехали в лес. Нашли тропу и по ней забрались наверх. Хорошо в лесу! Спугнули глухаря, поели брусники. Противоположная сторона гребня оказалась увальной. В просвет между тучами показалось солнце и мы полюбовались косматыми круглыми зелеными сопками и гривами, кое-где чуть тронутым осенним золотом. Снял фото, но к сожалению без забытого в лагере светофильтра. С гребня мы густым сивером спустились в красивую падь Нарин, которой и сбежали к Тойн-тологою. По дороге следы коз и больше ничего. На увале ни одной кабаньей ройки.

Тойн ама – узкая падь, образованная двумя ключами (Орох и Ара шенат). Между их вершинами голец Хутуг ула. Левый склон пади –

крутые сивера, кое-где прорезанные большими и малыми падыми. Больших, собственно, две: Нарин и Байца. Устья их почти сходятся. Правая, увальная сторона безлесна, камениста, к речке спускается покатыми степными террасами. Малых падей больше – 3-4. По самой речке местами небольшие лиственничные рощицы, местами участки тальниковой уремы. Корм выбит начисто. Аилов я насчитал 70 на пространстве всего 17 верст. Народ живет все какой-то бедный. К нам относились недоверчиво, на вопросы отвечали с трудом. Все лето кочуют они по этой узкой долине, так что к осени скот забирается на самые высокие увалы и в лес. К зиме берегутся большие боковые пади, куда и забивается вся эта публика. Ясно, что разве только коза выдерживает такое близкое соседство с людьми и скотом. Изюбрь же и кабан держатся близ вершин, в глухих лесных массивах. В зачатке имеется сенокосение - в Нарине я видел скошенные клочки. Косят в увальных логах и около убульчжонов. Таким образом, корм съедается полностью. Вытравливаются и долины речек, и увалы, и опушки леса, и редколесье. Нетронутыми остаются лишь гольцовые вершины и крутые густые сивера. Общее впечатление – грустное. Прекрасное место битком набито бедным, темным, грязно живущим народом, ничего не знающим за пределами своей речки и из нее не выкочевывающим. Корм виден лишь в предназначенных для зимовки падах. Место это – Эрдэн сомон того же Далай-вановского хошуна. Скот – сарлыки, немного монгольского [крупного рогатого скота], лошади, бараны и козы. Монастырек Араин хуриэ невелик. Ламских построек совсем немного. Расположен он красиво, со вкусом. Дождь помешал мне снять фотографию. Построен монастырь на увальном мысу в устье пади Мандар. На сопочке стоит храм, над ним большое обо. От храма вниз ведет аккуратная лесенка, приводящая на огороженную перилами площадку. Здесь симметрично, в ряд, стоят 6 субурганов. Ниже расположены главные храмы и еще ниже две-три улочки ламских хашанов. От монастыря прекрасный вид на верхушку Тойн ама и на Хутук-улу. Везде зеленый лес, крутые сиверовые склоны, а наверху, опушенная по границе леса кедром, сереет вершина гольца. Архитектура храмов в Араин хуриэ северная, монголо-китайская. Лишь один храм (чойра), небольшой, построен по-тибетски.

Что же касается леса, то можно сказать, что он здесь “взял силу”. Сиверовые гривы эти сильно напоминают окраинные леса Хэнтэя. И все таки настоящего рослого строевого леса мало. Лес густ, много колодника, на выгодно эксплицированных склонах хорошо растет лесная трава. В тенистых местах развивается толстый слой мха и брусничник. Ягоды много, и крупной. Подлеска почти нет. Березы не видно вовсе. Сейчас уже

по окраинам лиственница начинает желтеть. Жизни в лесу немного. Кедр попадает отдельными экземплярами по гребням. Больше его под главным хребтом. Эксплуатируется лес совсем мало. Порубок почти не видно. Гарей тоже не видать. Единственная, небольшая, в Ара шенатэ. В боковых падах богатая кустарниковая (ива) урема. Относительно охоты так и не пришлось что-нибудь узнать. Мало времени и недоверчивая публика. Даже в майхан к нам почти не заезжали.

2/IX

Рано утром тронулись с места, имея намерение идти на проход до Дурекчи-вана. Время уходит, надо торопиться. Довольно быстро поехали вниз по той же Тойн ама. Характер ее первые несколько верст остается почти тем же, лишь оба склона становятся все более и более каменистыми и обнаженными. Лес отходит. Ниже долина значительно расширяется, принимает степной характер. Горы постепенно снижаются. Незадолго перед Идэром справа открывается падь Хунчжилин ама, в которую и впадает Тойн. Порядочную речку сопровождают большие лиственничные “острова”, т.е. урема. Лиственница прекрасная, настоящая строевая, высокая, прямая и толстая. Еще несколько верст – и мы выезжаем на широкую долину Идэра. Подошедшая с запада (<...>) долина эта, начиная от устья Хунчжила, заворачивает на <...> и скрывается за крутыми скалистыми мысами, сильно сужаясь в том месте. Свернув на запад, мы покатали по приличной дороге правой стороной долины. Миновали пади (этой же стороны) Хапчик и Хоорай. По дороге я заехал в аил. Правда, там были только женщины, но одна, очень разговорчивая, сообщила мне целый ряд названий боковых падей и пожаловалась на плохие корма. Последние, действительно, неважны. За аилом дорога испортилась. То камень, то кочкарник, то площади ириса. Продвигались мы довольно медленно. Встречный монгол посоветовал переехать на левую сторону реки и указал брод. Река настоящая: широкая (30-40 м), быстрая и глубокая – вода хватала выше ступиц.

По другой стороне дело пошло легче. Болот и кочкарника нет, почва песчаная. Встретившийся монгол посоветовал мне ехать не через Шумултай, как я предполагал раньше, а свернуть в падь Хуихтэин ама, через перевал Сэпсул выехать к оз. Сангин-далай, а затем спуститься по Тэсу. Я так и решил. Остановились мы на берегу Идэра, верст на 5 ниже устья Хуихтэин ама, под высокими лиственницами.

Долина Идэра на пройденном нами участке широка: 2-4 км. Горы, ее окружающие, сильно размыты. Правая и левая стороны резко различаются. На правой части виден лес, увалы покрыты травой, по дну долины часто

встречаются кочковатые зеленые пространства, затем заросли дэрэсу, а главным образом ириса. Левая же сторона сильно напоминает полупустыню. Пади с широкими размытыми устьями сухи. Горы каменисты и обнажены. Почва – песок и гравий. Обильна карагана. По песку же растут полыни и <...>. Корм на этой стороне лучше. Народу почти не видно – места зимовок. Пади правой стороны: Хунчжил, Хапчик, Хоорай, Гурбан цэцух, Долон мухур, Элистэ, Царта, Хочжул, Гунцзан, Текши. Стоим мы напротив Долон мухура. Левая сторона: Тосон, Хонгор, Хуихтэ, Худжиртэ, Хараганат. Это до Шумултая. Правые, виденные мною, почти все лесисты. Особенно велики Доод- и Дээд цэцух, уходящие к оси Тарбагатая. В них также видны большие леса. Долон мухур – ряд небольших сухих и крутых распадков. Народу везде живет много. Летуют на реке, к зиме уходят либо в пади правой стороны, к лесу, либо на солнечные убуры левой стороны. Большие площади самой долины негодны под пастбище, так как заросли ирисом. От Хунчжила до Хуихтэин ама я насчитал до 100 аилов. От нашей стоянки в Тойне до Идэра было около 30 аилов. На Идэре больше всего сосредоточено их у устья широкой пади Дээд цэцух. В противоположность вершине Тойна, аилы близ Хунчжила и по Идэру производят впечатление богатых. Юрты большие и чистые. Кое-где по Идэру, а также и на устье Хунчжила мы видели верблюдов. По Идэру, действительно, места для них подходящие. Я надеялся встретить в низкой долине Идэра места, годные для земледелия. Но их нет: либо чересчур легкая, песчаная, бедная перегноем почва, либо галечник, болотистый кочкарник. По окраинам попадаются каменистые места. Словом, подходящего, ничего нет.

Уремы по Идэру почти нет. Местами попадаются участки кустарника, а иногда – группы лиственниц. Рыбы, по-видимому, много. Русло реки песчано-галечное.

ЗЛХ

Утром, медленно тащась по песку, мы добрались до устья Хуихтэин ама и свернули в нее. Падь, узкая с устья, быстро расширяется. От гор левой стороны к речке сбегает покатые и ровные степные террасы. В сиверах лес. Правая сторона более камениста и оголена. Несколько выше по речке появляется урема: ива и лиственница. Выше на горах видно все больше и больше леса. Сивера занимают все большую площадь. Наконец впереди видно небольшое расширение долины, речка раздваивается, и на стрелке стоит небольшой монастырек Хуихтэин дугун. Главная падь отворачивает влево. Поднимаясь по ней далее, я заметил, что в боковых падушках стал показываться главный гребень Болная – гольцовый, очень

ровный и плоский. Дав отдохнуть коням, мы свернули в боковой распадок, которым и стали подыматься к Сэпсул даба. Подъем на самый перевал идет коротким и пологим логом. Поднялись мы без затруднений. Гребень Болная едва подымается над границей леса. Он широкий и плоский, покрыт хорошей гольцовой травой. Россыпей почти не видно. Выдающихся вершин поблизости также нет. Это, впрочем, видно было еще с Хутук-улы. Вправо и влево уходит тот же плоский луговой гребень. Спуск в сторону Сангин далая незначителен. Спустившись под перевал, мы заночевали на истоке рч. Сэпсул, среди высокогорного ландшафта. Долина полого, неглубока, болотиста. По речке участки россыпи и ерник. На склонах участки угнетенного лиственничного леса. Белые куропатки. Во время разбивки лагеря полил дождь и было здорово холодно.

Корма по всей Хуихтэин ама неважные. Народу живет порядочно. Насчитал около 40 айлов. Это уже Хуихтэин сомон хошуна Шачжин бату, бывшего Берва гун.

Таким образом южный склон Болная в этом месте представляется сильно расчлененным, с широкими падами, удобно проходимым для выюков почти во всех направлениях. Верхняя половина хорошо облесена, мысы же к Идэру сухи и каменисты. Лес исключительно лиственничный.

4/IX

Утром я съездил еще раз на перевал. Низкие тучи помешали сделать проверочные засечки на гребень Тарбагатая. Ограничился парой снимков и повторным отсчетом анероида. Отсюда, с севера, лучше была видна лесистость северного склона Тарбагатая и верхней части южного склона Болная. На север с хребта горизонт невелик. Сангин далая не видно. Относительно невысокие горы, широкие и пологие долины. Лишь за Сангин Далаем встают более высокие горы. Это – водораздел с Дэлгэр мурэном. Общий вид гребня Болная очень сильно напоминает пониженные участки гребня Тарбагатая.

Спустившись несколько верст по Сэпсулу, мы вышли на бельчир трех ключей его (спускались по восточному). В вершине среднего та же картина – плоский голец, низкие лиственничные гривы, болотистые плоские долинки с ерником. В нашем и в среднем ключах по паре айлов, забравшихся чуть ли не на зимовку. Ниже бельчира км на 8-10 Сэпсул впадает в <...> конец озера Сангин далай, видный с нашего пути. После этого мы стали пересекать гребни, протянувшиеся от Болная между истоком Тэса и Сангин-Далаем, по направлению к этому последнему. Ехали мы почти параллельно озеру. Таких гребешков мы пересекли два и обогнули третий. Первые два облесены. Обогнув третий мы выехали в широкую степную

долину, сбегаящую к тому же Сангин-Далаю. По ней свернули на запад, вверх. Выше в долине появилась вода и около 20 юрт. Место называется Ангиртэ. Расспросив о дороге, мы продолжали подыматься по ставшей болотистой долине. Слева, на низком склоне Болная появился густой лес. Далее дорога пересекла речку и поднялась на низкий гребешок, за которым оказалось большое (10-12 км в окружности) и красивое озеро Гандан нур. Спустившись, мы обогнули его с севера и, держа направление по-прежнему на запад, пересекли 2-3 небольших мыса, спускающихся к залегающей вдоль подножья Болная высокой абсолютно, широкой и болотистой долине, подробно о которой – ниже. Местность унылая, высокая. Проехав от Гандана верст с десятков и не видя впереди ни воды, ни дров, мы остановились на небольшом ключе, у маленького колка леса. Трава сплошь сухая. Вечером шел дождь. День вообще был осенний: с запада дул холодный сильный ветер.

5/IX

Переждав утренний дождь, мы двинулись далее. Ехали все тем же северным краем широкой долины. Несколькими верстами ниже стоянки показались айлы. Слева подошла речка. Из айла мне указали на находящийся посреди долины исток Тэса, отмеченный большим обо. Ниже долина все расширяется. Скоро мы доехали до мыса, за которым увидели, что Тэс повернул прямо к северу. Пересекши его, мы проехали еще несколько верст все тем же краем долины, а затем свернули на невысокий дабан, за которым спустились в широкую долину левого притока Тэса. Двигаясь все время на северо-запад, мы переехали небольшую речку, затем несколько верст ехали по широкой степи и заночевали около двух небольших бессточных озерков, на ключе.

На озерах оказалось много водной птицы <...>, турпаны, чирки, серая цапля, <...> и прочие.

6/IX

Дорога за ключом сразу же потерялась, и мы поехали наугад через широкий, плоский хоолай, сильно напоминающий гобийские. Мелкая полынь и даже мелкие экземпляры эфедры. Переехали небольшую речку-ключик и пологим вземом, по небольшой пади, поднялись на дабан. По дороге видели нескольких дроф. За перевалом открылось верховье небольшой сухой долины, уходящей на <...>, к Тэсу. В самой вершине несколько листовенничих колков. Пересекши эту долину мы поднялись на новый дабан и спустились в следующую падь, уже хорошо облесенную в вершине. Тут слева подошла большая дорога. Со следующего перевала я

увидел в открывшейся широкой долине Тэса большой хуриэ Дурекчи-вана, расположенный на правом берегу реки. Через 20 минут я был там.

Теперь несколько подробнее об истоках Тэса. Хребет Болная с севера имеет вид невысокого, ровного и длинного кряжа, протянувшегося в широтном направлении. Северный склон расчленен большими и малыми распадками и ключами. Очень хорошо облесен вплоть до подножья. Повидимому только или почти только лиственница. Гребень ровный, вершин, которые особенно выдавались бы, не заметно. Гольцовая зона видна лишь в прорези больших ключей. Над лесом подымается она, как и в районе Сэпсула, очень незначительно. Действительно, при взгляде на Болнай с севера становится возможным предположение, что он представляет собой приподнятый край плоскогорья, глубоко спускающийся к Идэру. Вдоль подножья виденного нами участка Болная тянется широкая и плоская долина, в которой и начинается Тэс. Наибольшая ширина этой долины и, вместе с тем, наибольшее ее понижение приходится примерно посредине. Здесь ширина ее достигает, примерно, 15 верст. Целый ряд речек вытекает с Болная и образуют после слияния р. Тэс. Эта последняя, прорвав невысокую северную ограду долины, уходит сначала прямо на север, а затем поворачивает на <...>. В узком (3 км) и относительно высоком восточном конце большой долины и расположено озеро Гандан нур. Продолжением этой долины и служит Ангиртэ, спускающаяся уже к Сангин-Далаю. Таким образом у подножья Болная водораздел Сангин далай – Тэс выражен очень неясно. Западная постепенно сужающаяся часть долины истоков Тэса – осталась необследованной. В той стороне Болнай, видимо, расширяется и повышается, значительно выдвигаясь к северу. Оттуда на <...>, к Тэсу, выдвинут ряд пологих, сначала длинных, а затем более коротких и высоких отрогов, разделенных долинами левых притоков Тэса. Именно эти отроги и долины мы и пересекали на последнем участке нашего пути к Дурекчи вану. Северная ограда истоков Тэса восточнее его прорыва на север – относительно невысокая, полого – гористая местность, скупо облесенная по <...> склонам. Такова общая орография истоков Тэса. Названия же различных речек следующие: на восток от Гандан нура к Сангин-Далаю течет рч. Ялатэин гол (?) (ниже Ангиртэ). Западнее оба истока Тэса и до прорыва в него впадают следующие ключи: Дашта, Халцзан, Соготэ и Асахтэ. Ограда Дюрюльчи хундэй (название всей долины истоков Тэса) в месте нашего пересечения называется Цаган шаро. Далее идет левый приток Тэса - Чжиримтай. В районе его вершины виднеется единственный более значительный голец, одиноко возвышающийся над Болнаем. Озерко, у которого мы ночевали, называется Цаган нур. Речка, текущая по широкому хоолау, называется

Могой. Следующий отрог мы перевалили, кажется, перевалом Батагараин дюрюльчи. Дальнейший перевал – Хара чолу. Подошедшая слева по пади Байциин ама дорога спускается с перевала Шюттиин даба. Последний перед Дурекчи-ваном перевальчик – Нам даба.

Верхний, восточный край Дюрюльчи-хунд – полуболотистое, кочковатое пространство, поросшее болотной травой, кое-где – поросли <...>. Место высокое, открытое западным ветрам, а потому холодное. Во время нашего проезда трава стояла уже совершенно сухая. Вид у этого места весьма унылый. Никакой живности. Монголы здесь, повидимому, не кочуют. Почва – крупная дресва. Следы стойбищ и айлы показываются ниже, несколько выше Тэсинского обо, т.е. там, где на убурах ограды появляются ксерофиты. Ниже, в районе прорыва, уже вся полугольцовая формация сменяется по долине обычной бедной степью с зелеными кочковатыми пространствами близ реки. Долина Чжиримтая – злаково-полынная степь. Много <...>. Таковой степь и остается до Дурекчи-вана. Густое население я видел лишь в низовьях Чжиримтая. Прекрасные же корма во многих безводных местах используются, вероятно, зимой. Но вообще, я сказал бы, население не густое. В лесах <...> склона Болная (имя это, между прочим, я слышал неоднократно), по рассказам, имеется коза и изюбрь. Как ни странно, тар багана в этом районе чрезвычайно мало – почти нет. В Дурекчи-ване мы остановились во дворе Монголтранспорта. Сейчас же по приезду я получил с оказией весточку от С.А.Кондратьева с известием, что его партия придет не позже 10-го.

7/IX

Был в тамагане и чертил съемку.

8-ое и 9-ое прошли в ожидании, причем 9-го я съездил, надеясь встретить Кондратьевскую партию, на Худжиртэин даба и, далее к красивому озеру Иринчин джугнай, лежащему среди лесистых гор высоко над долиной Тэса. Озеро большое, 12-15 км в окружности.

10/IX Пришла наконец наша Улясутайская партия. По обсуждению сделанного было решено, что в Сын тайгу придется ехать лишь моему отряду. Улясутайцы же пойдут на Хан хухэй.

В тамагане я узнал, что Сын тайга находится на Урянхайской территории, что значительно затруднит доступ к этой горной группе.

11-ое и 12-ое были отданы сборам, а 13-го мы все вместе, налегке, выехали в дальнейший путь вниз по Тэсу. Более подробное описание этого пути, как и окрестностей Дурекчи вана, я оставляю до возвращения с запада, а пока поведу лишь хронологию. 13-го ночевали мы в устье пади Шабар, где впервые увидели растущий вдоль реки густой ельник. 14-го,

проехав устье Цэцэрлига, добрались до большого изгиба Тэса, 15-го же поехали сначала прямой дорогой по сухим степным долинам, а затем свернули напрямки к Тэсу, где и заночевали. Видели цаган дзере (в большом количестве).

16-го мы проехали вниз по Тэсу и остановились верст на 6 выше Ганданг хуриэ, в еловом острове. 17-го я съездил с М.И.К. в хуриэ, где немного снимал. Кроме того познакомился с двумя русскими в ликвидируемом отделении Госторга и кое о чем их расспросил. Под вечер вызвал из лагеря Лубсана и с ним ходил в местную пограничную таможду, чтобы навести справки о границе. Оказалось, что толком там ничего не знают. Мне никаких препятствий насчет перехода границы не чинили. Наоборот, сказали, что фактически дорога открыта. Точно граница не установлена. Больших разбоев нет, а мелкий грабеж постоянен. Вернулись мы после заката. Вечером Лубсан долго играл, распевая новый улигер о нашем путешествии.

18-го обе наши партии разделились. С.А. поехал дальше вниз по Тэсу, намереваясь побывать в Хан-хухэй, а я, направив Чухломина немного выше стоянки, в устье Бугусугийн ама, поехал вместе с Лубсаном вверх по Тэсу к дороге Буджир улаин сомона. Ехать пришлось далеко - не менее 25 верст. Дарга оказал мне полное содействие и сразу же назначил мне одного проводника, к которому мы с Лубсаном и приехали ночевать. Весь вечер Лубсан сказывал улигер. Слушали его с большим вниманием. Один из молодых лам оказался чуть ли не знакомым – он в 1926 году проездом на Улясутай был на Эцзин голе во время нашей работы там. Знает предания о Хара хото, многие места по Эцзин голу, некоторых моих знакомых торгоутов. Очень приятно было поговорить об Эцзин голе, сидя в юрте на берегу Тэса.

19-го утром мы довольно поздно, вместе с проводником Гендуном, доехали до Чухломина. Около 12-ти выбрались и, переехав Тэс, направились на север, к Урянхаю. Подымались мы падью Бугусугийн ама. Русло сухое. Широкое песчаное дно долины поросло большими отдельно растущими кустами караганы. Между караганой почти сплошной ковыль. Влево от нас поднималась скалистая группа Цзун бэрхэ, вправо – Усу улан. Горы очень скалисты и почти обнажены. Очень напоминают гобийские. Но вместе с тем везде, где только возможно, лепится листовница, образующая на эксплицированных к северу склонах маленькие сиверочки. Поднявшись несколько верст по Бугусугийн ама мы свернули в ее правый (по течению) приток Цжиргаланту гол, также сухой. Стрелка с высокой красной скалой между двумя этими падыями называется Бельчир улан. Выше по Бугусугийн ама, как бы загораживая последнюю, виднелась гора Баян хайрхан,

довольно значительная по высоте, с лиственничным лесом на верхушке. Характер Джиргаланту остался тем же, лишь карагана почти исчезла. Выше Цзун бэрхэ, горы правой стороны значительно снижены. Миновали небольшой надув песка в виде нескольких чуть задерненных барханов. Поравнявшись с Баян хайрханом, мы увидели по левой стороне пади уже значительные сивера; долина сузилась, карагана исчезла. Несколько выше мы миновали сочащийся по руслу ключик и остановились у колодца напротив небольшого дугуна, принадлежавшего ранее караулу Баян булаг. Гендун собрал трех или четырех десятников, причем выяснилось, что знающего места по главному хребту Танну-ула нет ни одного, как нет и хорошо знающего урянхайский язык. Поэтому мне придется, вероятно, взять на день-два еще проводника урянхайца. Ходок оставлю здесь. Граница проходит всего в 15-20 верстах далее к северу и поэтому уже необходимо стеречь коней. Десятники дали нам сторожа. Любопытно было встретить молодого парня, недавно окончившего среднюю школу в Урге. Он работает в тамагане и приехал в этот глухой угол домой, на побывку.

20/IX

20-го утром распределили вещи по вьюкам. Три легких вьюка. Взял еще лошадь. Проводником назначили кроме Гендуна как раз молодого “гимназиста” Даву-Дорчжи. Пока сборы да разговоры, я снял три фото, одну с дугуна (Могой хуриэ). Старик лама, бакши всех окрестных жителей, поднес мне хадак, жалуясь на затруднения с границей. Перед отъездом я съездил к нему с ответным хадаком и маленьким подарком для дугуна. В ответ он передал проводникам приказание одному урянхайцу, своему шаби, сопровождать меня на Сын тайгу. Не знаю, что выйдет. Часов около 11-ти мы выбрались, оставив ходок с лишними вещами в хуриэне. Сейчас же за хуриэнем мы перевалили невысокий перевальчик Номтэ и крутым спуском свалились в широкую долину Баян булагин-хунде.

Вначале пересекли небольшой распадок Нарин уха, перевалили мыс Хаджютэин даба, пересекли падь Мухур могой у ее впадения в Баян булагин-хунде и стали подыматься по последней. Общее направление держали на <...>. Вывершив Баян булаг, мы подошли к небольшому перевальчику Хэнгрэктэ дюрюльджи, где я заехал в первый по пути урянхайский аил.

Теперь чуть подробнее о Баян булагин-хунде. Это огромная падь, почти совершенно сухая, начинается несколькими распадками (вроде Мухур-Могоя и Нарин уха) под протянувшимся в <...> направлении невысоким белым (известняк?) хребтом. Хребет этот является, вероятно,

тем самым большим отрогом Танну-улы, который упирается в Тэс ниже Гандана. Лес виден по небольшим распадкам убура этого хребта и по гребню. По обеим сторонам Баян булага леса очень мало, а пониже и совсем нет. В Тэс долина эта впадает ниже группы Ихэ бэрхэ. В горах правой стороны выделяется скалистая вершина Бату соер (?). Полого вогнутое дно Баян булага покрыто прекрасной травой, главным образом ковылем. Народу – никого. Видны убульчоны. Зимует здесь публика из окрестностей Могой хуриэ. Урянхайская граница проходит у подножья белых убуров вышеописанного хребта. В пади Ара булаг (одна из вершин Баяна), в самой верхушке мы видели одинокий урянхайский аил. Один из распадков убура белого хребта называется Аршанту. Там есть пещера, повидимому, довольно глубокая. Местная публика заходить туда боится. Чуть выдающаяся над хребтом скалистая белая вершина западнее Аршанту называется Нурмук.

В аиле ничего особенного я не увидел. Общий уклад почти не отличается от монгольского. Даже между собой публика говорит по-монгольски. Очень незначительная разница в типе лица, в одежде (женщины с поясами) и в головном уборе (совсем не монгольский). Встретили, по-монгольски, чаем. Поговорив кое о чем, мы с Гендуном поехали догонять караван.

За перевальчиком открылась новая широкая хунде (Балбархай-хунде), сильно расчлененная в верхушке. Правый бок ее - упоминавшийся выше белый хребет, спускающийся к долине крутыми, местами скупо облесенными мысами. Горизонт на запад открылся обширнейший. Хорошо виден был ясно выделяющийся хребет Хан хухэй. Очень далеко на западе виднелись горы, лежащие, повидимому, на <...> от Улангома. К <...> от Хан-хухея виднелся плоский кряж – вероятно стык Хангая с Хан хухэй. На видневшемся участке долины Тэса выделяется большое скопление песков. К ним и уходит Балбархай хунде, впадая в долину Тэса выше их. Близ ее устья скалистая группа правого бока носит название Буту цаган. Крайний же мыс этой группы с небольшой остроконечной сопкой называется Аханак. Оставив левее падь Цулын хундэй (одну из истоков Балбархая), мы стали пересекать упомянутые мысы белого хребта и по очень узкому и довольно крутому распадку поднялись к перевалу Дунду хараган, доступному лишь верховым и легким вьюкам. С перевала хорошо видны подробности строения правого бока долины Тэса. Между Баян булагом и Балбархай вклинилась еще одна короткая и широкая падь Арцаин хундэй. Мыс между ней и Баян булагом называется Халбан уяа. Коротким спуском среди прекрасного лиственничного леса мы вышли в ключ Дунду хараган, на котором и остановились на ночлег. Поздно к нам захал

урянхаец, оставшийся ночевать. Он сообщил, что кабанов на южном склоне Танну-улы нет. По хребту очень редко появляются дикие северные олени. По здешнему ца (на востоке са). Барса нет вовсе. Аргали в очень незначительном количестве имеются в группе Буту цаган. Оленные (тоджинские) урянхи кочуют иногда и по сию сторону хребта. На Эрсин голе урянхи занимаются хлебопашеством. Кроме того здесь все понемногу косят, употребляя литовки. Последние я видел. Корм пока прекрасный. Насчет разбоев стало совсем тихо.

Забыл упомянуть, что в вершине Цульин хундэй я видел старую границу – по степи в одну линию положены палки. Оригинально.

Изюбри, говорят, режут вовсю. Журавли летят. Лиственница в золоте. Лучшее время для странствий! Но надо торопиться. Времени убийственно мало.

Ночующий у нас урянха хорошо знает Сын тайгу (Ак хорум) и Сангилен. Идем мы пока верно. А то до сих пор я шел наугад, лишь догадываясь, что Сын-тайга должна быть в вершине Эрсин гола. Пока мое пребывание в пределах Урянхая не вызывает никаких недоразумений. Все тихо и мирно. Лишь Фролыч чего-то забеспокоился, узнав, что до Сын-тайги еще верст 80-90.

21/IX

Утром я съездил на перевал и кое-что снял. Затем мы двинулись вниз по Харган. Спускались верст 10. Кроме самого нижнего участка падь очень узка. Справа все время крутые скалистые убуры, разделенные крутыми же небольшими логами и распадками. Кое-где листовик. Порода все та же - известняк с прослойками какой-то кристаллической породы. Слева – густой лиственничный север, крутым берегом спускающийся к речке. Русло заросло тальником и ерником. Перед устьем долина раздалась и появились урянхайские аилы. Впереди виднеется участок долины Нарина, за которой встает высокий белый же хребет, страшно скалистый. Скалы, почти белые, кое-где усажены елками. Заехав по дороге в аил, мы подъехали к Нарину. Красивейшая речка! Левый бок – обширные, густые лиственничные сивера, правый – белые скалы и узкие лесистые распадки, по дну же — густой ельник с примесью лиственницы и тополя. Подумав немного и боясь, что Сын-тайга еще далеко, я решил подняться по Нарину, а потом налегке махнуть в Сын тайгу. Решив, велел व्यюкам сворачивать вверх по речке. С этого момента пошло сплошное удовольствие. Немного выше мы переехали на увальную сторону долины. Речка большая. На переезде я в первый раз видел облепиху. Далее мы поехали по луговой террасе, довольно высокой, имея внизу все время

густой, таежного типа, ельник. Проехав с Гендуном вперед, я заехал в аил, хозяином которого был старый охотник. При расспросах он сообщил мне следующее: В районе Сын-тайги никаких особо выдающихся вершин нет. Аджам хорум – незначительная гряда, даже без гольцовой зоны. Вообще даже название Сын-тайга мало кто знает (собственно Сон тайга) и все путаются в определении. По-видимому, незначительный участок магистрали, а то и вовсе боковой отрог.

Наивысшей же вершиной всего Тувинского хребта все встреченные мною монголо-урянки считают гору Улаин хан, находящуюся в вершине Цзай гола. На ней есть пятна вечного снега. После обильной снегом зимы она остается почти сплошь укрытой снегом. Даже от подножья ее почти вся Танну-ула представляется низким и более или менее ровным хребтом. Говорят, что ранее Улаин хан носил иное название (какая-то “тайга”). Во время же китайского правления, кажется не особенно давно, некий Мандар ван, увидав ее однажды во время какой-то поездки, был поражен ее видом и обязал окрестных жителей (целый ряд караулов, включая сюда и Баян булаг) чтить ее. Вследствие всего этого я решил не ездить в Сын тайгу, а заняться малоизвестным узлом в верховьях Нарина. Пока велись разговоры, подъехал некий Галсан, бывший цзахиракчи, а ныне, как будто, член партии. Пришлось пустить в ход всю дипломатию, чтобы оправдать свое бездокументное пребывание в Урянхае. В конце концов все сошло как будто благополучно. Затем мы с Гендуном поехали догонять караван. По дороге я просто не мог налюбоваться общим видом Нарина, тем более, что погода стояла прекрасная. Веселая речка с чистой голубоватой горной водой извивается среди непроходимой еловой уремы. Слева (по течению) спускаются червонно-золотые густые сивера, с уютными распадками и падами, кое-где расцвеченные темной зеленью отдельных елок. Справа в синее небо вонзаются белые пики отвесных известковых скал, иззубренных, кое-где оправленных в золото лиственниц, кое — где усаженных темными стрелками елей. Стена белых скал местами разорвана узкими лесистыми падами. Вдоль нее идет приветливая луговая терраса с несколькими аилами. Миновав особенно высокую скалу Угомыр, мы вновь переехали речку узкой тропой среди непролазной еловой чащи и ехали далее левой стороной. Вскоре ельник поредел и вместо него пошли густые заросли тальника, с отдельными еловыми островами. Мы же ехали большей частью пологой террасой с лиственным редколесьем и прекрасной травой. Хотели доехать до аила, последнего вверх по Нарину, хозяин которого хороший охотник, но соблазнившись хорошим вечером и близостью леса я остановил караван раньше и мы с Чухломиным сейчас же побежали на охоту. За поздним временем пройти удалось немного, и я

ничего не видел. Чухломин же промазал по козам. Сивер очень густ, с богатым молодняком. Дно боковой пади – сплошной непролазный ерник. Увалы круты, невелики. Горы же относительно очень высоки.

Поздно, уже в полной темноте, к нам подъехал молодой лама-гелюн из верхнего аила. Он возвращался с Эрсин гольских пашен и вез выюк ячменя. Решил ночевать у нас. Разговор завязался длинный. Он сообщил мне, что изучает джюд, а потому является, собственно говоря, последователем красношапочников. Ранее ходил пешком в Гумбум принимать посвящение. Шел кругом, через Кобук сайр, Чучен и Халш. Потолковали мы с ним о сущности джюда. Он мне сообщил, что отец его, старик Пельчже, шаман. Таким образом в одной семье я увижу и древнюю “черную веру” и представителя сокровенной части буддизма. Кроме того он сказал мне, что в верховьях Нарина иногда бывают дикие ца и козлы. Еще перед темнотой заморочило. Когда мы улеглись (все около огня) начал капать дождик. Я не обратил внимания и уснул. Проснувшись среди ночи, я увидел, что дождик превратился в обильный хлипкий снег. Шуба моя вымокла, на подстилке образовались лужи. Под меня подтекало со всех сторон. Вся остальная публика, кроме укрытого моим дождевиком ламы, убралась в майхан. Мне же лезть туда с мокрой постелью не было смысла. Подправив гаснущий огонь, я в одном белье, накрытый мокрой шубой уселся на корточки дожидать утра. Странный был рассвет! По долине хлопьями клубился туман, открывая частями усыпанные свежим снегом горы. По вершинам цеплялись рваные белесые облака. То и дело снова начинал сыпать снег. Все было матово-бело, кроме резко выделявшихся мокрых черных деревьев. Это был первый серьезный снег в нашем путешествии, первое предупреждение грядущей зимы. Так я и досидел до утра в одиночестве, потягивая набитую мокрой дунзой ганзу.

22/IX

Поехал вместе с новым знакомым вперед, в его аил. До аила оставалось версты 3. Горы стали еще выше, скалы появились и по левому боку, на мысах у боковых падей. Началось изюбриное царство. Дорога (вернее тропа) снова перешла на правую забоку. По дну по-прежнему острова ельника перемежались с зарослями тальника. Аил (большая юрта и покрытый войлоками чум) стоял на луговой площадке правой забочки. Остановиться мне старый Пельчже, встретившийся еще по дороге, посоветовал немного (1 верста) выше его. Подошел еще один охотник, здоровый детина, с завидной обнаженной грудью, в шубе на голом теле. Только и разговору было, что об изюбрях. Повидимому, их здесь действительно много. Решили сегодня же сделать загон, благо народу

хватало. Приехав к месту стоянки, я увидел, что Чухломин сумел выбрать теплый табор. Остановился он в ямке, среди красивого, стройного густого ельника. Рядом шумела речка, недалеко высились скалы. В 10 саженях от лагеря открытая площадка, на которой паслись кони. Пока устраивались да варили обед, на поляне показались уже готовые к загону охотники. Оригинальная, несколько дикая картина: они ехали рядом, старик Пельчже, тот здоровый детина и совсем молодой (18 лет), довольно красивый и аккуратный парень, зять Пельчже и хозяин чума. За спинами висели длинные кремневки, за поясами помимо больших ножей, были заткнуты деревянные трубы – подманивать изюбрей. Ножи здесь носят даже 6-7 летние мальчишки, а парню лет в 8-9 уже дают лук и он стреляет зимой чиндаганов, которые русские берут по четвертаку за штуку. Дудки для подражания изюбря делаются разные, но все склеены из двух выдолбленных половинок. Как правило, трубя, тянут воздух в себя, хотя и есть трубы “для беззубых”, как объяснил Пельчже, где дуют в трубу. В последнюю надо вставлять еще пищик. Петь по изюбриному все мастера. После обеда я с гологрудым рысью поехал заезжать на номера. Чухломин с Пельчже отправились другой дорогой. Мы поднялись немного по Нарину, а затем свернули в небольшую боковую увальную падушку Цаган гол, полого поднимающуюся до самого хребта. Поднявшись в вершине на крутой увал, мы разместились в вершине сивера. Вдали слышались крики загонщиков. Они приближались, а зверя так и не было. Хоть бы заяц проскочил! Васька уверяет, что видел изюбря. Очевидно прорвал линию. Так ни с чем и съехались. Мы с Чухломиным решили пройти еще пешками по соседним увалам, а прочие отправились домой. Вид с вершины увала открывался широкий. На северо-востоке виднелись первые плоские гольцы, указывающие верхнюю часть течения Нарина. На восток же уходили мохнатые, лесистые гривы. Перебежав Цаган гол, я поднялся сивером к крутым увальным скалистым мысам, падающим в Нарин и обошедши их вышел снова к устью Цаган гола. Удобнейшее место для увальной охоты! Скалистые гребешки образуют ряд узких и крутых увальных распадков. К сожалению, ничего не видел. Не было слышно и изюбриного рева. Спустившись к тропе, я встретился с Чухломиным, который видел очень свежие следы небольшого табуна изюбрей, но найти их не мог. Уже в полной темноте мы добрались до нашего майхана, условившись утром снова выбраться на охоту. После недавнего снега, так и не ставшего по сиверам, снова установилась приличная погода. Таборовали мы спокойно, так как Пельчже заверил меня, что не только воров, но и волков в округе очень мало.

23/IX

На охоту утром выбрались довольно поздно. Я успел сделать лишь небольшую экскурсию по увальному гребню, впадающей в Нарин напротив нашей стоянки пади Ирэн модо (левая по течению сторона). Падь довольно широка. Дно сплошной ерник. Увалы очень высоки и круты. По гребню почти все время известняковые скалы. Пройдя очень немного и видя, что солнце уже высоко поднялось, я сивером вернулся к Нарину. Сивер очень густ, но по этой же причине деревья малорослы и худосочны.

Нижний ярус – главным образом моховые подушки. Порядочно брусничника. Ниже деревья становятся крупнее, подмешивается ель, от которой лес делается еще гуще. По гребню все истоптано изюбрями. Козьего следу почти нет. Иногда встречается кабарожий помет. Из птиц отмечен рябчик и глухарь. Общий характер сивера - таежный, несмотря на отсутствие кедра. Глухо и нетронуто.

Вернувшись в лагерь, я в скором времени отправился в аил к Пельчже, так как его сын пришел предупредить меня, что старик собирается камлать. Полдня прошло в разного рода расспросах и разговорах. Обоим я поднес хадаки. Между прочим меня угостили мясом ца. Несколько дней тому назад два охотника, перевалившие Танну нуру, в истоке Нарина увидели следы диких ца в 10 голов и, выследив их, одного убили. Мясо хорошее, похожее на мясо изюбря. Таким образом, в два сезона я попробовал мясо редких млекопитающих двух разных полюсов – дикого верблюда и дикого северного оленя. За беседой незаметно свечерело и старый Пельчже стал готовиться к камланию. Большой бубен, обтянутый медвежьей кожей, был подсушен и нагрет над огнем. Дети притащили маленькое деревцо лиственницы, на ветки которого были привязаны 9 белых полосок материи. Затем деревцо это водрузили напротив двери юрты, шагах в 15 от последней. Затем была извлечена одежда шамана, состоявшая из шапки с венцом перьев филина на верхушке, кожаной куртки со множеством разноцветных подвесок из кожи и материи, свешивавшихся до полу, и мягких кожаных “мокасин” с разводами. Передняя часть круглой шапки изображает нарисованное белым по черному фону лицо. На куртке на плечах нашиты пучки коротких перьев того же филина. На спине ряд подвесок из железа, бренчащих при каждом движении. С шапки спереди спускается черная бахрома, закрывающая лицо. Било для бубна сделано в виде овальной ложки с ручкой, вырезано из кедра и обтянуто кожей ца, с сохранившимися еще волосами. На внутренней стороне несложный резной орнамент, долженствующий изображать небо человеческого рта.

Одевался Пельчже медленно, не торопясь. Попробовал бубен. Зажгли арцу (встречающуюся по Танну в изобилии) и стали его [шамана] окуривать, обнося по солнцу около ног. Наконец, он повернулся лицом к висевшим на стенке рядом с бурханами онгонам и запел призывание, слегка ударяя в бубен. Очень быстро темп пения и ударов участился, движения стали быстры и резки, послышался храп – Пельчже впал в транс. Петь он перестал. Тело завертелось. Голова быстро и резко вертелась во все стороны. Глаза были закрыты. Гулкие удары в бубен, неизменно ритмичные, стали угрожающе сильными, странно волнующими и зовущими. Темп их стал весьма быстрым. Освещенный красноватым отблеском очага, старый Пельчже крутился в неистовом танце жреца древней “черной веры”. Временами длинная бахрома его одежды образовывала сплошной мерцающий круг. Глухие ритмичные звуки бубна с аккомпанементом железных подвесок то наполняли пространство и мощным потоком лились на нас, то замирали. Тогда Пельчже наклонялся к бубну и вслушивался в него. Слышался тихий смех, свист и громкий храп. Затем снова начиналась пляска. Временами он пел, пел торопясь и захлебываясь. Бубен то и дело взлетал к самой тоне юрты. А снаружи мерцала глухая лесная ночь. Спали темные мохнатые таежные гривы, чутко сторожили тишину остроконечные белые скалы. Где-то по сопкам в золотом упоении хрусталем осени победно и звонко трубили изюбри – стадо духа гор.

Камланье продолжалось долго. Просто трудно было предположить, что человек в нормальном состоянии и в преклонном возрасте (Пельчже за пятьдесят) может выдержать такой вихрь движений.

Во вторую половину камланья Пельчже неожиданно прыгнул через очаг и выбежал на улицу, где продолжал камланье под открытым небом. И здесь все время курился сладкий дым арцы. Покамлав около изображавшего жертву онгонам деревца, Пельчже вернулся в юрту. Пришло время прорицать. Напевая и подергиваясь, он бросал нам поочередно по несколько раз свое било, которое надо было принимать в полу одежды, а возвращать обеими руками с возгласом “торог!” Напевно, стихотворными строками, но довольно невнятно, он предсказывал всем, начиная с собственных спящих маленьких детей. К сожалению, я очень плохо понимал его говор даже в нормальном состоянии – он сильно разнится от привычного мне среднехалхасского говора. А тут, я вовсе стал в тупик и удовольствовался объяснениями хозяйки.

Предсказывал он по поводу охоты и сказал, что завтра нам попадутся коза и изюбрь, но что одному из нас надо очиститься – ему что-то мешает. После предсказаний он камлал еще довольно долго. Наконец темп стал

замирать, с него упала шапка, постепенно стала сползать одежда. Жена приготовила шубу. В последний момент, когда одежда упала на пол, Пельчже весь выгнулся и в судороге ухватился за уни юрты. Тут на него накинули шубу и общими усилиями заставили сесть. Во время вторичной судороги, когда его скорчило, с него сняли сапоги. Постепенно он пришел в себя, усиленно растирая себе лицо и отдуваясь. С наслаждением выпил чашку чая и затаился ганзой. Курить во время камлания нельзя было и присутствующим. Камланье это продолжалось не менее трех часов. Посидев еще короткое время, я ушел к себе на табор.

Приведу здесь отрывочные сведения по шаманству, которые мне удалось собрать.

Сам Пельчже – шаман в 9-м колене. Шаманит более 10 лет. С возрастом интенсивность камлания у него как будто понижается. Очень возбуждающе действует принятый перед камланьем алкоголь. Обычная норма камланий для Пельчже – не реже раза в месяц. Раз в год, 3-го числа 1-го месяца, совершается “великое камланье”, отличающееся особой силой и продолжительностью. Близкие Пельчже уверяют, что старик во время сильного экстаза “улетает”, причем звуки бубна постепенно удаляются, а затем, по прошествии некоторого времени, снова приближаются и Пельчже появляется в юрте. После смерти шамана, тело его отвозится, по гаданию, куда-нибудь на скалу или на гору и с ним все его имущество (шаманское). Новый шаман, появившийся в его роде, делает все атрибуты заново, пользуясь указаниями какого либо другого шамана, делаемыми во время камланья.

Врачует Пельчже редко, предпочитая уступать поле действия ламам, которых он очень уважает. Онгонов у него много, несколько десятков. Они также каждым новым шаманом делаются заново. К двум группам онгонов у него приделаны “толи”. При осмотре оказалось, что бронзовые “толи” эти представляют собой археологические находки, тождественные с имеющимися у нас в музее. Некоторые группы онгонов объединены изображением “аворга могой”. Вышеупомянутые толи — единственные предметы культа, остающиеся в роде. Преемник Пельчже уже намечен – один из его маленьких сыновей, обнаруживающий, по словам отца, способность к камланью. Но камлать он начнет только после смерти предшественника. Бывает, что после смерти шамана в его роду обнаруживается сразу два-три последователя. Тогда говорят, что один не в состоянии вынести присутствие какого-нибудь онгона и дух должен проявлять себя в нескольких.

24/IX

Рано утром мы с Чухломиным выбрались в разные стороны на охоту. Я снова полез на знакомые уже увалы Ирэн-модо. Пройдя почти до самой верхушки пади, я не встретил ничего живого. Лишь на самом хребте несколько раз вдали взревел старый (судя по тембру) бык изюбрь. Следов же масса. На луговых открытых седловинках свежие выбоины, выбитые копытами возбужденных изюбрей. В самом конце пади я увидел нескольких коз, уже уходивших с увала в север. Одну убил. Нести ее домой было очень неудобно, так как первый участок пути пролегал по типичному таежному бурелому с “долгомохом”, болотистым ключом и прочими таежными прелестями. Да, для южного склона Танну-улы в этом месте характерна именно лиственничная тайга, не виданная мной в других местах. Термин “лес” здесь не подходит. Несмотря на усталость, я наслаждался сочетанием яркой сини неба с узорчато-червонным лесом.

Чухломин вернулся взбешенный. На него набежал двухлетний бычок, остановившийся всего в 90 шагах, а патрон дал осечку. Так и не убил. Но предсказания шамана сбылись.

Дальнейшую работу свою я распределил так. Пельчже согласился сопровождать меня в верховье Нарина, по небольшому участку магистрали Танну-улы и в верховьях Хачика. Старых проводников отправляю назад, а с ними и Васю с парой наших коней. Он должен захватить в Могой хуриэ наш ходок и отправиться на нем в Дурекчи-ван, где предупредит С.А. о моем опоздании к 1-му числу. В хребет же мы поедем трое: я, Чухломин и Пельчже. Выступление я назначил на завтра. Под вечер я снова сходил к Пельчже, где заснял его в полном шаманском одеянии в нескольких позах. Кроме того я сфотографировал и сына его, гелюна, в полном одеянии джюдиста. По-видимому, он – последователь какой-то красношапочной секты. Пельчже пришлось снимать на улице, а потому перед дверьми юрты зажгли арцу и во время фотографирования хозяйка делала возлияния онгонам. Выносить атрибуты эти без особой надобности из юрты не полагается. Кроме того я снял общий вид аила Пельчже. На таборе мы отобрали нужные в разъезд вещи и надавали Васе кучу предостережений и советов. Сын Пельчже завтра также должен был ехать за покупками в Красный (который именуется местным населением просто Хомийн бэлчир) и даже далее. Ехать он собирался с вьючными лошадьми. Из скота у Пельчже имеются бараны, козы, рогатый скот и всего 5 лошадей. Сарлыков нет, как нет их и в Баян булаге и по всему Нарину. Да и на Тэсе ниже Шабара я их не видел.

25/IX

С утра я отправил проводников и Ваську обратно, а сам пошел к Пельчже, в аиле которого происходило большое молебствие о благополучии семьи с приношением жертв бурханам. Специально для этого случая из Наринай хуриэ приехал лама, который и совершал службу вместе с геллоном. Все было очень торжественно и продолжалось достаточно долго. Выбраться нам удалось лишь к вечеру. Не без сожаления мы с Чухломиным покинули наш теплый и уютный табор среди стройных елей. С нами шло два очень легких вьюка – Пельчже дал одну вьючную лошадь. Малозаметная тропа повела вверх по Нарину, сначала правой стороной долины, а затем перешла на левую. Приходилось продираться через густые заросли ивняка, пробираться через заваленные колодником гари. Дорога была не из легких. Общий характер долины остается пока прежним. По речке обширные галечники. Прошли мы к закату всего 8 верст и стали в гари на устье пади Орох ток (левая сторона). По дороге мы миновали пади Доод-и Дээд хара усу (левая сторона) и Цаган гол (правая сторона). Правый берег против нашей стоянки – почти отвесные утесы (все тот же известняк) с прекрасно выраженной складчатостью. Снимок мой, если он только удачен, вполне годится в учебник физико-географии. В месте нашей стоянки верхняя часть долины Нарина поворачивает к <...>.

Ночью по скалам другого берега кричало несколько филинов.

Коней мы пускали не боясь, так как волков в округе очень мало. Стрихнин разрешен. К вечеру погода начала портиться, обещая снег. Сидели мы недолго, так как собирались охотиться. Все же я кое о чем расспросил. Но суммарий всех расспросов по зоологии – ниже.

26/IX

На рассвете Чухломин и я отправились на охоту в разные места, по указанию Пельчже. Мне досталась пологая стрелка левой стороны Орох тока. Места, как-будто специально созданные для изюбря. Тут и густой сивер, и гребень с травянистыми проплешинами, и небольшой увал, и редколесье, и скалы, и луговая седловинка, где так удобно реветь, и гарь с молодняком. Медленно осмотрев все это, я поднялся на хребет, где оказался водораздел Нарина и вершины Бугусугиин-ама. Вершина же Орох тока сходится с одним из правых притоков рч. Хачик. Самый гребень хребта оказался плоским, заросшим ерником и травой. Выпавший еще 21-го снег прочно лежал здесь порядочным слоем. Сегодняшним утром было серо и иногда сыпал мелкий снежок.

К высоко поднятой вершине Бугусугиин-ама спускаются пологие и

короткие увалы и сиверки. Дно ключей плоско и болотисто. Народу не видно. На самом гребне, на открытом месте я видел табунок коз и свежий след только что ушедшей в сивер сого с цзорголом. Последний термин, между прочим, здесь употребляется. К табору я вернулся речкой. Увалы очень высоки и голы, а русло густо заросло ерником. Вершина Орох тока весьма полого и перевал в Хачик удобен. Пользуются им, разумеется, лишь выючно. Вернувшийся почти в одно время со мной Чухломин также ничего в смысле изюбрей не видел. По мнению Пельчже, зверь был распуган одним-двум днями ранее охотниками из Ара булага.

Погода разгулялась и мы отправились дальше вверх по Нарину. Около самой ночевки копешка сена. Заготовка Пельчже. Но здесь он не зимует, а сено свозит выюками (?) вниз. По Орохтоку следы кочевков – летовки. Далее дорога пошла трудная. Крутили по зарослям, спускались на галечник русла. Миновали падь Мянга сончжи. Хорошее для охотника название! Тысячеизюбриная падь ... Сон – по-урянхайски изюбрь. Впадает она [падь] в Нарин с левой стороны. Выше ее миновали еще одну падь левой стороны (Йоллак), после которой шли некоторое время по сплошному галечнику, занимающему здесь все неширокое дно долины. По левому краю последней и параллельно ей здесь протянулся высокий и крутой отрог (водораздел Нарин – Йоллак), круто падающий к галечнику Нарина скалистыми ребрами. Лес на этом отроге смешанный (лиственница, кедр, ель), напоминающий о настоящей тайге. Лагерем мы стали напротив этого отрога в устье пади Доод хуху оймок (правая сторона). Ниже ее миновали пади Доод хуху оймок и Булагтэ. Под вечер мы стали собираться на охоту и в это самое время на правой стороне нашей пади взревел изюбрь. Я туда и направился. Чухломин же полез на высокий отрог против лагеря. Прошел я не очень много, так как вышел незадолго перед закатом, ничего не видел. Изюбрь мой ревел уже на противоположной стороне пади. Ревел часто и напряженно. Вернувшийся довольно поздно Чухломин сообщил, что гонялся за ревушим изюбрем, но не мог его взять, так как дело происходило в довольно густом сивере. Палатки мы не разбивали, а ночевали у большого огня. Ночь была ясная, звездная. И мы очень долго сидели около огня, слушая, как взапуски перекликались два изюбря, мой и Чухломина. Оба они вышли на крайние мысы к реке и ревели в полуверсте от нас, а то и меньше. Слушать их звонкий рев было большим наслаждением. В промежутках между ревом Пельчже рассказывал о здешних местах. Сводка сведений по зоологии, полученных от него такова.

Лось на южном склоне Танну-улы в данном районе не встречается вовсе, не забредая даже изредка. Да и на северном он начинает попадаться

довольно далеко к <...> от хребта. Пельчже, например, белковавший иногда там, ни разу лося не видел. Места, правда, по южному склону хребта для лося мало подходят. Слишком сухо – нет болот и озерков.

Изюбрь распространен широко и довольно многочислен. Местность по южному склону Танну-улы, посещенная мной, действительно весьма подходяща для оленей. Сильная пересеченность, обилие скал, удобных, крутых и высоких увалов, большие массы густого леса, сравнительно редкое население, близость прохладной гольцовой зоны и многочисленные солонцы – вот благоприятные условия для них. Действительно, нигде в Монголии я не встречал такого количества изюбриных следов, встречающихся решительно везде. Количество изюбрей в данном районе сильно колеблется по годам, независимо от истребления, дождей и прочего. Старики-охотники говорят о массовых перекочевках изюбря на юг, в Болнай и Хангай. Доказательство этого видят в следующем. Когда, по слухам, на юге засуха, то количество изюбрей в данном районе сразу быстро увеличивается, пропорционально ей. И наоборот, если в Хангае достаточно дождей и хорошие корма – изюбрей в Нарине и окрестностях становится значительно меньше. В “хороший” год в каждой небольшой боковой падушке во время рева слышно 3-5 ревущих быков. Положительно, почтенное количество, напоминающее о древних временах. Изюбри здесь не очень боязливы. Ревут не стесняясь, отлично посещают солонцы, находящиеся в самых неудобных местах, как например, на дороге. В общих чертах поведение их ничем не отличается от такового их хэнтэйских собратьев.

В самое жаркое время лета, при обилии насекомых, изюбри охотно перекочевывают в обширную гольцовую зону Танну-ульской магистрали.

Дикий северный олень встречается в небольшом числе на некоторых мощных гольцевых грядах северных отрогов Танну-улы. На магистрали чаще появляется он в районе истоков Эрсин гола, откуда изредка продвигается на восток до гольца Ингенек (исток Нарина). Далее к востоку его нет. Пельчже ни разу не видел ца. По его словам здесь этот зверь никогда не спускается в лес, все время пребывая на “нюцгун-тайга”, т.е. в гольцовой зоне. Очень подвижен и осторожен. Раз спугнутый, убегает очень далеко.

Кабана в районе почти нет. Он заходит сюда с северных склонов Танну-улы, притом нечасто.

Козы мало. Охотясь сравнительно много и по весьма удобным для козы местам, я видел всего 2 небольших табунка коз. След козы виден значительно реже следа изюбря. Хорошая аномалия! Объясняется это чрезвычайно глубокими снегами, выпавшими здесь года три назад и

вызвавшими с одной стороны массовую гибель козы, а с другой – массовую же перекочевку более сильных экземпляров. В тот год обитатели степных долин около Тэса были поражены появлением больших сплоченных стад козы (до 100 голов), двигавшихся по совершенно открытой местности на юг. Очень много обессилевшей козы было истреблено волками и охотниками. Добравшаяся до Тэса часть почему-то (на льду, кажется не было снега) не сумела перебраться на другой берег и бродила по степям. Много козы сохранилось по окраинным колкам, где ее много и сейчас. Нет, конечно, никакого сомнения в том, что в ближайшие годы коза снова густо заселит этот столь подходящий для нее район.

Кабарги в этих местах немного. Я изредка встречал ее след и помет. Держится она, как и всегда, в наиболее диких сиверах.

Аргали, как я уже упоминал, встречается только в группе Буту цаган, более нигде не попадаясь. Количество горного барана там значительно сократилось. Теперь он редок.

Горный козел в прежнее время был довольно многочислен по верхнему Нарину, Джартысу и Эрсину. По Нарину он спускался до аила Пельдже, т.е. весьма низко. Держался он по скалам правого склона долин, не смущаясь близостью леса и был довольно обычной добычей местных охотников.

Затем пришла эпизоотия, страшно опустошившая стада янгеров. В настоящее время их можно встретить очень редко, чуть ли не единицами в самых глухих ущельях и скалах магистрали. В истоке Нарина такое место – ущелье Хапчил.

Из хищных в районе встречается *медведь*. Распространен он неравномерно. Как правило, немногочислен. Лишь в Джартысе, близ впадения этой речки в Эрсин медведь встречается в значительном количестве. Чем вызывается это скопление – сказать трудно. Большинство охотников избегает этот район, считая встречу с медведем небезопасной. Эта точка зрения совершенно правильна, так как поголовно все вооружены кремневками. Скорострельное оружие, имевшееся в районе ранее, отобрано Правительством. Берлоги в районе редки, так как медведь здешний предпочитает ложиться в небольших пещерах и щелях, столь обычных в известковых скалах. На скот нападает, но не часто. Охотники избегают бить его, так как выгода не оправдывает опасности.

Со старых времен еще осталось прозвище “хайрхан”, данное медведю еще тогда, когда орудия охоты были весьма несовершенны. Большинство населения называет и по сей час медведя именно так. Судя по слову “хайрхан” и по тому, что шаманский бубен обтягивается именно медвежьей кожей, можно предположить в очень древнее время некий культ медведя,

как наиболее мощного хищника тайги. Только его и боятся местные охотники. Пельчже рассказывал историю об одном бесстрашном охотнике, который, увидя как-то трех медведей сразу, испугался в первый раз за свою жизнь и затем решил, что раз испугавшись, он уже не имеет морального права охотиться и продал ружье. Затем, удрученный всем этим, он в скором времени умер.

По словам Пельчже один или два медведя бродили во время нашего пребывания в Нарине по водораздельному хребту Нарин – Баян булаг – Бугусуг. Но я не видел даже следа. Придерживается здешний медведь мест глуше, потише.

Волк в районе сравнительно редок. Объясняется это целым рядом причин: обилие охотников, возможность пользоваться стрихнином и, наконец, кочевка волков на юг, по неизвестной причине. Рядом же по тэсинским степям и ельникам, по харульским долинам и горам, волков множество. Пельчже картинно выражался, что теперь в Урянхае один сильный внутренний враг – волк, так как внешних нет вовсе, а разбои, вследствие серьезных репрессивных мер, сильно сократились. Поэтому с волками начата беспощадная война. Назначены премии за известное число представленных шкур (кажется 50).

Барса в районе нет вовсе.

Красный волк также, по-видимому, сюда не забегает. И Пельчже подтвердил мне, что на западе (Хобдо) словом “цубур чоно” обозначают именно <...>.

Рысь в этих местах обыкновенна, но ее не слишком много.

Росомаха редка.

Лисица, как и всегда в больших лесах, реже, чем в полустепных районах.

Из мелочи следует заметить, что соболя нет вовсе. Есть горноста́й, колонок, хорь. Белки довольно много. Очень много беляка, за которым ревностно охотятся подростки. Белка, между прочим, здесь рыжая, западная. Выспевает в тот же срок, что и хэнтэйская.

Граница (западная) черной белки проходит, по-видимому, далеко, где-нибудь близ Хубсугула, если не дальше.

Кроме всех этих сведений, Пельчже часто и много говорил о своей охотничьей практике, рассказывая с одинаковым пафосом и удачные и неудачные случаи. Любопытно, что несмотря на многолетнюю привычку к охоте, занятие это почти по-юношески волнует его, что сильно отражается на его образных рассказах, где слышишь и звукоподражание, видишь резкие жесты и горящие старые глаза.

27/IX

Встали мы, когда было еще совсем темно, и на заре полезли в горы – я на правый, Чухломин на левый берег долины. Лезть мне пришлось очень высоко по узкому и высокому гребню. И тут неудача! Вчерашний изюбрь, судя по удалявшемуся реву, ушел на водораздел Нарин – Эрсин. На моем гребне я спугнул стаю тетерок. Таким образом определились промысловые куриные района. Это глухарь, тетерев, рябчик и обитающая по гольцам белая куропатка.

Постепенно продвигаясь вперед, поздним утром я добрался до водораздела Нарин – Эрсин. Отсюда открылся широкий вид во все стороны. Характер самого водораздела – плоский луговой голец, очень немного поднимающийся над границей леса и обильно заросший густыми порослями ерника. Можно даже сказать, что далее к вершине Нарина граница леса поднимается абсолютно может быть и выше данного места водораздела, но просто климатические условия плоского гольца, открытого всем климатическим агентам, не дают вырасти на нем деревьям. По ту сторону водораздела открылись пологие спуски, поросшие редким лесом, в левые ключи рч. Джартыс, левого же притока Эрсин гола.

Вниз по Нарину виднелись мохнатые золотые густолесные гривы.

Несколько суровее был вид к истоку Нарина, в сторону магистрали. В самом истоке подымалась вершина Ингенек, не очень высокая, характерной формы “двухэтажного” гольца, т.е. на продолговатом плоском основании возвышается отдельная плоско-округлая шапка. Кругом Ингенека заплелся узел плоских гольцовых гряд. Восточнее его из-за этих гряд выглядывали две высокие скалистые вершины, обильно оснеженные. Целый ряд таких вершин виднелся и на порядочном расстоянии к западу от Ингенека, в вершине Эрсина.

Магистраль почти сплошь оснежена, на низких второстепенных отрогах тоже участки снега.

Удивительнее всего было увидеть проходящую по самому гребню гольца торную вьючную дорогу, ухотившую вдоль гребня к магистрали. По возвращении Пельчже рассказал мне, что эта, так смело проведенная, вопреки привычному, дорога начинается двумя ветками: в Нарине и Эрсине, а затем идет по гребню водораздела этих двух рек до магистрали, где малозаметным перевалом попадает в левый исток рч. Балик, системы Енисея (Хуа кхем). По ней прогоняют скот, главным образом лошадей, ездят с вьюками и прочее.

После подробного осмотра окрестностей я повернул назад и спустился к табору узкой и красивой падушкой, падающей в Нарин чуть

выше Доод хуху оймока. Охота Чухломина также была неудачна, хотя он и видел своего изюбря. Гонялся долго и обошел всю вершину ущелья Йоллак.

Вечером я расспросил Пельчже о вышеупомянутой дороге и решил снова разделиться.

Чухломин с нашими обоими вьюками должен был вывершить Йоллак и пологим гольцовым перевалом свалиться в один из правых ключей рч. Хачиг. Мы же с Пельчже верхами, с самым необходимым, должны были одним из правых ключей Нарина выбраться на “гольцовую” дорогу, проехать по ней в вершину Балика, а затем какнибудь перебраться в Хачиг, где и встретиться с Чухломиным. Разъезд рассчитан на 2-3 дня.

28/IX

Довольно рано утром мы завьючились, распрощались и одновременно двинулись в разные стороны: я с Пельчже вверх, Чухломин вниз по Нарину. Мы взяли с собой действительно лишь необходимое.

Продвигаясь вверх по галечникам Нарина, мы скоро подъехали к месту настоящего истока вод Нарина. В небольшом расширении долины бьет целый ряд ключей (счетом 9), которые и образуют собственно речку Нарин. Выше этих ключей русло сухо. Еще не доезжая ключей Пельчже указал мне слабо сернистый холодный (но незамерзающий) ключ, ревностно посещаемый изюбрями. Вокруг него ряд прикритий для ночной охоты. А поблизости охотничьи таборы: традиционные закопченные три камня и чуть поотдаль сложенный из камня же “мандал” с золой арцы. Много же курений возносится “хозяину” местности во время наиболее бойких охотничьих сезонов! Прикрытия около солонцов весьма примитивны и сделаны достаточно небрежно. В лучших, очевидно, нет нужды.

Затем мы свернули влево, в небольшой пологий распадок правой стороны, по которому легко поднялись на гребень водораздела с Эрсином к “гольцовой” дороге. Здесь к лиственнице подмешан единичными экземплярами кедр. И в этом месте характер водораздела совершенно тот же, что и в истоке Доод хуху оймока. Далее мы двинулись уже по дороге. Через несколько верст дорога зигзагом взбирается на небольшую вершину, с которой открывается широчайший вид во все стороны. Далеко на горизонте четко выделялся хребет Хан хухэй, имеющий при взгляде с <...> очень правильную форму: вершины в центре, а по бокам полого спускающиеся крылья. Центр был в это время обильно оснежен. На <...> склоне против главной вершины виднеется большой ледниковый кар.

Восточное крыло Хан-хухея невысокой седловиной сочленяется с лежащими далее к востоку горами (вероятно <...> отроги Болная). Западнее Хан-хухея чуть видны еще большие горные массы. От этих гор вероятно недалеко и до Убсу нура. <...> склон Танну понижается от магистрали к долине Тэса постепенно, закономерно, без неожиданных поднятий и провалов. Нарин виден вниз до Орохтока. Ушедший с водораздела пологими ключами Джартас ниже углубляет свою долину, на правой стороне которой появляются неизменные для этого района белые известковые скалы. Высокие вершины магистрали у верховьев Эрсина видны отсюда хорошо. Хорошо видна и вершина Улаин хана, находящаяся довольно далеко к востоку от Ингенека.

Продолжая продвигаться все той же гольцовой дорогой мы миновали целый ряд правых ключей Нарина и левых Джартаса.

Недалеке от Ингенека водораздел поворачивает к <...>, огибая небольшой бассейн рч. Хапчил, настоящего истока Нарина. В Хапчиле уже нет древесной растительности. Понижающаяся к устью речки гольцовая плоскость прорезана глубоким каньоном речки. По крутым скалам этого каньона иногда бывают отдельные экземпляры <...>. Вершина Хапчила выходит к магистрали пологим логом. Пологая же седловина соединяет этот исток с истоком левой ветви рч. Балик, относящейся уже к системе Енисея. На болотистой седловине маленькое озерко. Таким образом в данном месте главный водораздел малозаметен. Дорога проходит в стороне от седловины, через пологий увал, на котором перевал из одной системы в другую отмечен маленьким обо. Сделав отсчет анероида мы стали спускаться по пологой долинке Балика вниз. Кое-где по сравнительно пологим склонам долины виднелись отдельные кустики лиственницы. Несколько ниже по обеим сторонам появились известковые скалы. В сухом галечном русле выступила вода. Добравшись до первой небольшой рощицы угнетенных лиственниц, мы остановились на ночлег. Не дожидаясь чая я полез на гольцы левого склона долины, питая слабую надежду на возможность все — таки каким нибудь чудом встретить ца.

Трудный подъем вывел меня на обширные гольцовые елани с выходами известковых скал, такими же белыми валунами. В формации этих еланей кроме немногочисленных низкорослых трав очень большое место занимает кудрявый голубоватый ягель, присутствием которого и объясняется появление здесь, хотя бы и изредка, северных оленей. Но кроме нескольких белых куропаток я ничего не видел. Следы этих птиц встречались еще на “гольцовой” дороге. Вернулся я уже в полной темноте. Бивуак наш имел очень суровый вид. Маленький огонек (до дров было довольно далеко), седельный потник в качестве подстилки и седло в виде

подушки, яманья кость на обед и чашка чаю. А мороз ночью был значительный.

Еще когда мы искали место для бивуака, Пельчже сильно рассмешил меня. Он подъехал к речке и стал внимательно смотреть в воду одного из омутков. На вопрос мой, в чем собственно дело, он наивно ответил, что “говорят здесь есть рыба” (в бассейне Тэса рыбы почти нет).

На следующий день я хотел еще раз попытать счастья в охоте.

С гольца я видел довольно далеко на востоке крутые скалистые гребни - <...> отроги магистрали.

29/IX

На рассвете я одним из левых боковых распадков Балика снова взобрался на гольцовые поля. По дороге я отметил еще одну характерную черточку ботанического ландшафта. Более защищенные и низкие лога покрыты зарослями низкого ерника, смешанного с тэмэн сууль (<...>). Картина довольно оригинальная, так как тэмэн-сууль скорее напоминает какой-нибудь кактус, а не приполярное растение. Пологим увалом я взобрался на самую магистраль Танну-улы и выбрал в качестве наблюдательного пункта отдельный высокий известковый останец. Отсюда я снял два снимка, осмотрелся и отсчитал анероид. Тщательный осмотр ближних и дальних окрестностей в бинокль не обнаружил ничего живого. Никаких ца.

Вид с моей скалы открывался очень широкий. На запад, север и восток всюду виднелись мощные гольцовые гряды. Лишь на <...> и <...>, т.е. в сторону Нарина и Джартаса горы быстро снижались. На западе горизонт замыкался целым рядом высоких и очень крутых скалистых вершин, значительно поднимавшихся над общим уровнем плоских гольцов. Ближайшая из них находилась верстах в 15 от меня. Ближе намечался пологий исток какой-то речки бассейна Енисея, уходящий в глубокое ущелье между гольцов. На <...> гольцам буквально не видно конца-краю. Очень далеко на горизонте виднеется довольно высокая гольцовая группа. Балика почти не видно. Т.е. не видно, куда он уходит. Все загорожено плоскими грядами гольцов. Ингенек и понижение магистрали между ним и моим пунктом видны хорошо. На дальнейшем восточном продолжении магистрали видна высокая, срезанная сверху вершина Улаин-Хана. Бока этой горы весьма круты. К <...> от нее резко выделяются острые скалистые гребни, круто падающие к северу. Все высокие вершины обильны оснежены. Пятнами снег лежит и на более низких плоских гольцовых грядах. Картина в общем очень суровая. Белые камни, останцы скал и очень бедная растительность. Из живности видел опять-таки белых куропаток. К

бивуаку я вернулся около полудня, достаточно усталый, но тем не менее сегодня же решил ехать дальше.

Около часу ночи мы подъехали к бельчиру двух основных истоков Балика, ниже которого речка сворачивает в узкое и глубокое ущелье, обставленное скалистыми боками. Ниже уже виднеются настоящие лиственничные колки.

От бельчира мы стали подниматься правым истоком Балика, более значительным по количеству воды. Дорога стала хуже – больше болот и участков россыпи. Ландшафт стал мрачным. Долинку обступили круглые гольцы, сплошь поросшие фиолетово-черным ерником на фоне зеленовато-голубого ягеля. Колорит так себе. Продвигаясь все выше и выше мы наугад свернули в правый приток-ущельице. Дело в том, что Пельчже был здесь только один раз и весьма почтенное количество лет тому назад. Он забыл, что вполне естественно, каким ущельем надо подыматься к перевальному понижению в Хачик. По этому узкому и крутобокому ущельицу исчезла тропа и дорога там стала весьма скверной даже для верховых. То болото, то камень.